

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Ю. Я. Перепелкин

Кэйе и Семнех-ке-рэ

**К исходу
солнцепоклоннического
переворота
в Египте**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979**

Книга ученого-египтолога, автора монографии «Переворот Амен-хотпа IV», непосредственно касается двух известнейших в наше время деятелей фараоновского Египта — царя-солнцопоклонника Амен-хотпа IV (Эх-не-йота, «Эхнатона») и его жены царицы Нефр-эт («Нефертити»), его юных преемников — Семнех-ке-рэ и Тут-анх-йота (переименовавшего себя впоследствии в Тут-анх-амуна, «Тутанхамона»), а также примечательной особы, «жены-любимицы» Амен-хотпа IV — Кэйе (Кийа). В книгу включены новые данные о Кэйе, которые стали доступны благодаря изданию множества памятников, связанных с этой соперницей царицы, но не разгаданных издателями.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода в свет моей книжки «Тайна золотого гроба» (М., 1968; изд. 2, 1969) было издано огромное количество памятников, связанных с соперницей царицы Нефр-эт (Нефертити). Если прежде таких изображений и надписей из города Шмуна (Ермополя) было издано очень немного, то теперь они обнародованы сотнями, и данные их, естественно, включены в эту книгу. Поскольку ряд памятников, считавшихся изображениями Амен-хотпа IV с его преемником Семнех-ке-рэ, мог быть с большим правом сочтен за изображения царя-солнцопоклонника вместе с его возлюбленной, то встал вопрос, что же на деле представлял собой преемник Амен-хотпа IV. Поэтому значительная часть книги уделена Семнех-ке-рэ, причем использованы как общеизвестные, так и новые источники.

С искренней признательностью вспоминаю всех, кто так или иначе содействовал моим изысканиям. Особенно благодарен я за предоставление необходимых изданий Олегу Дмитриевичу Берлеву и Евгению Степановичу Богословскому.

ОБ ОБОЗНАЧЕНИЯХ, ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ

В этой книге приняты в общем те же обозначения, что и в моем исследовании «Переворот Амен-хотпа IV» (Ч. 1. М., 1967), и ссылки на параграфы относятся именно к тому изданию.

Для удобства читателей и ввиду некоторых изменений, внесенных в настоящую книгу, целесообразно и в ней коснуться принятых обозначений.

В примечаниях внизу страниц вынесены ссылки на мнения и наблюдения ученых, ссылки же на памятники включены в изложение. Названия книг и современных изданий, в которых воспроизведены или описаны памятники, представлены начальными буквами слов, составляющих эти названия; при этом предлоги и союзы, а в западноевропейских языках также определенные и неопределенные члены не принимались во внимание. В виде исключения издание *N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna* обозначено не четырьмя, а двумя начальными буквами, т. е. буквами EA, а не RTEA; это сделано для сохранения единства обозначения с моим исследованием «Переворот Амен-хотпа IV», где ссылки на названное издание самые частые. В конце книги приложен список сокращений, причем они расположены в порядке последовательности больших букв (маленькие буквы введены главным образом для различения иначе совпадающих сокращений).

Если за сокращением названия следует до двоеточия римское число, то оно обозначает отдельную часть или выпуск издания; стоящее до двоеточия четырехзначное арабское число обозначает год. Римское число, поставленное после двоеточия, указывает лист (таблицу), арабское же число — страницу. Число или буква, напечатанные курсивом за ссылкой на лист или страницу, обозначают отдельные воспроизведения на листе или странице. Число или буква, поставленные в круглых скобках за показателем страницы, обозначают примечание. Единица, двойка или тройка вверху строки непосредственно за сокращением названия указывают на издание книги.

Поясним сказанное примерами. ИДЕ: 132 = Искусство древнего Египта, стр. 132. TVR: XXXIII = The tomb of the vizier Ramose, лист 33. RFM 1932: 10 = Rapport sur les fouilles de Médamoud, за 1932 год, с. 10. JEA XVII: XXVII 4 = «The journal of Egyptian archaeology», vol. 17, лист 27, воспроизведение 4. TTA: 168 CXCV = Texts from the time of Akhenaten, с. 168, надпись, CXCV. [3] CA III: 151 (2) = The city of Akhenaten. P. 3, с. 151, примеч. 2. BPh²: 184 = Die Blütezeit des Pharaonenreichs, изд. 2, с. 184.

Поскольку издание *N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna* совершенно необходимо каждому, кто пожелает проверить изложенное в моих исследованиях о солнцопоклонническом перевороте, я ограничиваюсь в случае воспроизведенных в том

издании памятников ссылками на одно ЕА. На иные издания воспроизведенных там памятников ссылки делаются только тогда, когда другие издания в чем-нибудь восполняют ЕА. Для прочих памятников указаны по мере возможности разные издания, где можно найти воспроизведения, хотя эти указания и не притязают на исчерпывающую полноту. Вовсе оставлена забота о полноте в случае некоторых бесконечно часто воспроизводившихся памятников.

У читателя могут вызвать недоумение непривычные передачи египетских имен собственных. Привычная, но непоследовательная и часто произвольная передача древнеегипетских имен заменена единообразной передачей на египетский, хотя и поздний, именно коптский, точнее, саидский лад.

Таким образом, вместо привычных, обыкновенно греческих и арабских, обозначений городов и местностей употреблены их коптские соответствия. Так, вместо «Коптос», «Мемфис», «Фивы», «Илиополь», «Фаюм», «Асуан», «Эсне», «Мединет Абу», «Ахмим», «Ермополь» в книге значится: «Кебто», «Мэнфе», «Нэ», «Он», «П-йом», «Свэн», «Снэ», «Чэме», «Шмин», «Шмун». Более древнее название страны между южными и северными нильскими порогами «Куш» заменено восстановленным на коптский лад произношением «Кош». «Эп-эсове», употребленное вместо современного наименования «Карнак», представляет предположительное восстановление древнего названия, основанное на закономерностях египетского языка. Произношение «Висе», одного из обозначений Фив, основано на известной греческой передаче «Хамоис» египетского имени *X^c-м-в'ст*.

Имена древнеегипетских божеств звучат в этой книге настолько сходно с привычными их передачами, что вряд ли нуждаются в пояснении. Существенно отличны от обычных разве лишь три обозначения: коптское «Эсе» вместо греческого «Исида», коптское «Небт-хо» вместо ошибочного «Нефтида» и коптское «Мэ» («Правда») вместо условного «Маат».

По поводу имен частных лиц достаточно будет заметить, что там, где это было можно, они прочтены на коптский лад.

Из передач царских имен некоторые близки к привычным, и пояснять их нет надобности. Имя жены Амен-хотпа IV передано как «Нефр-эт», а не условно «Нефертити», на основании греческой передачи сходного египетского имени как «Нитетис» («Нефр-эт» — «Прекрасная пришла», «Нит-эт» — «Нэит пришла»), однако с учетом установленного наукой выпадения женского окончания *т* внутри сложных имен. Непривычно выглядят передачи царских имен, включавших в себя слово *хпр* (во множественном числе *хпрв* «явления»): «Нефр-шепр-рэ», «Анх-шепр-рэ», «Неб-шепр-рэ». Причиной тому замена на поздний лад звука *х* звуком *ш* в соответствии с греческим «Неферсофрис», которое склонны считать передачей наименования Тхут-мосе III *Нфр-хпрв* («Прекрасный явлениями»).

В сильнейшей мере отличает принятые здесь передачи от привычных произношение облюбованного Амен-хотпом IV наименования солнца *йтн* как «Йот» вместо ошибочного «Атон». Поскольку это наименование входит в состав ряда имен, они приобретают необычный вид: «Ах-йот» вместо «Ахетатон», «Эх-не-йот» вместо «Эхнатон», «Тут-анх-йот» вместо «Тутанхатон», «Ми-йот» вместо «Меритатон», «Анхес-эм-п-йот» вместо «Анхесенпаатон». Разностороннее обоснование правильного произношения наименования дано в статье Г. Фехта¹ (впервые правильное произношение было намечено в статье В. Ф. Олбрайта 1937 г.).² [4]

Египетские имена собственные, которые я не был в состоянии огласовать, переданы в составе одних согласных.

Устарелое слово «титло» предпочтено более привычному «титул». Слово «титул» в современном его восприятии означает обыкновенно определенный сан или звание, реже сочетание нескольких санов или званий. Тут же было необходимо слово, которое могло бы передавать ряд любых устойчивых обозначений того или иного лица, включая имя или

¹ G. Fecht. Amarna-Probleme (1-2) // ZAeSA. Bd 85, 1960. S. 83-118.

² W. F. Albright. The Egyptian correspondence of Abimilki, prince of Tyre // JEA. Vol. 23, 1937. P. 190-203.

имена. В таком смысле и применено здесь слово «титло».

Слово «кольцо» обозначает повсеместно в книге округлый ободок с перекрещивающимися сзади концами, в который вписано царское имя, так называемый картуш. «Кольцо» — перевод одного из египетских обозначений такого ободка.

Наконец, словом «сень» обозначено прямоугольное деревянное сооружение, словно глубокая крышка накрывающее гроб. В науке о русских древностях «сенью» зовется не только навес над гробом, но и легкая часовенка, прикрывающая его сверху и с четырех сторон, как и египетское сооружение. В переводах названий солнечных храмов или храмиков женских членов царского дома — «сень Рэ» такой-то царицы или царевны — слово «сень» употреблено в обычном своем значении.

При передаче источников употреблены следующие условные знаки. В круглые скобки заключены слова или части слов, никогда в источнике не имевшиеся и вставленные для ясности. В квадратные скобки заключены слова или части слов, восстановленные в разрушенных местах источника. Многоточием отмечены места, сохранившиеся в источнике, но опущенные при передаче. Прерывистой чертой отмечены места, ныне в источнике разрушенные и при передаче не восстановленные.

В целях облегчения печатания книги передача египетских согласных латинскими буквами с различительными надстрочными и подстрочными значками заменена передачею русскими буквами без каких-либо различительных значков над или под строкою. Разумеется, это — чисто условная передача, ни в коей мере не притязающая на языковедческую точность.

'	' над строкою	h с дужкой	х
j	и	h с черточкой	хь
c	c над строкою	z	з
w	в	s	с
b	б	s с птичкой	ш
p	п	k с точкой	къ
f	ф	k	к
m	м	g	г
n	н	t	т
r	р	t с черточкой	ч
h	^x над строкою	d	д
h с точкой	хъ	d с черточкой	дж

[5]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦАРИЦА НЕФР-ЭТ

Раньше, чем говорить о сопернице царицы, надо сказать о ней самой. Ведь особенно охотно влияние на государственные дела приписывают супруге Амен-хотпа IV. То выдающееся необыкновенное положение, которое она занимала рядом с ним, как будто оправдывает такое мнение.

«Она о бок с Ва-н-рэ вековечно, вековечно (подобно тому), как небо остается с тем, кто в нем (т. е. с солнцем)» (EA VI: XXV, строки 23-25). «Одарило оно (т. е. солнце) его (т. е. фараона) тысячью тысяч празднеств тридцатилетия, (тем временем как) жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — о бок с Ва-н-рэ» (EA VI: XXV). «Поставило ты (т. е. солнце) сына твоего, возлюбленного твоего, живущего правдою, владыку обеих земель [Нефр-шепр-рэ] Ва-н-[рэ] (так, что) он жив с тобою вековечно, — (тем временем как) жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — (находится) о бок с ним, — творя то, чем довольно сердце твое, видя, что творишь ты повседневно, (и) ликует он при виде красоты твоей» (EA I: XXXVI). «Она глядит (на) властелина постоянно непрестанно» (EA VI: XIV).

И действительно, изображения на стенах гробниц, храмов, дворцов, на их столбах, на божницах, на плитах неизменно показывают царицу рядом с супругом. Что их изображают вместе в семейном кругу, у себя дома, понятно само собой (EA II: XXXII, EA III: IV, VI, XVIII, XXXIV, EA IV: X, JEA VII: II = ИДЕг: 369, BPh¹: 157 = Eg: 183 = EHBAIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: 14-15 = RID: 3 = EPh: 84-85 = NKAP: VIII = BiPh: против 208 = EgPh: XV B = ZCEER: против 177 58 = ZZR: против 128, MDOGB LII: 27 = PKN: I = AeKHK: XIV = RID: 49 = ИДЕг: 349 = GMAAe: XVII = TST: 24, IKG: XXIV 10 = MDOGB LVII: 5 = PKN: 16, ABKK XXXIV: 138 = ZAeSA LII: 77 = ABPS XL: 61-62 = PKN: 26 = KEA II: V = ARK: XXII = AeKHK: XV a = RID: 41 = ИДЕг: 371 = BHeф: XLI, TEA: I 16, DAeS II: LXXXIII = BPh²: 185 = JEA XIV: XIV = OeA: между 114 и 115 = BHeф: XXXIII = FAAe: LXVII и во многих других изданиях). То же можно сказать о совместном оплакивании ими умершей дочери (MSECAE I: VI [= ИДЕ: 141 = [6] ИДЕг: 367 = BHeф: 82 = ZZR: 45], VII = VIII, X = XII). Но мы постоянно видим также царя и царицу служащими вместе лучистому солнцу (*passim*). Таких изображений в Ах-йот множество, а исключения — величайшая редкость. Без какой-либо спутницы царь служит лучистому солнцу обыкновенно лишь в ранние годы до выдвижения Нефр-эт (см. § 70); позже он служит без Нефр-эт разве только тогда, когда вместо нее с ним служит его побочная жена (см. гл. II) или его мать, вдовствующая царица Тэе (TQT: XXXII = XXIX, надгробная сень самой Тэе). Вместе царь и Нефр-эт отбывают в храм на разных колесницах (EA I: X = XVII, EA II: XIII = XVI) или оба на одной (EA III: XXX-XXXII + XXXII A), вместе вступают на наружный двор храма (EA I: XXV = XXVII, MSECAE I: I = ИДВ I: 310 = ДМ I: 5 = VMPh: 104), вместе поднимаются на площадку перед жертвенником на следующем дворе (EA II: XVIII), вместе покидают храм на колеснице (EA IV: XX). Вместе царь и царица посещают гробницу приближенного (EA VI: III).

Рядом с царем показывается царица и на выходах чисто государственного порядка. Если она присутствует бок о бок с царем во дворцовом окне, когда награждается вместе с мужем Эйе ее кормилица Тэе (EA VI: XXIX = XLII) или же ее собственный домоправитель Ми-рэ (EA II: XXXIII = XXXIV), то это можно объяснить близкими взаимоотношениями с награждаемыми. Присутствие царицы при награждении верховного жреца семейного храма царской семьи (EA IV: VI-IX) тоже не вызывает вопросов. Но царица показывается в окне с супругом и тогда, когда золотом награждаются правитель Ра-мосе (FTEQ: XV = EW: XV = DGKAIV: VI = ABPK XL: 217-218 = AeKHK: XI = TVR: XXXIII = LIII), стольник П-рен-нуфе (JEA IX: XXIII = XXIV 1, EA IV: IV = IX), второй жрец государственного храма Пи-нхас (EA II: X). Она стоит рядом с царем, когда тот на дворе перед храмовыми складами осыпает золотом верховного жреца солнца Ми-рэ (EA I: XXV = XXX). Она сидит рядом с мужем во дворце, когда фараон дарует временщику Туту доходы с государственных и храмовых должностных лиц

(EA VI: XVII). И она же появляется в окне с царем при возведении Туту в верховного жреца фараона (EA VI: XIX) и Ми-рэ в верховного жреца солнца (EA I: VI = VII). Вместе с царем ее несут в золотых носилках принимать дань подвластного мира (EA III: XIII), и рука об руку сидят они оба на возвышении, обозревая доставленное (EA II: XXXVII = XXXVIII). На одной колеснице с мужем царица объезжает столичные заставы (EA IV: XX = XII C, XXII = XLI), в сопровождении сановников, под приветствия городской стражи.

Царицу с царем показывают также вместе изваяния, хотя и не так бесконечно часто, как плоскостные изображения. То царь и царица стоят рядом, а ее левая рука покоится в его правой (STEA: 35 26 = VMPh: 134 = A: 23 = ZZR: между 128 и [7] 129; TEA: I 1 = STEA: 49 52 = A: 22), то они сидят вместе, причем царица обвивает одной рукой стан мужа (от царицы уцелела лишь эта рука, DAeS I: XLV = ОИДИ: 160 = STEA: 27 12-13, APHe: colour I). Вот оба стоят рядом друг с другом и держат перед собою скрижали с солнечными и царскими именами (EA V: XLI = XLIII + XXXVI [= XXXIV], XL, XXXVII, 23-27; ср. EA III: XXX). Подобные изваяния вырубались в скале подле надписей на рубеже новой столицы, т. е. подле памятников государственного значения.

Следует ли, однако, из всего сказанного, что царица Нефр-эт участвовала в управлении государством? Вычитать это из самих изображений нельзя, а то, что вместе с царем и царицей на плоскостных изображениях почти всегда, а в виде изваяний довольно часто представлены маленькие дочери, доказывает, что одно появление рядом с царем еще не свидетельствует о влиянии на государственные дела. Если девочек изображали не по причине такого влияния, то почему мать должны были изображать обязательно из-за него? Маленькие царевны сопровождают родителей даже на изображениях самого что ни есть государственного порядка: при назначении сановников, при награждении их, при приеме иноземной дани...

Но имеются и такие изображения, на которых царица как будто бы впрямь показана деятельно и самолично подвизающейся на государственном поприще. По крайней мере так подобные изображения подчас толковались современной наукой. Речь идет о росписях (?), покрывавших снаружи легкие сооружения на царских судах. Царица на таких изображениях не только глядит, как ее муж заносит оружие над головой неприятеля (RMVI: LIV 8, ср. EA V: V; подобное было изображено и на храме в Нэ: О XLII: XXXVII 1), но делает то же сама, к тому же единолично, одна, без супруга (ARHAC: 83 = ARH: CXCI PC 67 = APHe: XXIII). Однако никто, конечно, отсюда не сделает вывода, что Нефр-эт собственноручно поражала иноземных врагов Египта. А если эти изображения не более как условность, то умозаключать по ним о действительной, а не условной государственной деятельности царицы никак невозможно. В этом смысле ее воинственные изображения имеют не больше значения, чем ее звания «владычица обеих земель» (см. § 88), «госпожа Верховья (и) Низовья» (см. § 90), «госпожа земли до края ее» (см. § 90) или такие общие места, как «скажет она вещь всякую, (и) сотворятся те» (EA II: VIII). Бесспорно, Нефр-эт была «владычицею дворца» (JEA XVII: XXIV-XXV), «большою во дворце» (EA V: IV, XXVII, XXIX = TTA: 104), но ее значение вне дворца точнее, возможно, передавало обозначение «госпожа женщин всех» (EA II: VIII) — «женщин», не «мужчин».

То, что известно о хозяйстве царицы, тоже не дает оснований отводить ей какое-то самостоятельное, независимое место [8] в государстве. Ее домоправитель, т. е. управляющий хозяйством, «распорядитель дома, распорядитель дома белого (т. е. хранилища ценностей), распорядитель женского дома царева же[ны ца]ревой большой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — писец царев Ми-рэ» (EA II: XXXI + XXIX, ср. XXX, XXXVI) был, несомненно, видной особою, как о том свидетельствует его довольно представительная гробница в скалах Ах-йот (EA II: I + XXVIII). Поэтому, как и в случае домоправителя вдовствующей царицы Хойе, носившего у нее те же три звания, что и Ми-рэ у Нефр-эт (EA III; сходные гробницы обоих расположены рядом), мы вправе включить, что домоправитель молодой царицы управлял значительным имуществом. К сожалению, о самом хозяйстве Нефр-эт мы осведомлены мало. Известно только, что в составе его имелись

виноградники, расположенные, по-видимому, в основном на «потоке западном», иными словами, в Низовье (СА I: LXIII 1, LXIV 1, ср. без имени, с безличным «жены царевой» СА I: LXIII G и ТЕА: XXII 11), но, видимо, также в «Котловине Южной» (т. е. в Южном Оазисе, СА I: LXIII K, безлично — «жены царевой»). Судя по относительному обилию винодельческих пометок на сосудах, упоминавших «дом (т. е. хозяйство) Нефр-нефре-йот Нефр-эт» (кроме перечисленных еще СА I: LXIV 2 = ТТА: 180 ССХVIII А, СА III: LXXXV 28, 29, 30), ср. закупорку сосуда СА III: LXXXI 24) или «дом жены царевой» (кроме уже названных еще ТЕА: XXIV 90), виноградники царицы могли быть значительных размеров. Имелся и склад [дома?] Нефр-нефре-йот [Нефр-эт], хранивший «вино доброе» (СА III: LXXXI 25). Но всего этого недостаточно, чтобы приписать хозяйству царицы особое значение в государстве.

Вышеупомянутый Ми-рэ был не только домоправителем и казнохранителем царицы: он был также «распорядителем женского дома царева жены царевой большой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!». Выходит, что у царицы был свой «женский дом (*ḥntm*)», обособленный от дворца фараона. О том же свидетельствует и обет царя, данный при основании новой столицы: «Сотворю я м[н]е дома (*ḥrīm*) фараона — жив, цел, здоров! — сотворю я дома жене царевой в Ах-йот на этом месте» (плита Ах-йот К, строки 16-17 — ЕА V: XXX = XXXVIII = ТТА: 114; плита Ах-йот Х, строка 19 — ЕА V: XXXII). Спрашивается, можно ли опознать в развалинах дворцовых сооружений посреди Ах-йот остатки дворца царицы?

Бок о бок с основной каменной частью дворцовых развалин лежала кирпичная их часть, отделенная улицей с висячим переходом над нею. Кирпичное сооружение было обширным, хотя и не таким огромным, как каменное. С лицевой стороны кирпичного здания был разбит большой сад, с деревьями и цветами, пересеченный желобками оросительной сети. Спереди [9] в сад вели ворота с башнями по сторонам, а сбоку от него поверхность понижалась уступами в сторону упомянутой улицы. Внутри сооружение представляло сплетение дворов, переходов, больших и малых помещений со столбами или без них. Ближе к задней стене сооружения было откопано шесть спален, расположенных одни за другими по три в ряд, каждая с углублением в стене для кровати. В одном из помещений за спальнями пол и стены были испещрены разноцветными мазками, как если бы о них вытирали кисти. И действительно, тут нашлись как кисти-тростинки, так и сами краски (СА III: 87). Ближе к лицевой стене сооружения было раскопано просторное помещение с переднею и с умывальной по соседству и уже у самой этой стены — большая комната с возвышением в глубине.

В передней перед упомянутым просторным помещением имелась превосходная стенопись, изображавшая царское семейство у себя дома — царя, царицу и их шесть дочерей (JEA VII: II = IDEg: 369). Дж. Д. С. Пендльбюри, довершивший в 1931–1932 гг. раскопки сооружения, начатые в конце прошлого века В. М. Флиндерсом Питри, не без основания полагал, что в шести спальнях спали шесть дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт.¹ В помещении же, испачканном красками, Дж. Д. С. Пендльбюри готов был видеть игральную царевен.² И действительно, они баловались живописью. В гробнице Тут-анх-амуна была найдена небольшая дощечка (палитра) из слоновой кости с шестью гнездами для красок, принадлежавшая сестре его супруги в бытность ее еще царевной — «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот, рожденной женою царевой великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (ТТ III: XXII А = Т III: XXI Е = ГТ: СХХIV = ТСТ: 55). Имеется такая же совсем игрушечная дощечка второй царевны — «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Мек-йот, рожденной женою царевой великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (SE II: 296-297 = ZZR: между 128 и 129). Определителем к имени родительницы служит на дощечке Ми-йот знак царицы с «бичом» и в венчике, на дощечке Мек-йот тоже знак царицы с «бичом», но с высокими перьями на голове. Поэтому обе вещицы, вероятно, поры ранних солнечных колец (см. § 80), когда обе царевны были еще маленькими (см. § 91, 92). Если на дощечке Мек-йот корень *mrī* написан

¹ J. D. S. Pendlebury. Tell el-Amarna. L., 1935. P. 92; он же. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 87.

² J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 87.

действительно знаком протока, как представляется по снимку, то царица была еще младенцем, когда для нее изготовили (впрямь?) эту крошечную вещицу (см. § 104). У Ми-йот для *мри* оба раза употреблен знак пруда, так что она могла быть уже девочкой, пускай небольшою, но все же «школьного» [10] возраста (см. § 104). Таким образом, ничто не мешает, напротив, все побуждает видеть в шести спальнях опочивальни шести царевен.

Дж. Д. С. Пендльбюри полагал, что помещение с передней и умывальной могли быть царской опочивальней.³ На царя или царицу намекает изображение царской семьи на стене передней. Никаких следов обитания здесь двух лиц нет. Наоборот, то обстоятельство, что умывальная одна и в ней всего одна каменная плита-лежанка со стоком для воды с нее в полу, позволяет предполагать, что тут обитало одно лицо. Предпочтение должно быть, конечно, отдано царице из-за расположенных неподалеку спален шести царевен, которые, как заявлял сам царь в одной из своих клятв о новой столице (EA V: XXVII-XXVIII), состояли непосредственно «под рукою» матери, а не отца. Выходит, что показания надписей об отдельном, особом местообитании царицы как будто вполне согласны с данными раскопок. Царь в таком случае должен был обитать в соседнем главном дворце. «Не жил ли он в том великолепном его боковом крыле, которое, как показала М. Э. Матье, без достаточных оснований принимали за женский дом фараона?»⁴ Действительно, вереницы связанных пленников, написанных там на полах (TEA: 13-14, I = Eg: 151 = AA: XVIII = BPh²: 174 = BiPh: против 209; CA III: 41), более подходили к покоям попиравшего их властелина, чем к жилищу его жен, среди которых имелись иноземные царевны. Длинный ход вдоль стен данного сооружения годился для обходов стражи самого фараона ничуть не меньше, чем для обходов стражи его женского дома. Что в этом крыле дворца не обнаружено помещения с углублением в стене для кровати, не имеет значения. На изображениях царского дворца в вельможеских гробницах Ах-йот ложе фараона в его опочивальне стоит то под навесом на точеных столбах (EA VI: IV, XXVIII, ср. XIX), то под кровлей, понижающейся с понижением самого ложа от изголовья к ногам (EA I: XVIII, XXVI, EA III: XIII, XXXIII), то, наконец, оно помещено таким образом, что постель можно стлать, стоя в его ногах (EA IV: VIII). Ясно, что ложе фараона художники представляли себе стоящим отнюдь не в углублении в стене.

Основывая новую столицу, царь клятвенно заверял, что воздвигнет также особый солнечный храм имени царицы: «Сотворю я сень Рэ жены царицы — Йо[т]у, моему от[т]цу, в Ах-йот в эт[о]м месте» (плита Ах-йот К, строка 15 — EA V: XXX = XXXVIII = JEA XXI: 136 = TTA: 113-114 = CA III: 190, ср. плита Ах-йот Х, строка 17 — EA V: XXXII). Насколько мне известно, надежных свидетельств касательно того, что обещанная «сень Рэ» была действительно воздвигнута, не имеется. «Сень [11] Рэ — жив, цел, здоров! — жены царицы — жива она! — на юге» (CA III: 201) названа в одной скорописной производственной пометке, сделанной, во всяком случае, после введения солнечных колец (кольцо вокруг «Рэ», см. § 16). Однако можно согласиться с Х. В. Фэрменом, что эта южная «сень Рэ», вероятно, не что иное, как «сень Рэ» в царской усадьбе на юге Ах-йот.⁵ Ну, а та «сень Рэ» до передачи ее царевне Ми-йот принадлежала не Нефр-эт, а побочной жене царя (CA I: XXXIV 1 = LVI = TTA: 167 CXCI, CA I: XXXIV 2 = LVI = TTA: 167 CXCI, ср. CA I: LVI B, LVII 83, см. гл. II). Предположительные восстановления CA III: 171(2) не имеют доказательной силы, к тому же неясно, кто здесь «жена царицы» — Нефр-эт или Кэйе?

Отсутствие определенных известий о «сени Рэ» царицы вызывает некоторое недоумение, поскольку о «сенях Рэ» других представительниц царствующего дома сведения имеются. Известны «сень Рэ» вдовствующей царицы Тэйе (EA III: VIII = IX + X + XI + XII), «сень Рэ» старшей царевны Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 210-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV; другая ее «сень Рэ», переименованная из чужой «сени Рэ», — CA I: XXXIV 1 = LVI = TTA: 167 CXCI, CA I: XXXIV 2 = LVI = TTA: 167 CXCI, ср. CA I: LVI B, LVII 83, см. гл. II), «сень Рэ» третьей царевны Анхес-эм-п-йот (ZAeSA LXXIV: 105 — «сень [Рэ] дочер[и] царицы от утробы [его,

³ Ibid. P. 88.

⁴ М. Э. Матье. Искусство древнего Египта. Л., [1961]. С. 332.

⁵ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 201.

возлюбленной его, Ан-хес-]эм-п-йот [в доме ликования] Йота [в доме Йота в Ах-йот]»; в цельном виде это название — MDAIAK XIV: X 1 = ARH: LV 450-VII A; не исключено, впрочем, что и эта «сень Рэ» переименована из другой «сени Рэ», см. гл. III), «сень Рэ» побочной жены царя (см. сказанное под «сенями Рэ» Ми-йот и Анхес-эм-п-йот). Приходит на ум даже мысль, вероятно неправильная, что «сень Рэ» царицы так и не была воздвигнута, потому что личный солнечный храм царской семьи «двор Йота» (CA III), полный изваяний ее членов (CA III: 186-187) и расположенный подле вероятного дворца царицы (см. выше), с лихвой заменил собою такую «сень», хотя первоначально царь имел в виду соорудить «сень Рэ» царицы особо от «двора Йота» («Сотворю я двор Йота Йоту, моему отцу, в Ах-йот в этом месте. Сотворю я сень Рэ жены царицы - - - Йо[т]у, моему о[т]цу, в Ах-йот в эт[о]м месте» — плиты Ах-йот К, строка 15, и X, строка 17: EA V: XXX = XXXVIII = JEA XXI: 136 = TTA: 113-114 = CA III: 190; EA V: XXXII).

И все-таки осколок столба с остатками надписи (CA III: CI 12) из того самого бокового крыла дворца, которое обычно принимают за женский дом фараона, мог бы свидетельствовать, что здесь или где-то поблизости находилась «сень Рэ» царицы. Правда, для этого надо, чтобы надпись можно было восстановить [12] таким образом: «[Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) йот, (кому) дано жить ве]чно, [векове]чно, [Йот живой великий, что в] празднестве [тридцатилетия], владыка окружаемого всего [солнцем, владыка кеба, владыка земли в(?) сени Рэ] жены царицы великой, [в доме ликования] Йота в доме Йота в [Ах-йот]». Размеры пробелов допускают такое восстановление, но только кружку «Рэ» пришлось бы тогда стоять одному посреди отвесной строки с пустотою справа и слева и даже без черточки. Зато «дом ликования Йота» был бы как раз подходящим местом, так как в нем были «сени Рэ» царевен и Кэе (см. гл. III) и один из «домов ликования» был дворцовым (см. гл. III). Но только все целиком боковое крыло никак не могло быть «сенью Рэ», какою мы ее знаем по изображению в гробнице Хойе («сень Рэ» Тэе, EA III: VIII = IX-XI), по остаткам в южной усадьбе и по камням из Шмуна («сени Рэ» Кэе, впоследствии Ми-йот и Анхес-эм-п-йот; см. гл. II и III).

Другая вещь из восточного крыла дворца, которая могла бы намекать на связь его с царицей, — это обломок деревянной крышки от письменного прибора (от вместилища для писчих тростинок) с надписью «- - - вековечно! Жена царицы [велик]ая - - -» (CA III: 45). Значение эта находка имела бы только в том случае, если б титул царицы предшествовали кольца солнца; если до нее был упомянут фараон, то прибор мог быть его, а не Нефр-эт. Однако последнее маловероятно, так как титул царя перед титулом царицы обычно не имеет — редкой вообще у царя — концовки: «жив он вечно вековечно!» (см. § 55). Но если б прибор и принадлежал Нефр-эт, то отсюда до заключения о принадлежности ей восточного крыла дворца было б еще очень далеко. В государственных учреждениях, расположенных поблизости от дворца, была найдена трубочка для глазного притирания, принадлежавшая четвертой дочери царской четы — Нефр-нефре-йот Малой (CA III: LXXVIII 7), но кто же сделает из этого вывод, что маленькая царевна проживала именно тут? А что касается куса от облицовки водоема, помещавшегося в восточном дворцовом крыле, то на ней значилось отнюдь не одно титул царицы, но и титул царя, как доказывает уцелевшая перед ее званиями концовка: «[большой по] веку своему» (TEA: X).

Но царица имела не только свое особое хозяйство, свое особое казнохранилище, свой особый дворец, она имела и свои особые царские корабли с кормилами, увенчанными ее резною (?) головою (EA V: V, ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 = ARhE: XXIII), и с беседками, украшенными ее изображениями с мужем (EA V: V) и без него (ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 ARhE: XXIII).

Но как бы то ни было, ни угоды, ни производства, ни сооружения, ни прочие известные нам богатства царицы не таковы, [13] чтоб на основании их одних можно было умозаключить о большом ее влиянии на государственные дела. Однако есть одно прелюбопытное явление, которого мы еще не коснулись. Имею в виду то отношение, в которое ставится к солнцу царица, отношение, напоминающее несколько то, в котором состоит к своему лучезарному «отцу» сам «Единственный для Рэ» — Амен-хотп IV.

Когда за именами царя следует имя Нефр-эт, им большей частью предпослано имя солнца (passim). Тем самым царица помещается как бы на одну доску с царственным светилом и его «сыном». На изображениях солнечный круг не простирает своих рук-лучей ни к кому из подданных (passim), даже к царевнам, даже, на первых порах, к побочной жене фараона (см. гл. III и VI): солнце простирает руки-лучи только к венценосным особам. Амен-хотпа IV и Нефр-эт оно обнимает лучами-руками, касается ими их венцов, поддерживает венцы, подносит к носам царственной четы знак жизни (passim). Правда, в солнцепоклоннической столице такого выдвижения в один ряд с солнечным именем удостаивались также имена покойного Амен-хотпа III и его здравствующей вдовы Тэ́йе (EA III: XXI четыре раза, возможно также XIX; CA III: LXIV 6 = 155; TQT: XXXI = 13 = TTA: 164 CLXXXVIII, TQT: XXXII = 14 = TTA: 165 CLXXXVIII, два раза). Равным образом каждому из них протягивает свои руки-лучи солнце и подносит к носу по знаку жизни (EA III: IV, XVIII, TQT: XXIX = XXXII = XXXIII, JEA XII: I = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE: XXII b = VMPh: 147). Однако умерший фараон и его вдова далеко не часто появляются на памятниках новой столицы. Да и вообще все то, чего удостаиваются Амен-хотп III и Тэ́йе у лучистого «отца» их сына, не более как бледный сколок со взаимоотношений солнца и молодой царской четы: ведь до Амен-хотпа IV и Нефр-эт всего этого не было и в помине.

Любовь солнца к фараону — общее место в солнцепоклоннической письменности. Но не он один — «возлюбленный Йота». «Любимую Йота живого» является и Нефр-эт (EA V: IV). И если солнцу говорят: «Восходишь ты, чтобы дать ему (т. е. царю) вековечность, умиротворяешься ты (т. е. заходишь), (да) дашь ты ему вечность» (EA V: XXV, строка 4), то и для царицы «восходит Йот, чтобы дать ей жалование (т. е. милость), умиротворяется он, чтобы умножить любовь ее (т. е. любовь к ней)» (EA IV: XXI). И для обоих, для царя и царицы, солнце поднимает утром людей: «Поднимаешь ты их для сына твоего, вышедшего из плоти твоей, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-[шепр]-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, (и) жены царевой великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она, молода она вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 13). [14]

Знаменитая песнь солнцу из гробницы Эйе зовется не просто солнечным славословием, а «утренним прославлением Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, Йота живого, великого, что в празднестве тридцатилетия, владыки окружаемого всего солнцем, владыки неба, владыки земли, владыки дома Йо[т]а в Ах-йот, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-[шепр]-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдо[ю], владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царевой великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-[э]т — жива она, здрава, молода вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 1). Под сходным названием начало этого славословия было включено в другое сочинение в гробнице Мойе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царевой великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель, большой любовью, Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (EA V: II, строки 1-2). Еще одно славословие озаглавлено таким способом у Эйе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-э[т] — жива она вечно вековечно!» (EA VI: XXV, строка 1). Озаглавить так ухитрились даже сложное в честь милостивца-фараона «жизнеописание» Мойе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в [небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-[не-йота], большого по веку своему,

повелительницы, большой во дворце, прекрасной ликом, приглядной в (головном уборе из) двух перьев, любимой Йотом живым, жены царевои великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (ЕА V: IV). Таким образом, утреннее славословие обращают одновременно к солнцу, царю и царице — вместе с солнцем и царем молятся также Нефр-эт. И что то были не пустые слова, доказывают наглядно каменные плиты с изображением лучистого солнца и царской семьи, водружавшиеся верноподданными у себя дома для поклонения.⁶ [15]

Молитвы к царице могли быть не только ее прославлениями, но и прошениями к ней. Молебные просьбы к царице бывают начертаны по бокам дверей в вельможеских гробницах следом за подобными же обращениями к солнцу и царю. Вместе с ними и подобно им царицу призывают как подательницу различных благ. В одних случаях раньше, чем высказать просьбу, воздают хвалу, в других — начинают с древнего заклинания, которое египтяне с давних времен обращали к своим богам, поминая умерших: «жертва, данная царем» такому-то египетскому божеству (с тем, чтобы оно дало то-то и то-то покойному). Следовательно, в таких случаях царица занимала место прежних божеств наряду с солнцем и своим супругом. Соответственно и просьбы, обращенные к ней, многообразны, касаются как житейских, так и загробных благ.

«Хвала двойнику твоему, [Нефр-нефре]-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она принимать хлебы, (приношение), выходящее (на жертвенник) пред (солнце), студеною воду, жертву во дворе солнечного камня (т. е. в глубине главного храма столицы)» (ЕА II: XXI).

«Хвала двойнику твоему, Нефр-[нефре]-й[от] Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она память добрую пред царем, жалование (т. е. милость) его постоянно (?) повседневно» (ЕА II: XXI).

«Жертва, данная царем, жен(е) царев(ой) велик(ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-н]ефре-йот Не[фр]-эт — жива она вечно вековечно! (Да) дашь ты славить царя в доме его, [м]оего владыку, образовавшего (меня), сотворившего меня, явившего (меня)!» (ЕА II: IX).

«Жертва, данная царем, жен(е) царев (ой) велик (ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-нефре-йот Нефр-эт] — жива она вечно вековечно! (Да) даст она входить (во дворец) жалуемым, выходить любимым, память добрую пред царем» (ЕА II: IX).

«Жертва, данная [ца]рем, [жен(е)] царев(ой) [велик(ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих] зем[ель Нефр-нефре-йот] Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она входить жалуемым, выход(ить) любимым, сладость сердца в Ах-йот» (ЕА V: IV).

«[Жертва, данная царем, жен(е) царев(ой) велик(ой)], возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-нефре-йот Нефр-э]т — жива она вечно вековечно! (Да) даст она жалование (т. е. милость) свое остающимся, твердым, плоть, приобщенною радости, что дает она» (ЕА V: IV).

«[Жертва, данная царем,] - - - высок(ой) двумя перьями, блистательн(ой) венцами (?), любим(ой) (?) владык(ою) обеих земель! (Да) дашь ты видеть Йота - - -» (ЕА IV: XXXIX).

Очевидно, у солнцепоклоннических вельмож царица находилась на положении богини. Недаром кормилица ее величалась [16] «взрастившею божественную» (ЕА VI: XXIV, XXV, XXXI два раза).

Молиться можно было, правда, и Тэ́е. Домоправитель вдовствующей царицы Хойе поместил одно такое небольшое обращение к ней в своей гробнице в Ах-йот: «Хвала двойнику твоему, владычица обеих земель, освещающ(ая) обе земли красотой своею, м[ать] ца[ре]ва, жена царева великая Тэ́е, владычица пищи, многая довольствием... - - - в жизни доброй, в приобщении к радости в... - - -» (ЕА III: XIX). Но это — молитва в гробнице собственного служащего Тэ́е. Впрочем, в самом солнцепоклонническом городе была найдена плита молебного вида с изображением Амен-хотпа III и его вдовы под лучистым

⁶ L. Borchardt. Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabuneren 1912/13 in Tell el-Amarna. Lpz., 1923.

солнцем их сына (JEA XII: I = ARK: VII = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE: XXII b = VMPh: 147 = APhE: XXX). Однако эти единичные примеры почитания Тэ́е не более как подражание тому поклонению, которым окружили себя Амен-хотп IV и Нефр-эт.

Откуда же пошло такое боготворение молодой царицы? Ни об одной другой царице за все предшествующие две тысячи лет существования фараоновского царства не известно ничего подобного. Известно, что Тэ́е чтилась как божество в особом храме, но то было далеко на юге, около третьих порогов, за пределами Египта. А Нефр-эт чтили повсеместно и непрестанно вместе с солнцем и его сыном в самой столице государства.

Никакими догадками о том, что Амен-хотп IV мог быть обязан престолом женитьбе на «наследнице» Нефр-эт, боготворение ее, как и необыкновенное положение ее в целом, объяснить невозможно. Да и сами такие догадки лишены всякого основания, более того, начисто опровергнуты памятниками. Слабым опровержением была бы, конечно, ссылка на то обстоятельство, что среди известных нам по имени дочерей Амен-хотпа III нет Нефр-эт: ведь и о самом Амен-хотпе IV, несомненном сыне Амен-хотпа III и Тэ́е, ничего не слышно до воцарения. Не является решающим и то, что надписи, без счета величая Нефр-эт «женою царевой великой», ни разу не добавляют «дочь царева»: добавлять это было не обязательно, а при том необыкновенно высоком положении, которое царица занимала рядом с Амен-хотпом IV как его супруга, быть может, даже неуместно. То, что опровергает те догадки, — это титул сестры царицы Нефр-эт, не раз появляющейся на памятниках солнцепоклоннической столицы вместе с царской четою и ее дочерьми. Будь эта особа дочерью Амен-хотпа III, ее не преминули бы величать «дочерью царевой»,⁷ как величали при солнцепоклонническом дворе дочь покойного фараона и Тэ́е Бок-йот («дочь [17] царева от плоти его, возлюбленная его, Бок-йот» — EA III: IV, VI, VIII = IX, XVIII; «дом дочери царевой Бок-[йот]» — CA III: LXXXVI 42). На деле же сестра царицы именуется всего лишь «сестрою жены царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — Бенре-мут» (EA VI: IV, XXVI = XXXI, в поврежденном виде — EA II: VII, ср. EA V: III, EA VI: XVI; тоже в поврежденном виде, но со вставкой перед именем царицы: «возлюбленной [его], владычицы обеих земель» — EA II: V, также, возможно, до разрушения — EA II: V; кратко: «сестра жены царевой [велик]ой [Бенре]-мут» — EA V: V).

Если сестра царицы не была царской дочерью, то таковою не была и она сама. Это, конечно, не означает, что Амен-хотп IV и Нефр-эт не были родственниками. По всей видимости, они были даже близкими родственниками. Когда еще не были выяснены отличительные признаки голов Амен-хотпа IV и Нефр-эт,⁸ их, случалось, путали, а иногда это происходит и сейчас. Удивляться тому не приходится, потому что сходство действительно велико. У обоих утонченные худощавые лица с тяжелыми веками и нежно очерченным носом, черепа с выступающим затылком, длинные, тонкие шеи. То, что отличает голову царя от головы царицы, — это узкость лица, пухлые губы, отвислый подбородок и выгнутость назад шеи (у царицы шея выгнута вперед). Но эти отличия ни в коей мере не нарушают общего сходства. Амен-хотп IV и Нефр-эт были родственниками, но такое родство никак не объясняет необыкновенного положения царицы.

Объяснение дают сами солнцепоклоннические памятники. Они непрестанно восхваляют обаяние Нефр-эт и ее способность внушать любовь к себе. Она — «прекрасная ликом, приглядная в (головном уборе из высоких) двух перьев» (EA II: VII, EA V: IV, XXVII, XXIX, строка VII = TTA: 104), «умиротворяющая Йота голосом сладостным, своими руками приглядными со гремушками» (во время храмовой службы, EA VI: XXV, строки 21-23), «сладостная голосом во дворце» (EA V: XIII) и вообще «та, слыша голос коей ликуют» (EA V: XXVII, ср. XXIX, строка VII [= TTA: 104] и XXXI, строка X). Она — «владычица приязни» (EA III: VI, EA IV: XXXI, EA V: XXIX = TTA: 104, строка VIII, TEA: XII 1, 2), «сладостная любовью» (EA III: VI, TEA: XH 1, 2), «большая любовью» (EA V: XXIX = TTA: 104, строка VIII, ср. AJSLL XXV: 71), «большая любовью в доме Йота» (JEA XVII: XXIV-XXV, HTES VIII: XXVI = 29). «Восходит Йот, чтобы дать

⁷ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon Toutankhamon. [P., 1963]. P. 123.

⁸ H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.

ей пожалование (т. е. благорасположение), умиротворяется он, чтобы умножить любовь ее (т. е. к ней)» (ЕА IV: XXXI). Она не только «жена царева великая, возлюбленная его» (*passim*), но и «[л]юбимая владыки обеих [18] земель» (ЕА IV: XXXIV), «т(а), образом кое(й) доволен владыка обеих земель» (ЕА V: XXIX = ТТА: 104, строка VIII, ср. ЕА V: XXXI, строка X), «омывающая (т. е. радующая) сердце царя в доме его, т(а), сказанным кое(й) всем довольны» (ЕА II: VII).

Однако все уверения и похвалы, в которых вдобавок немало условности и лести, бледнеют перед собственным свидетельством царя о его великой любви к царице. В те годы, когда основывалась новая столица, царь принес солнцу клятву о его новом городе, полную зарок и обетов, принес ее в самой торжественной обстановке и затем увековечил в разных местах на скалах вдоль городских рубежей. И, принося такую клятву, фараон клялся своим отцом-солнцем и своею любовью к жене и детям: «(Как) живет отец мой Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно, (как) услаждается сердце мое женою царицею да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царицею великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! (и да) дастся состариться дочери царицею Ми-йот (и) дочери царицею Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царицею, их матери, вековечно вечно!..» (ЕА V: XXVII-XXVIII).

Не менее живым свидетельством великой любви фараона к Нефр-эт и необыкновенной задушевности их отношений могут служить многочисленные изображения, эти отношения увековечившие. Взятые в своей совокупности, подобные изображения представляют нечто необычное, свежее в многовековом развитии египетского искусства.

В дворцовом покое сидит на скамейке царь, а у его ног на большой подушке — царица. Рядом одна маленькая царевна ласкает другую. Три царевны постарше стоят между родителями, и одна из них заигрывает с малышкой, которую держит мать (JEA VII: II = ИДЕг: 369). Царская семья собралась в дворцовом покое. Теперь оба супруга сидят на скамьях. Царь поднял и целует в губы старшую царевну. На это обращает внимание матери вторая дочь, сидящая у нее на коленях. Третья царевна, совсем младенец, став на руку царицы, тянется за подвескою ее венца (BPh¹: 157 = Eg: 183 = EIBAIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: 14-15 = Eph: 84-85 = NKAR: VIII = BiPh: против 208 = EgPh: XV B = ZCEER: против 177 = ZZR: против 128). Царь дарит серьги старшей дочери. Вторая опять сидит на коленях у матери, третья же, стоя на них, ласкает мать (MDOG B LII: 27 = PKN: I = AeKHK: XIV = RID: 49 = ИДЕг: 349 = GMAAe: XVII = TST: 24, ср. IKG: XXIV 10 = MDOG B LVII: 5 = PKN: 16). Иной раз царица сама забирается на колени сидящему в кресле супругу, прихватив [19] своих маленьких дочерей (TEA: 1 16). Четыре царевны стоят перед креслами царской четы и навевают ей веерами прохладу. Царь обнимает царицу за плечи, она облокотилась о его колени и, обернувшись к нему, говорит что-то, указывая на детей (ЕА III: XVIII). Вечером при мерцающем свете светильника в увитой цветами садовой беседке царица наполняет мужу чашу, а дочери идут к нему с подношениями (ЕА II: XXXII). На прогулке Нефр-эт подносит плоды и цветы фараону (DAeS II: LXXXIII = BPh²: 185 = JEA XIV: XIV = OeA: между 114 и 115 = BHeф: XXXIII = FAAe: LXVII и во множестве других изданий). При случае она повязывает ему ожерелье, вплотную приблизив лицо к его лицу, как если б для поцелуя (ABKK XXXIV: 138 = ZAeSA LII: 77 = ABPS XL: 61-62 = PKN: 26 = KEA II: V = ARK: XXII = AeKHK: XVa = RID: 41 = ИДЕг: 371 = BHeф: XLI = ZZR: против 128). Так же сблизившись лицами, словно намереваясь поцеловаться, едут оба на колеснице вместе с маленькою царевною, погоняющей прутиком коней. Так они едут в храм (ЕА III: XXX-XXXII + XXXII A), из храма на городские заставы (ЕА IV: XX = XII C) и от одной заставы к другой (ЕА IV: XXII = XLI). Но вот настал горестный день для царской семьи: скончалась вторая царевна. Она лежит еще дома. Родители стоят у ее изголовья. Правые руки скорбно заломлены вверх, левой рукою царь сжимает левую руку жены между локтем и кистью (MSECAE I: VI [= ИДЕ: 141 = ИДЕг: 367 = BHeф: 82 = VMPh: 153 = ZZR: 45], VII-VIII). Затем всем семейством плачут перед изваянием почившей, установленным на возвышении посреди зелени, — отец, мать, сестры в одеждах, приспущенных с одного плеча, бурно выражают свою скорбь по умершей (MSECAE I: X-XIII). Необыкновенно задушевный смысл подобных изображений давно отмечен наукой.

Одна уже наружность Нефр-эт могла очаровать фараона, знавшего ее, вероятно, с детских лет. Любовь Амен-хотпа IV к Нефр-эт при общем его самовлюбленном, царепоклонническом умонастроении вполне объясняет то необыкновенное положение, которое царица заняла рядом с ним. И можно думать, что эта любовь возрастала с годами. Еще в Нэ за «замалчиванием» царицы последовало все более и более частое появление ее на памятниках (см. § 70-73). Если на первичных пограничных плитах Ах-йот (см. § 41) царь клянется своим солнцем особенно пространно, то клянется только им одним, а не им и любовью к царице и детям, как на вторичных и третичных плитах (см. § 41). Начало клятвы на более поздних плитах было приведено выше, на первичных же плитах оно звучало так: «(Как) живет отец (мой) Ра-Х[a]р-Ах[t], [л]икующий в небосклоне в [имени своем] как Шов, [ко]тор[ый] (есть) Йо[t], Йот большой жизнью, начавший (первым) жизнь, зеленеющий жизнью, мой отец - - - мой оплот в тысячу тысяч локтей, моя память на вековечность, мой свидетель этому на вечность, образовавший [20] себя сам руками своими — не познал его мастер - - - восходящий, умиротворяющийся (т. е. заходящий) повседневно, непрестанно — он на небе (и) на земле, и око всякое глядит (на) него, не - - - и он наполняет - - - луч[ами(?)] сво[ими(?)], животворит лицо всякое, — который дает насытиться глазам моим глядением (на) него постоянно, (когда) он взошел [Йот]-ом (?) [ж]ивым (?) в Ах-йот и наполняет его собою во плоти своей (т. е. собою самим) — [св]оими лучами, приглядными любовью, и полагает их на меня с жизнью (и) процветанием вековечно вечно!» (следует содержание клятвы, EA V: XXIX = XXXVIII = TTA: 111 — строки 8-11 + EA V: XXXI-XXXII, строки 11-13).

В старой столице царица показывается в торжественной обстановке: участвует в царском служении солнцу, правит ему службу (TRSLUK I: I 5 = ME: XI 3; ASAE XXXV: VI 2, 42, 47, ср. 48; ASAE LIII: XI B, ср. XIII B; REA II: III 2; RFM 1932: 10; ASAE XXII: IV; RA V: 63 = ME: X 1 = RKEA: II = ZAeSA LVIII: I = KAO: 360 3 = ARK: V = AeKHK: V; MDAIAK XXIX 1: XXVIII-XXIX; JARCE X: I и т. д.), присутствует при награждении вельможи (JEA IX: XXIII = XXIV 1; FTEQ: 15 = EW: 15 = DGKAIV: VI = ABPK XL: 217-218 = TVR: XXXIII = LIII = AeKHK: XI). За служением солнцу мы застаем ее и на древнейших памятниках новой столицы: EA V: XXVI = XXXIX, XXXIII = XL, XXXVI (= EA II: XXV), XXXVII (= ME: XIII), XXXVII (= DAeAe II: CXb), XLI = XLIII (= ME: XIV), XLII R (= MMPAIBL XL: I), XLII Q, TEA: XII 1, 2, 3, 4, CA III: LXVI 1, LXIX 4, 5 (= CM: № 10 = KOз: IX = НЭС XVII: VIII = SA III: 315 = STEA: 19 = KEAZ: XI = CuAE: XXIIIa = СПДЕ: XXIV = ИДЕ: 132 = ZZR: между 96 и 97), ср. CV 5, 10, MSEC AE I: 12 = KAeMC: XXVII = DAeS II: LXXXII = ЕРИИИ 1: 107 = ОИДИ: 156 = KAO: 361 = SA III: 314 = KAE: гус 9, SNE I: LXV = 214, MDIAeAK III: против 36b (= ARH: I), a (= IV = ARH: II). Все эти изображения времени I—III солнечных титул (см. § 34-36). Они приурочены к нему самими солнечными титулами, именем царя «Амен-хотп Нуте-хок-висе», простым именем царицы (см. § 75) или, наконец, способом изображения, близким к старинному или искажительному (§ 103). Изображений, на которых царская чета показана в задушевном общении, насколько мне известно, от этого времени не имеется. Все перечисленные выше задушевные изображения не древнее IV солнечного титула (см. § 37). Доказательство — употребленные на них титула солнца или способ изображения, уже не исключительный (см. § 103). Со времени IV солнечного титула «задушевные» изображения начинают оспаривать первенство у тех, на которых «задушевность» пускай подразумевается, но тем не менее явно не выражена.

Но, может быть, именно в силу любви к ней фараона царица не только заняла необыкновенное положение рядом с ним и в быту и в представлениях, но и могла в сильнейшей степени [21] влиять на государственные дела? Имеются недвусмысленные указания, что такого влияния она все-таки не оказывала.

Царица Нефр-эт ни разу не названа в сохранившейся части клинописной переписки между египетским царем и иноземными властителями, зависимыми от него и независимыми. В письмах Тушратты, царя Митанни, не раз упоминается вдовствующая царица Тэье, которую он то просит выслать обещанные дары, то молит повлиять на сына, то предлагает фараону в советницы как лучшего знатока международных дел его отца. Тэье даже переписывается с митаннийской царицей. А вот к Нефр-эт не отнести ни одного места в переписке, разве только что привет, который главы великих держав шлют обыкновенно женской родне фараона. При этом Тушратта митаннийский приветствует поименно Тэье и

Тадухепу, свою дочь, отданную в жены фараону, тогда как Нефр-эт в лучшем случае подразумевается под прочими «женами», которым шлется общий привет. Если цари великих ближневосточных держав и слышали что-нибудь о Нефр-эт, то выделять ее из жен фараона они, видимо, не чувствовали надобности.

Высказывалось мнение, что Нефр-эт — переименованная Тадухепа. В подтверждение иноземного происхождения царицы ссылались на самое ее имя, поскольку «Нефр-эт» значит «прекрасная пришла». Но имя тут, конечно, ни при чем, потому что его носили в те времена многие египтянки.⁹ Отмеченное же сходство Нефр-эт с Амен-хотпом IV никак не вяжется с иноземным происхождением.

Далее, нам известна кормилица Нефр-эт — Тэ́йе, жена Эйе, одного из первейших вельмож при дворе Амен-хотпа IV. Она величалась «кормилицей большою жены царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (EA VI: I; без слова «большая» — EA VI: XXIV) или «кормилицей большою, возрадившей божественную» (EA VI: XXIV, XXV, XXXI два раза). Такой кормилицы не могло бы быть у Нефр-эт, если б она была иноземной царевной.¹⁰

Наконец, при дворе Амен-хотпа IV блистала сестра царицы, носившая тоже чисто египетское имя — Бенре-мут, Об этой особе у нас уже была речь. Из года в год мы находим ее на изображениях выступающей при торжественных выходах во главе царского сопровождения: EA II: V два раза, VII, VIII, EA V: III, V, XV два раза, XVI, EA VI: IV, XVI, XVII, XXVI = XXXI, XXVIII. Видимо, баловень царской четы и большая шутница, эта молодая особа — она почти всегда с боковой прядью волос, как юные царевны (EA II: V, VII, VIII, EA V: XV два раза, XVI, EA VI: IV, XVI, вероятно XXVI), — чувствовала себя при [22] дворе как дома и позволяла себе неслыханные вещи. Во время царских явлений двору и даже служения солнцу за нею нередко следовало двое колченогих карликов, изображавших не кого иного, как верховных сановников страны — верхового и низового правителей (EA II: V два раза, VIII, ср. VII, EA V: III, EA VI: XVII (?), XXVI, XXVIII). Обыкновенно они следуют непосредственно за нею (EA II: VIII, ср. VII, EA V: III, EA VI: XVII (?), XXVI; EA VI: XXVIII они изображены над нею, т. е. опять-таки за ней; только EA II: V они оба раза изображены под нею) и без нее никогда не появляются. Карлики носят служебное облачение двух высших чинов государства, и приписки величают каждого соответственно «правителем» (EA II: V оба раза, EA VI: XXVI, XXVIII). Подобная сестра царицы — живое опровержение построений, превращающих Нефр-эт в иноземную царевну.

Однако послушаем, как оценивал сам Амен-хотп IV возможность участия Нефр-эт в выборе места для новой столицы. Основывая ее, фараон на виду у всего двора воздел руку к «родившему его» и клятвенно заверил солнце в следующем: «Сотворю я Ах-йот Йоту, моему отцу, [в] этом месте. Не сотворю я ему Ах-йот на юг от него, на сев[ер] от него, на запад от него, на восток от него. Не миную я (т. е. не выведу город за) (пограничную) плиту южную Ах-йот на юг, и не миную я (пограничную) плиту северную [Ах-йот на север], чтобы сотворить [ем]у Ах-йот там, и не сотворю я ему (Ах-йот) на стороне западной Ах-йот (т. е. на противоположном берегу реки), но сотворю я Ах-йот Йоту, моему отцу, на стороне восходной Ах-йот, том месте, кое окружил он для себя [го]рою (?) сам, в сердце (т. е. посреди) коего он (остался) доволен (?), (с тем чтобы) приносил жертву я ему на нем. Оно (т. е. Ах-йот) это. И не скажет мне жена царева: „Вот есть место доброе для Ах-йот в другом месте“, с тем что я слушаюсь ее, и не скажет мне сановник всякий - - - из людей всяких, которые в земле (египетской) до края ее: "Вот есть место доброе для Ах-йот в другом месте", с тем что я слушаюсь их, будь оно вниз по течению (Нила), будь оно на юг, будь оно на запад, будь оно на восход. Не скажу я: "Брошу я Ах-йот, пойду я, сотворю я Ах-йот в этом другом месте добром - - - вечно" (?), но (?) [сотворю я (?) э]то Ах-йот Йоту, что возжелал он для себя сам, коим удовлетворился он, на вековечность и вечность» (плита Ах-йот К, строки 11-14 — EA V: XXIX-XXX = XXXVIII = TTA: 112-113; плита Ах-йот Х, строки 13-17 — EA V: XXXII).

⁹ H. Ranke. Die aegyptischen Personennamen. Bd 1. Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935. S. 201, № 12.

¹⁰ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon Toutankhamon. P. 123.

Свою клятву фараон велел начертать в трех местах на городских рубежах для всеобщего сведения. Перед всеми, во всеуслышание он не постеснялся заявить, что в деле первостепенном государственной важности — выборе места для новой столицы — царица значила не больше, чем последний из его подданных. Как ни казалась она вознесенной в один ряд с солнцем [23] и царем, на деле они обошлись без нее. Все совершилось между солнцем и его сыном, решение было принято единолично, безоговорочно и бесповоротно самим фараоном, в сердце которому, как уверял двор, Йот сам влагает мысль о любом месте, любезном ему («Он именно влагающий в сердце твое о месте всяком, любимом им», плита Ах-йот К, строка 5 — EA V: XXIX = XXXVIII = TTA: 109).

Итак, у нас множество свидетельств о необыкновенном положении Нефр-эт рядом с фараоном: о их неразлучности, о их задушевной близости, о их взаимной любви, о вознесении царицы в один ряд с солнцем и царем. Но из всего этого никак не следует, что царица оказывала и необыкновенно сильное влияние на государственные дела. Любовь царя к своей прекрасной супруге и его самовлюбленное, царепоклонническое умонастроение объясняют ее необыкновенное положение. При избытии свидетельств о царице полное молчание о ее государственной деятельности никак не говорит в пользу признания за ней особых устремлений к такого рода деятельности. Нельзя же, действительно, считать доказательством вмешательства царицы в государственные дела те изображения на беседах на ее личных кораблях, на которых она сама, и притом одна, поражает неприятеля (ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 = ARhE: XXIII, JARCE XII: V b). Так как Нефр-эт явно не расправлялась единолично и собственноручно с иноземными врагами, подобные изображения — очевидная условность (JARCE XII: V b царица делает то же и в виде сфинкса). Зато имеются явные указания на то, что царица Нефр-эт не оказывала существенного влияния ни на международные, ни на внутренние дела своего мужа. Клинописная переписка между великими державами и собственные заверения фараона не позволяют как будто говорить о таком ее влиянии. Необыкновенное положение царицы рядом с фараоном было положением супруги, а не соправительницы. Областью Нефр-эт была семейная жизнь, пускай выставляемая на всеобщее поклонение, пускай возведенная в государственное действо, но тем не менее не какая иная, а семейная жизнь. Недаром, клянясь своей любовью к царице и детям, царь ставит ее под свою руку, а их — под руку матери: «(Как) услаждается сердце мое женою царицею да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царицею великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царицею Ми-йот (и) дочери царицею Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царицею, их матери, вековечно вечно!» (EA V: XXVII-XXVIII). Дети — область деятельности царицы.

Да и вообще трудно было б ожидать, чтобы рядом с таким самовластным и целеустремленным властителем, каким был [24] Амен-хотп IV, могло стоять какое-либо другое венценосное лицо и оказывать направляющее влияние на ход государственной жизни.

При раскопках, обследованиях и особенно восстановительных работах в Нэ и его окрестностях были извлечены из разных мест десятки тысяч строительных камней с остатками изображений и надписей времени Амен-хотпа IV. Эти камни были взяты некогда из его тамошнего упраздненного солнечного храма и использованы при Хар-м-ха и его преемниках для новых сооружений.

За истекшие полтора столетия было издано много таких камней, но по сравнению с количеством неизданных, в основном из храма Амуна в Эп-эсове, издано бесконечно мало. Долгое время это скопление необнародованных важнейших памятников не привлекало к себе должного внимания, и только теперь американские ученые приступили вплотную к их изучению с использованием всех современных возможностей. И тут обнаружилось, что на множестве камней сохранились остатки изображений и надписей, представляющих царицу Нефр-эт почитающей лучистое солнце самолично, без своего супруга, нередко в сопровождении старшей дочери. Если одни исследователи воздерживались от выводов,

то другие умозаключали о необыкновенном значении Нефр-эт в годы, предшествовавшие переезду в новую столицу, и о едва ли не ведущем месте царицы в тогдашних преобразованиях. По переезде ее значение в таком случае должно было упасть, поскольку на памятниках Ах-йот она никогда не служит и не молится солнцу без своего царственного мужа.

Вообще говоря, само по себе появление Нефр-эт в Нэ наедине с солнцем, без Амен-хотпа IV, не такая уж новость. И до недавних изысканий были изданы камни из Нэ и его пригорода с остатками изображений царицы, «самочинно» служащей, с дочерью или без оной, царскому лучистому солнцу, а также камни с кольцами Нефр-эт, почтительно предстоящими кольцам солнца, непосредственно, без предпосланных колец царя. Таковы остатки изображений REA II: III 2, ASAE XXXV: 42 = TTA: 150 CL, ASAE LIII: XI B, XIII и кольца RFM 1927: 50 (= RFM 1932: 8), 146 = RFM 1932: 7 = TTA: 199 CLXXVIII, ASAE XXXV: 48. В случае второго изображения возможно, правда, сомнение, не был ли изображен и фараон по другую сторону лучистого солнца. За последние годы было издано еще несколько таких изображений (MDAIAK XXIX 1: XXVIII e, f, XXIX b, d, — то, что служит царица, доказывает двойной налобный аспид с солнцем и рожками на головках), а также колец царицы, предстоящих непосредственно солнечным (MDAIAK XXIX I: XXIX a). Сюда же относится, возможно, обломок NG CXXXVIII: 642 = Un CLXXVI: 11, но не исключено, что по другую сторону жертвенника был изображен также фараон. Ср. [25] еще восстановление NG CXXXVIII: cover = Un CLXXVI: 11, JARCE X: VII, Ar XXVIII: cover.

Изданы, однако, и такие камни из солнцепоклоннического храма в Нэ, на которых Амен-хотп IV был изображен один, без Нефр-эт. В числе камней, надписанных до заключения солнечного имени в кольца, имеется немало таких, на которых сохранились остатки изображений царя или его кольца, но нет ни одного камня, который содержал бы намек на царицу. Но и на камнях, отделанных при солнечных кольцах, фараон мог быть представлен без супруги: RA V: 63 = ME: X 1 = RKEA: II = ZAeSA LVIII: I = KAO: 360 3 = ARK: V = AeKHK: V; JEA V: VIII = SPAW 1919: 477 + 480 + JEA VIII: 200; ASAE XXII: IV; ASAE XXXV: 46, 48; RFM 1932: 5 = 62, 24 (= RE XX: 53), 26 (= RE XX: 53), Ex X: 25 = MDAIAK XXIX 1: XXIX c; RE XX: III A, B; NG CXXXVIII: 634 + 646 = Un CLXXVI: 4 + 9; JARCE X: I три раза, VI 1, 2; Ar XXVIII: 18. Возможно, на части этих камней ему и нельзя было быть изображенным вместе с царицей в силу совершения им особого фараоновского обряда, но любопытно, что как на первом камне, так и на камнях ASAE XXII: IV, ASAE XXXV: 48 и XXVIII: 18 она была втиснута впоследствии (о введении ее «задним числом» в изображения см. § 70). Особенно занятно получилось в двух случаях. На камнях NG CXXXVIII: 654 = Un CLXXVI: 15 царица, как ни плотно прижата к мужу, прямо-таки валится назад с колесницы. На камнях JARCE X: I крошечная царица позади большого царя трижды, как и он, подносит солнцу дары, и вот на двух изображениях солнечные руки-лучи тянутся к ее дарам не только от того солнца, которому она служит, но и от солнца на последующем, заднем изображении, а на одном изображении всего лишь от такого заднего солнца — солнца, что за ее спиной!

Конечно, все это нисколько не говорит о том, что Нефр-эт была душой и вдохновительницей переворота. Решить достоверно, почему она была изображена в определенных подразделениях солнцепоклоннического храма в Нэ одна, без супруга, служащего лучистому солнцу, до издания по крайней мере тех десятков тысяч камней, что уже извлечены из позднейших сооружений в Эп-эсове, вряд ли возможно. Можно, правда, высказать догадку, но та уведет нас еще дальше от признания камней из Эп-эсове свидетелями необыкновенного государственного значения Нефр-эт. Первоначально в солнцепоклонническом храме, по стародавнему обычаю, фараона изображали единолично служащим своему богу, так что царице надо было создать отдельные сооружения в храме, где она могла бы быть изображена служащей новому божеству. Затем по мере отхода от старины начали изображать царицу служащую солнцу вместе с мужем. Такие изображения тоже дошли из солнцепоклоннического храма в Эп-эсове: TRSLUK I: I 5 = ME: XI 3, DAeAeT III: 52, ср. и камни со вставленным позже изображением [26] Нефр-эт (за исключением, конечно, камней с царским выездом), ср. также восстановление Ar XXVIII: 19.

В новой, уже вполне солнцепоклоннической, столице изображать царя и царицу служащими вместе лучистому солнцу стало общепринятым. «Таким образом, единоличное служение царицы в Нэ и совместное с царем в Ах-йот можно понять не как умаление ее значения с переездом в новую столицу, а, наоборот, и притом более естественно, как постепенное выдвижение вперед на изображениях — от отсутствия при службе фараона солнцу и служения ему особняком до неизменного участия в службе ему вместе и наряду с царем. Уместно при этом будет напомнить, что Нефр-эт стала женою Амен-хотпа IV, по всей видимости, еще до заключения солнечного имени в кольца (см. § 72, ср. § 71).

Своим необыкновенным положением рядом с повелителем мировой державы Нефр-эт была обязана не рождению, не государственным способностям, а обаянию, от нее исходившему, власти над сердцем самовластного супруга. Что Нефр-эт была нежной матерью и женою, мы знаем. Были ли у нее еще другие душевные качества, способные пленить царственного солнцепоклонника, нам неизвестно. Но, судя по лучшим ее изображениям, у нее была обаятельная наружность, и в том виде, как та запечатлена в изваяниях, она покорила даже наше столетие.

Из бесчисленных изображений Нефр-эт особенно знамениты две головы, при общем сходстве настолько несходные, что кое-кому даже казалось и кажется, что они изображают разных лиц. Одна голова известняковая, раскрашенная, в высоком синем венце, с утонченными чертами лица, в которых спокойная приветливость почти заглушена выражением неприступности (РКН и несметное множество воспроизведений в разных изданиях). Другая голова песчаниковая, природного (песочного) цвета того камня, из которого изваяна, едва тронутая кистью, без головного убора, который еще должен был быть надставлен, с лицом невозмутимо-нежным, с необыкновенною улыбкою, бесконечно тихой и сдержанною (СПЦН и множество воспроизведений в других изданиях). Что известняковая голова изображала супругу Амен-хотпа IV, в этом никто никогда не сомневался. Сходство с надписанными плоскими изображениями здесь настолько велико, что сомнению даже невозможно было зародиться. Иное дело песчаниковая голова. Здесь совпадение с надписанными изображениями царицы далеко не так самоочевидно, и потому значительное распространение получило мнение, что песчаниковая голова — изваяние старшей дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт — Ми-йот.

Обосновать подобное суждение можно только путем сравнения надписанных изображений Ми-йот с песчаниковою головою. Но стоит только этим заняться, как различие между ними и ею [27] станет очевидным. Присмотревшись к хорошим (подробным) изображениям Ми-йот на гробничных стенах (MSECAE I: XXXIX = EA IV: XXXI = XLIV, EA VI: XXVI = XXIX = XLII), мы обнаружим, что подбородок у нее был отвислый, отцовский, а не материнский. Поэтому не без основания принимают за изображение Ми-йот в детстве головку GAe: CXXXV = ARK: XXIV = STEA: 47 46-47 = ИДЕг: 379 = ВНеф: XV-XVI (и во множестве других изданий). По этой головке видно, поскольку она не двух, а трех измерений, что подбородок был не только отвислым, но по-отцовски узким и острым. Более того, даже шея у головки выгнута назад, как у Амен-хотпа IV, в отличие от Нефр-эт, у которой шея была выгнута вперед.¹¹ Отвислый подбородок, впрочем, отличал не одну Ми-йот, но по крайней мере также царевну Мек-йот (MSECAE I: XXXIX = EA IV: XXXI = XLIV, EA VI: XXVI = XXIX = XLII). Его же мы находим и на ненадписанном наброске маленькой царевны, угощающейся уткой (ВНеф: XL = TST: 53 и многократно в других изданиях). На том же наброске у царевны отцовская, выгнутая назад шея, как и на тщательной стенописи из царского дворца в Ах-йот (первоиздание — ТЕА: I 12, в цвете воспроизведена JEA VII: I = KAO: XVII = ВPh²: против 184 = ТОМСЕ: II = АМ: 59 = ИДЕ: 151 = ВНеф: против 32; ТОМСЕ: II, видимо, цветной снимок). У песчаниковой же головы лицо широкое, подбородок не острый и не отвислый, а шея выгнута вперед, а не назад. Одним словом, имеются все признаки, отличающие Нефр-эт, и отсутствуют признаки, отличающие дочь.

¹¹ H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna. S. 9-13.

Многоцветная голова, видимо, очень верна действительности. Такою «госпожа земли до края ее» могла представлять перед подданными. Песчаниковая голова производит впечатление преображенной действительности. Обе головы изображают одну и ту же Нефр-эт, и если создал их один и тот же ваятель, то как объяснить столь различное художественное видение у одного лица, столь разные способы изображения у одного и того же мастера? Стало принятым приписывать обе головы одному ваятелю — Тхут-мосе, а мастерскую, в которой они были откопаны, считать его мастерской. Однако ни то, ни другое по-настоящему не доказано.

Обе головы были найдены зимою 1912 г. во время раскопок Л. Борхардта на месте солнцепоклоннической столицы. Они были открыты вместе с другими изваяниями в помещении дома, при котором находилась ваятельная мастерская. Во дворе дома в куче мусора был обнаружен костяной обломок, надписанный на имя «жалуемого богом добрым (т. е. фараоном), начальника работ, ваятеля Тхут-мосе» (РКН: 31 (1)). Но означает [28] ли это, что любое изваяние, найденное в мастерской, следует считать произведением этого ваятеля?

Нам доподлинно известно, что у «распорядителя ваятелей жены царевой великой Тэе», т. е. вдовствующей царицы-матери, по имени *Йвти* работал ряд подчиненных ему ваятелей. На изображении его мастерской в гробнице управляющего хозяйством — «распорядителя дома» — царицы Тэе представлено по меньшей мере шесть мастеров, надписанных каждый, в отличие от начальника, одним только словом «ваятель» (ЕА III: XVIII; изображение сохранилось не полностью, так что на нем могло быть показано еще несколько «ваятелей»). Да и сами развалины, в которых были открыты изваяния, позволяют исследователям полагать, что в тамошней мастерской было занято и обитало несколько мастеров. Начальником был, очевидно, хозяин дома, в домике поменьше проживал, как думают, его помощник, в однообразных скромных жилищах ютились рядовые работники. А что, если Тхут-мосе был не руководителем мастерской, но одним из подчиненных ваятелей? Конечно, он лицо заметное: его за что-то жаловал фараон, и он был начальником каких-то работ, тем не менее он не «распорядитель», не «начальник» ваятелей, а просто «ваятель». Можно ли поручиться, что именно Тхут-мосе, а не двум его товарищам по работе принадлежат прославленные изваяния?

Затем, полвека раскопок показали, что в солнцепоклоннической столице находилось в употреблении значительное число предметов, изготовленных в предшествующие царствования (см. ТЕА, СА I-III). Поэтому костяному обломку с именем Тхут-мосе не обязательно быть времени Амен-хотпа IV. Но если обломок подлинно этого времени, что, конечно, самое вероятное, то он был надписан никак не позже средних лет царствования. На нем Тхут-мосе «жалуемый бога доброго», а слово «бог» исчезло в Ах-йот из надписей вскоре после переделки солнечных колец из ранних в поздние (см. § 114). Да и сам Тхут-мосе в более поздние годы звался б, несомненно, не «Тхут-мосе» («Тховт рожден»), а «Ра-мосе» («Рэ рожден»), т. е. заменил бы в составе своего имени ссылку на древнего бога луны и письменности ссылкой на царское солнце (о переделке имен частными лицами см. во II части моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», подготовленной к печати). С окончательным отвержением солнцепоклонническим двором старого многобожия переделка имен в честь солнца — Рэ — стала самым обычным явлением, и нельзя себе представить, чтобы в самом местопребывании фараона придворный ваятель продолжал именоваться в честь отверженного Тховта. Мастерская же, откопанная Л. Борхардтом, существовала до последних дней солнцепоклоннической столицы.

Но кто бы ни были создатели изумительных изображений Нефр-эт, житейски достоверного и преображенно-прекрасного, [29] их творениями живой образ ее донесен до нас из бездны веков во всей полноте его обаяния. Имеется еще множество менее известных изваяний царицы и ее изображений, вырезанных на плоскости — на сооружениях и на отдельных плитах. Быть может, надежнейшими после двух голов будут небольшое известняковое изваяние из той же мастерской, показывающее Нефр-эт во весь рост, но какой-то изможденною, видимо стареющею (ВРн²: 179 = GAe: CXXXI = ARK: XXI = STEA: 47 49 =

ИДЕг: 378 = ВНеф: XII = XIV = ZZR: между 48 и 49 и множество других воспроизведений), затем изображение на стене гробницы Эйе, близкого к царице лица, мужа ее кормилицы и воспитательницы Тэйе, в скалах позади солнцепоклоннической столицы (ЕА VI: XXVI = XXIX = XLII). К этим памятникам хотелось бы добавить своеобразную песчаниковую голову, найденную все в тех же городских развалинах, но позже и в другой мастерской (ЕА XIX: XII, XVIII 3, 4, STEA: 39, 41 35, ИДЕ: 140, ИДЕг: 386, ВНеф: XIX, XXI, ZZR: между 96 и 97 и многократно в других изданиях). Однако лицо этой не до конца отделанной головы, очень жизненное и выразительное при повороте в три четверти, спереди кажется излишне обобщенным и слишком правильным для Нефр-эт.

Судя по упомянутому стоячему изваянию царицы, ее лицо с годами похудело, и кости на нем обозначились заметней, от носа к уголкам рта пролегли резкие складки, груди немного отвисли, осанка стала чуть-чуть сутулой. Однако во цвете лет Нефр-эт должна была быть прекрасной, и одно обаяние ее красоты могло зачаровать навсегда сердце фараона.

Никогда ни одна чета на престоле фараонов не прославляла так, как эти двое, делом, словом, письмом, изображением перед лицом всех счастливую свою семейную жизнь, вечную любовь, их переполнявшую.

Потому велико было изумление ученого мира, когда во время раскопок на юге солнцепоклоннической столицы из-под земли вышли немые свидетели, которые с наглядною силою вещественных улик опровергали крепость любви Амен-хотпа IV и Нефр-эт. Не оставалось ничего другого, как поверить, что царица разделила участь некоторых близких к царю людей, стала жертвою его погибельного гнева или по меньшей мере подверглась полной опале. [30]

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧЬИМИ БЫЛИ ЮЖНАЯ УСАДЬБА И СЕВЕРНЫЙ ДВОРЕЦ В АХ-ЙОТ?

Первые небольшие раскопки на южной окраине солнцепоклоннической столицы вел в 1896 г. М. Барсанти. Он откопал куски расписных полов, попавшие затем в Каирский и Берлинский музеи.¹ В 1907 г. на той же окраине производил на скорую руку разведку Л. Борхардт.² Сложилось мнение, что в этой местности расположены развалины какого-то дворца. Однако, когда в 1921–1922 гг. за последовательные раскопки принялся С. Л. Вулли, вместо дворца были вскрыты следы садов и остатки разбросанных по ним сравнительно небольших сооружений.³ Кирпичные (сырцовые) стены сохранились плохо, каменные исчезли вовсе — преемники Амен-хотпа IV вывезли почти весь камень из покинутого города. Однако уцелевшие части сырцовой кладки, следы камней на извести оснований, черные наметки на ней будущих зданий, обломки каменных стен и столбов, куски росписей, впадины в почве, остатки оросительной сети и иных садовых устройств, отпечатки растений на дне бывшего водоема, кости животных — все это, вместе взятое, позволило со значительной полнотой и точностью восстановить облик великолепной усадьбы.

Название ее было «М'рв Йота», но что значило м'рв в этом сочетании — спорно, и мы будем именовать ее просто южной усадьбой. Хотя она была названа в честь солнца, сооружений храмового порядка в ней было немного. Она состояла из двух больших смежных садов с разбросанными по ним зданиями. Каждый сад был вытянут с запада на восток, каждый заключен и прямоугольную ограду с одной общей стеной между ними. Северный сад был много больше южного (200×100 м и 160×80 м). [31]

Из средней части города, от главного дворца, сюда вела удобная для колесниц дорога, которая даже сейчас зовется у местного населения «царскою». Взорам того, кто приближался с севера к усадьбе, представляла глухая кирпичная стена, расчлененная, да и то через значительные промежутки, однообразными отвесными выступами. Но из-за стены выглядывала пышная зелень деревьев. Миновав с запада северный сад с примкнутой к нему снаружи маленькой псарней, оказывались перед стеною южного сада, за которою высилось каменное преддверие. Сквозь дверь в стене вступали в просторную проходную палату, где потолок поддерживало 36 каменных столбов, а в двери по сторонам видны были боковые покои со столбами и без них. С яркого солнца попадали в прохладный полусвет, достаточный, чтобы рассмотреть окружающую резную отделку: изображения царского служения солнцу на столбах, шествий и приемки дани на стенах. Проходная палата выводила в самый сад, снова на жаркое солнце. Прямо впереди блестел средней величины пруд, а в глубине сада за деревьями таились два домика, один побольше, другой поменьше.

Чтобы попасть в северный сад, надо было, не доходя до пруда, свернуть на север. Впрочем, к калитке в стене, разделявшей оба сада, можно было пройти и с улицы — через ворота между преддверием и этой стеною. Очутившись в северном саду, видели по левую руку убегающую вдаль прямую стену, за которой вдоль западной стены ограды тянулись службы, в том числе псарни и коровники (египтяне были любителями молока). По правую руку взорам открывался самый сад с огромным прудом посередине и разбросанными вокруг него сооружениями. Как первый сад, так и этот не совсем отвечали бы нашим представлениям о саде. Усадьба находилась на краю пустыни (строились по возможности не на плодородной, наносной почве), и потому деревья были посажены каждое в особую яму,

¹ T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. Excavations of 1921 and 1922 at El-'Amarneh. L., 1923. P. 109-110. Ср.: F. W. v. Bissing, M. Reach. Bericht über die malerische Technik der Hawata Fresken im Museum von Kairo // ASAE. T. 7, 1907. P. 64-70.

² L. Borchardt. Voruntersuchung von Tell el-Amarna im Januar 1907 // MDOG. № 34, September 1907. S. 28.

³ T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1, p. 109-124, 142-143, 147-158, pl. XXIX-XL, LXI-LXII. Ср.: A. Badawy. Maru-Aten: Pleasure resort or Temple? // JEA. Vol. 42, 1956. P. 58-64.

наполненную землю и огражденную стенкою. Низенькие глиняные пересекающиеся перегородки делили почву на маленькие оросительные участки, в которых росли цветы и другие растения. Несмотря на свои большие размеры (120×60 м), пруд был неглубок (всего лишь в 1 м глубиной). По нему можно было плавать в плоскодонных лодках, но утонуть в нем было трудно. Его широкая голубая поверхность убегала далеко на восток, а с запада в воды пруда вдавался каменный мол. На конце его, посреди воды, возвышалась каменная постройка, покрытая резными изображениями, — роскошная пристань для лодок.

С северного берега в воды пруда гляделось кирпичное здание, похожее на небольшой дворец. В него входили с запада и, двигаясь по главной оси на восток, попадали сперва в покой с возвышением для царского кресла или царского изображения, с перекрытиями, покоившимися на столбах, затем в помещение, [32] где столбы обступали внутренний садик, образуя вокруг него крытый ход, наконец, в чертог, в котором потолок подпирали 12 столбов. Вдоль этих трех помещений, выходя в них дверями, с юга и севера расположились другие помещения без столбов внутри: спальня, лестница в верхнее жилье, кладовые, в том числе винные.

Небольшие постройки имелись также на западном и южном берегах — на южном берегу с водоемом спереди, густо засаженным папирусом и лотосами. Но самые любопытные здания заполняли северо-восточный угол сада.

Здесь, вдалеке за прудом, за кущами деревьев, виднелись сооружения, невеликие по размерам, но богато украшенные изразцами и вставками из дорогих горных пород. За восточным краем пруда посреди цветников бежала на север дорожка, подводившая прямо к воротам храма. Между двух башен вступали во двор, к которому справа примыкал собственно храм, и, пересекши двор в северном направлении, выходили через такие же ворота меж двух башен на мостик. Он был перекинут через широкий, полный водою ров, опоясывавший со всех сторон островок с тремя изящными зданиями. Вступив на остров, посетитель оказывался между двумя каменными «беседками», обращенными к нему своими богато отделанными полуоткрытыми лицевыми сторонами. Прямо впереди возвышался храмик, куда вела лестница в несколько ступеней. Стенки храма между разукрашенными столбами, поддерживавшими кровлю, тоже не были доведены доверху. Снаружи храмик был покрыт, что сетью, резными изображениями из жизни на лоне природы: людей в ладье, зверей в тени деревьев и в зарослях, птиц в древесной листве. Внутри были вырезаны изображения царского служения солнцу, как, вероятно, и на «беседках».

Обогнув храмик, выходили ко второму мостику, ведущему через ров дальше на север. Теперь дорога шла среди моря цветов в самый северо-восточный конец сада к длинной постройке, тянувшейся вдоль северной стены. Внутри этого здания столбы, поддерживавшие потолок, стояли в один ряд, каждый на крохотном островке между перемежающимися водоемами, водоемы в виде огромных Т, повернутых в верхнем ряду отвесным концом вниз, а в нижнем — вверх, вклинивались отвесными концами ряд в ряд, образуя вместе строгий узор. Перила и пол вокруг водоемов и даже стенки перил над водою были сплошь расписаны изображениями цветов и иных растений.

Такова была эта великолепная усадьба, полная водных затей, утопавшая в зелени и цветах, украшенная храмиками, похожими на драгоценные безделушки. В название усадьбы входило имя солнца, но кто же на деле был ее хозяином?

Подписи, найденные на месте сооружений в ее северо-восточном углу, присваивают эти роскошные постройки старшей [33] дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт — царевне Ми-йот (CA I: XXXII 2 = LVI M, XXXIII 2 = LVII 55 + 59, XXXIV 1 = LVI, LVI-LXI + 149-152). Здесь, по этим надписям, находилась «сень Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот» (CA I: XXIV 1, 2, XXXIV 2 = LVI, LVI B, ср. LVII 66, 83). И эту царевну видим мы на обломках здешних изображений служащей с отцом лучезарному солнцу (CA I: XXXII 2, XXXIV 1, ср. LVII 53).

Однако такую мы видим ее впервые. Обычно на изображениях — а их ведь несчетное множество — Ми-йот не стоит непосредственно за отцом, когда тот служит солнцу. За царем следует царица, а за царицей — Ми-йот, всегда на третьем, а не на втором месте.

Да и вообще с царем без царицы Ми-йот не изображена ни на одном памятнике. При этом на бесчисленных изображениях семьи Амен-хотпа IV царица Ми-йот, хотя и старшая, представлена в виде небольшой девочки, а тут она взрослая женщина, сама сопровождаемая маленькой царевной! А такое титуло, как на этих изображениях и в некоторых других усадебных надписях, Ми-йот совсем не свойственно. Бросается в глаза отсутствие ссылки на мать, как бы в соответствии с отсутствием Нефр-эт на самих изображениях, и введение в титуло царевны имени отца вопреки принятому обыкновению.

Обычное титуло царевны было таким: «Дочь царева, от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царицы великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» А в занимающих нас сейчас усадебных надписях титуло царевны выглядит совсем иначе: «Дочь царева Ми-йот царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно», а то еще титулу царевны предпосылается титуло родителя: «Властитель добрый, единственный для Рэ (разночтение: Властитель добрый, возлюбленный Йота) царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно - - - Дочь царева (разночтение: Дочь царева от утробы его, также с добавлением: возлюбленная его) Ми-йот».

Б. Ганну принадлежит заслуга опознания вторичности этих странных титулов.⁴ Нынешние надписи стоят на месте другого титула, середину которого сохранили, а начало и конец изгладили. В только что приведенных переводах подчеркнуты слова, вставленные вместо изглаженных, не подчеркнуты слова, сохраненные от первоначального титула. В одних случаях нетронутая средняя его часть, т. е. звание и имя Амен-хотпа IV, которых, [34] очевидно, предпочитали не касаться, была использована — надо сказать, довольно неуклюже — для объявления царевны Ми-йот его дочерью. В других случаях та же средняя часть служит продолжением титула царя, предпосланного титулу Ми-йот. Но и в тех и в других случаях личные звание и имя царевны, приходящиеся то на начало и конец, то только на конец изглаженного титула, представляют позднейшие вставки. Б. Ганн подметил также, что на нескольких изображениях голова особы, выдаваемой за царевну Ми-йот, была удлинена на затылке, чтобы походить на головы дочерей Нефр-эт (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J, M + 154, CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. + 154 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129; ср. CA I: 154, XXXIV 2, затем CA I: 151, XXXV 8, 11).

Итак, первоначально храмы в южной усадьбе были не царевны Ми-йот. Да и не одни храмы. Сходные переделки наблюдаются на молу, вдававшемся в большой пруд (CA I: LVIII 128, LX 121, 124, 126 + 154), и на обломке плиты, найденном в преддверии (CA I: XXXV 9).

Но чьею же тогда была усадьба до присвоения ее царевной?

Ответ напрашивался сам собой: царицы Нефр-эт. Ее имя было найдено в преддверии усадьбы (CA I: XXXII 1, XXXIV 5 + 151). В том же преддверии она была изображена на столбе с залепленным впоследствии венцом и частично изглаженным титулом, в котором, однако, имя «Нефр-эт» читается совершенно отчетливо (CA I: XXXIV 4 + 151). Кроме того, сквозь позднейшие вставки в других — переделанных — надписях Б. Ганн прочел слова «вечно (?) вековечно» (CA I: 153 + LVII 59 + LIX 40) и два знака *нфр* один над другим (CA I: 153 + LVI 271 J). Слова могли быть от заключительного многолетия титула царицы («жива она вечно вековечно!» — см. § 82), знаки — из самого ее имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт». В нем при отвесном написании два знака *нфр* действительно находятся друг над другом. Б. Ганн⁵ тщательно собрал и сопоставил остатки первоначальных писем в переделанных титулах и восстановил первоначальное титуло в следующем виде (курсивом переданы места, которые при переделке изглаживались):

«Жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [(такого-то — уцелел один определенный член *н'*)] - - - Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!»

⁴ B. Gunn, T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1, p. 152-154.

⁵ Ibid. P. 152.

А затем, не достаточно ли взглянуть на переименованные изображения, чтобы признать Нефр-эт первоначальной хозяйкой усадьбы? Взрослая женщина, служащая вместе с царем лучистому солнцу, может ли быть кем иным, как царицей Нефр-эт? Кто, как не она, изображена столько раз служащей с царем его солнцу, т.е. именно так, как на этих изображениях? [35]

Всего только раз ее в подобном случае замещает мать царя, вдовствующая царица Тэйе, да и то лишь на собственной надгробной сени (ТQT: XXXII). Где еще взрослая женщина служит вместе с царем лучезарному солнцу? Но тогда взрослая особа, служащая на усадебных изображениях совместно с царем его солнцу, как и в других бесчисленных случаях, не кто иная, как царица Нефр-эт, переименованная здесь очень нескладно в собственную дочь. А этой последней была бы первоначально та маленькая царица, что стоит за царем и его взрослой спутницей.

Но не означает ли это, что глубоко и нежно любимая супруга и друг царя-солнцепоклонника, вознесенная им на такую высоту, на которую ни один фараон не возносил свою царицу, под конец впала в полную немилость? Не значит ли это, что у Нефр-эт отобрали ее место почитания солнца, ее роскошную усадьбу и передали старшей дочери, в чьи изображения переделали изображения матери, чьими званием и именем заменили материнские, не присовокупив даже принятую ссылку на родительницу? И как ученый, так и неученый мир уверовали в печальную судьбу царицы, как ни поразителен, как ни неожидан был такой ее конец. Ведь до тех пор никто из ученых не наблюдал и следа нерасположения к царице со стороны солнцепоклонников. Если ее имя или изображение бывали разбиты на каких-нибудь памятниках, то это было делом рук приверженцев старины, которые, возобладав, преследовали память ненавистной царской четы. Однако после открытий в южной усадьбе Б. Ганн нашел еще один памятник, как будто бы подтверждавший преследование царицы самими солнцепоклонниками.⁶ На подножии изваяния царицы Ми-йот, давно хранившемся в Британском музее (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 CLXXXIII = NTES VIII: 27-28 = XXIV), имена царя, по крайней мере второе, не были намеренно повреждены, имя же царицы в обоих местах, где оно стояло на подножии, было изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. Восемь лет спустя, в 1931 г., Ф. Л. Гриффит добавил к этому свидетельству еще одно: кусок подножия, только что найденный в солнцепоклоннической столице, на этот раз от изваяния третьей дочери Аменхотпа IV и Нефр-эт — царицы Анхес-эм-п-йот. Здесь тоже оба раза имя царицы было сознательно разрушено; изглажено было даже выражение «рожденная (такою-то)» после имени царицы (JEA XVII: XXVII 4-5).

И все-таки, так ли уж убедительны доводы в пользу того, что под конец царствования своего мужа Нефр-эт подверглась преследованию? Главным и основным доводом служила и служит замена в южной усадьбе титула ее первоначальной владелицы титулами царя и его старшей дочери. Но раньше, чем нам [36] заняться вплотную этими заменами, разберем второстепенные, добавочные доводы — рассмотрим три памятника, на которых имя Нефр-эт было разрушено как будто бы самими солнцепоклонниками без замены другим именем.

На обломке столба из преддверия южной усадьбы высокое двойное перо, венчавшее врезанное в камень изображение царицы, замазали, а ее титул, по-видимому, хотели стереть, но не довели дела до конца, так что имя «Нефр-эт» видно отчетливо (CA I: XXXIV 4 + 151). Однако переделке подвергся и венец на голове фараона, а двойное перо на голове царицы могли залепить просто потому, что при поздних солнечных кольцах Нефр-эт, судя по изображениям, охладела к этому головному убору, очень редко в нем показывалась (см. § 80), хотя прежде носила его довольно часто (см. § 77, 80; само усадебное изображение времени примерно III солнечного титула — см. § 36 — ввиду написания корня *мрй* знаком протока — см. § 104 — при уже сложном имени у царицы — см. § 78). Далее, за пропажей сопроводительной надписи к изображению фараона неизвестно, не были ли потерты и его

⁶ Ibid. P. 155.

имена. Может быть, обе надписи оказались бы полустертыми вовсе не по злому умыслу, а по естественным причинам. Титло царевны Ми-йот не тронули. Если ее изображение, ныне отсутствующее, тоже не было изглажено, то изображенная впереди взрослая женщина, что бы с ней ни проделали, оставалась бы матерью царевны — царицей Нефр-эт.

Не более доказателен и кусок подножия от изваяния царевны Анхес-эм-п-йот из Ах-йот, на котором имя царицы было разрушено дважды (JEA XVII: XXVII 4-5). Титло царя на обломке не сохранилось, и потому мы не знаем, не были ли разбиты и его имена. Во всяком случае, середину имени царевны Анхес-эм-п-йот ухитрились изгладить, хотя победившие враги имен царевен вообще не трогали.

Остается третий памятник — подножие изваяния царевны Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 *CLXXXIII* = HTES VIII: 27-28 = XXIV). Имя царицы, бесспорно, изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. Считается, что имен царя «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и «Эх-не-йот» не изглаживали. Это легко допустить для второго имени, где поврежден один средний знак, но в первом имени так или иначе повреждены все знаки, кроме двух кружков солнца (*рэ*), несмотря на то, что ободок вокруг имени в целостности и сохранности. Нечто подобное замечается на некоторых других памятниках: кружка солнца в ненавистном имени не трогают, а остальное содержимое ободка разрушают. Бывает также, что разбито первое имя, а второе имя — «Эх-не-йот» — сохранено. Это наблюдается, например, не менее двух раз на плите из города Она (SNE I: LXV = 214).

Но пускай ни одно из имен Амен-хотпа IV на подножии [37] преднамеренно не повреждено, а имя царицы дважды намеренно изглажено. Значение памятника как доказательства вражды царя к царице от этого ничуть не возрастает. Откуда происходит данное подножие? Как место почитания солнца в конце его титла на подножии названа «сень Рэ» царевны Ми-йот «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот». Сохранилось немало надписей из этого «дома ликования Йота в доме йота в Ах-йот», составлявшего часть той необъятно большой совокупности храмовых и дворцовых зданий, что были расположены в самом сердце солнцепоклоннической столицы. В числе надписанных памятников из этого самого «дома ликования» имеется увесистый черный камень, кусок перил, отделанный по верху, спереди и сзади. Вверху читаются имена солнца, царя и царицы, спереди и сзади царь, царица и царевна Ми-йот представлены служащими солнцу. Вверху камня (MDIAeA III: 35, ARN: I 137-III E + 23 + 25) ни солнечные кольца, ни имена царя не изглажены. Изглажено, по меньшей мере в одном из двух случаев, имя царицы. Однако с одной стороны перил (MDIAeA III: против 36 = ARN: II 137-III B) дважды изглажено солнечное имя, но ни разу не тронуты ни имена царя, ни имя царицы, хотя она поименована трижды! С другой стороны перил (MDIAeA III: против 37 = ARN: I 137-III D) солнечное имя опять повторно изглажено, изглажено также имя царя и в двух случаях имя царицы. Третье ее имя нетронуто. После этого стоит ли громоздить построения на таком непрочном основании, как данное подножие?

Итак, единодушному свидетельству памятников о дружбе царя и царицы также в пору поздних солнечных колец, более того, под самый конец царствования, после рождения пятой и шестой царевен (EAP: XXXIII = XXXIV, XXXVII = XXXVIII; JEA VII: II = ИДЕг: 369 = FААе: LVIII, см. § 95, 96), противостоит по-настоящему только переименование в южной усадьбе ее первоначальной владелицы в царевну Ми-йот. Но только действительно ли это настоящий довод, действительно ли царицу Нефр-эт переименовывали в ее дочь в южной усадьбе?

Б. Ганн вычитал из остатков первоначальных написаний звание «жена - - - большая», конец многолетия царицы «вечно (?) вековечно» и два знака *нфр*, стоявших один над другим, как в имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» при отвесном его начертании. Да, слова «жена большая» в начале изглаженного титла читаются достаточно отчетливо (СА I: 153), но основания для восстановления в нем имени царицы ненадежны. В сочетании с последующими непеределанными, следовательно, тоже изначальными званиями и именем Амен-хотпа IV слова «жена - - - большая» доказывают, что хозяйкою усадьбы до передачи ее царевне Ми-йот была жена фараона. Однако сам Б. Ганн засвидетельствовал, что подобного

титла у Нефр-эт ему нигде больше отыскать не удалось. Действительно, [38] она всегда «жена царева», обычно с добавлением «великая», редко «большая», и титло ее мужа никогда не включено в ее титло, например: «Жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!», но никак не «жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -». Единственное сколько-нибудь сходное словосочетание, которое мог привести Б. Ганн, — это: «жена царева великая Единственного для Рэ» (ЕА V: XIII).⁷ Но это словосочетание не титло царицы, а всего лишь случайное ее обозначение, один только раз встреченное в Ах-йот на одной вельможеской гробнице (гробница № 18). Равным образом не титло фараона наименование «Единственный для Рэ», употребленное вдобавок с определенным членом как обиходное обозначение царя-солнцеклонника. Еще существеннее то, что в приведенном Б. Ганном словосочетании царица, как обычно, «жена царева», а не просто «жена» такого-то. Правда, что следовало за словом «жена» в усадьбе, оставалось неясным, однако, стой тут «жена царева», слово «царь» из почтения было бы выписано первым, чего на деле как раз и нет. Что касается слова «веко[веч]но», похожего на остаток многолетия царицы, то это слово сохранилось отдельно от предполагаемого остатка ее имени, в других надписях (СА I: LVII 59, LIX 40), где затем следует по пробелу, которому не место в конце титла царицы (слово это из многолетия царя в составе титла усадебной предшественницы Ми-йот, «который будет жив вековечно вечно», см. ниже). Предположительные же следы имени царицы сводятся к двум стоящим один над другим знакам, которые могли бы сойти за два знака *нфр* (СА I: 153), но, очевидно, настолько нечетки, что были сперва приняты за два знака льняного жгута — два знака для сильного *хъ* (СА I: LVI 271 J + 153 (2)). Точного воспроизведения этих письмен не было издано, и потому трудно судить о степени их сохранности. Несомненно только, что она не безупречна, раз оба эти знака сначала были прочтены и переданы совсем иначе, чем потом.

Не меньшее недоумение, нежели титло прежней хозяйки усадьбы, вызывают самые изображения этой особы. Если она царица Нефр-эт, то как же она повсюду без налобного царского знака — без украшения в виде змеи-аспида на лбу? Притом подряд на нескольких изображениях из одного и того же места (СА I: XXXII 2 = LVI 271 J, M, XXXIV 1 = LVI 273 = ТЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129)! Изображений Нефр-эт с царской змеею сохранилось великое множество, и я не могу назвать ни одного бесспорного случая изображения царицы без нее (JEA XIX: XV 2 = СА III: LIX 2 всего лишь набросок на куске известняка, и если нет змеи на венце спереди, то сбоку на нем их [39] целых две). Конечно, жена царя, служащая вместе с ним солнцу, на бесчисленных изображениях неизменно царица Нефр-эт, но почему тогда здесь в усадьбе она без налобного аспида?

В главном дворце солнцеклоннической столицы в разных его местах были откопаны известковые прописи — известковые слепки с частями надписей — именами и званиями солнца, царя, царицы (СА III: 46, 60, 72, 74, LXXI 7). Больше всего таких слепков нашлось на южном дворе дворца; под этим двором были обнаружены остатки снесенных впоследствии жилищ, должно быть, строительных рабочих. Новая столица строилась на пустом месте, и с поразительной быстротой. Быстрота была тем удивительней, что помимо многообразных кирпичных зданий, где камень находил лишь ограниченное применение, воздвигались огромные каменные сооружения посреди столицы в честь солнца и царя, а за городом в скалах высекались обширные гробницы для царской семьи и вельмож. Для отделки сооружений изображениями и надписями нужны были бесчисленные умелые руки. Грамотных людей явно не хватало, приходилось привлекать и необученных. В помощь таким работникам и давали прописи — известковые слепки с кусками особенно частых надписей, сделанные с образцов, выполненных опытными или просто грамотными мастерами.⁸ Если такие прописи нашлись в главном дворце, то почему бы им не оказаться и в южной усадьбе? С помощью тех из них, по которым были выполнены надписи, впоследствии переделанные, можно было бы определить, кто был хозяйкой усадьбы до царевны Ми-йот.

⁷ Ibid. P. 153.

⁸ См.: J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 60.

В самой усадьбе прописей не оказалось. Но за южной стеной ограды между нею и кучею мусора они нашлись. Их выбросили туда, когда надобность в них миновала. Вместе с прописями для имен царя и его солнца лежали слепки с точно такими же словосочетаниями, как в переделанных надписях усадьбы. Правда, тут была только часть прописей для нескольких надписей одинакового содержания, но, к счастью, куски титула взаимно дополняются, частично даже перекрываются: слово, которое стоит в конце одного слепка, оказывается в начале другого (CA I: XXXII 3 = TЗГ: 79 = ZZR: против 129). Так постепенно восстанавливается целое титуло, и восстанавливается почти без изъяна:

«Жена-любим - - -»

«- - - живущ[его] правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ»

«- - - [доб]р[ого] Йота»

«Й[ота] живо[го], который буд[ет]»

«будет жив [вековечн]о»

«[бу]д[ет] жив вековечно вечно, Кэйе»

«вековечно вечно, Кэйе». [40]

Пробел в начале третьего куска, несомненно, заключал в себе слово «отрок» (*ирй*) в смысле «сын», так как второй кусок после имени царя содержит еще определенный член мужского рода (*н'*), предшествовавший слову «отрок»; низы знаков вверху третьего куска вполне подходят к слову «добрый» (*нефр*). Пробел между первым и вторым кусками легко заполнить с помощью вычитанного Б. Ганном в начале титула слова «большая» и неперделанной части титула, именно ее первых слов «царя (и) государя».

Получаем почти что полное титуло, включающее в себя само имя загадочной женщины:

«Жена-любим - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [отрока доб]р[ого] Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэйе».

Теперь, когда мы знаем, что именно изглаживали в усадьбе, достаточно всмотреться в изглаженные места надписей, чтобы распознать проступающие то тут, то там полустертые остатки первоначального титула, как предваряющие, так и сопровождающие его нетронутую среднюю часть и то прочтенные, то не прочтенные Б. Ганном.

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J).

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. = TЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129, CA I: XXXIV 2 = LVI 273 rev. с «Нефр-шепр-[рэ]»).

«[Жен]а - - - живущ[его] правдою» (CA I: LVII 64).

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [от]рока» (CA I: LVI 271 B).

«Жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - - б[удет] - - - веко[веч]но» (CA I: XXXIII 2 = LVII 55 + 59).

«большая (?) царя (и) государя» (CA I: LX 124, ср. LXI 6*).

«[Нефр-шеп]р-[рэ] Ва-н-рэ, от[рока]» (CA I: LIX 45*).

«[Нефр-шепр-рэ В]а[н-рэ], [о]тро[ка](?)» (CA I: LXI 41*).

«[Нефр-шеп]р-[рэ] Ва-н-[рэ], *н'* (определенный член от слова «отрок») - - - [которы]й - - - [ве]ко[ве]ч[но]» (CA I: LIX 40).

«Йота [живого], который [буде]т жив [вековеч]но» (CA I: LX 104).

«[векове]ч[но] (?)» (CA I: LIX 41).

«[Кэй]е» (CA I: XXXV 9).

(В сводку не включены те случаи, когда от первоначального титула уцелела одна средняя часть, не подлежащая вообще уничтожению.)

Восстановленное титуло прежней владелицы усадьбы тождественно с тем, что стоит на двух небольших сосудах, изданных Х. В. Фэрмэном в 1961 г. (JEA XLVII: 29, 30). На них титуло значится в полной сохранности: [41]

«Жена-любимец (*мртй* — так на обоих сосудах) большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (на одном сосуде звание "владыка обеих земель" опущено) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на одном сосуде ошибочно "Йота живого, живого"), который будет жив вековечно вечно, Кэйе».

Итак, то самое титуло, которое переделывали в южной усадьбе, и те изображения царственной женщины, что были им некогда надписаны, принадлежали первоначально не царице Нефр-эт, а Кэйе. У одной только Кэйе было такое необыкновенное титуло. У царевны Ми-йот подобное титуло появлялось только тогда, когда на ее имя переделывали титуло Кэйе. А эта последняя для нас теперь уже не какая-то безвестная наложница фараона, засвидетельствованная всего-навсего надписями на двух ничтожных сосудах, но хозяйка великолепной усадьбы с роскошными храмиками солнца ее, Кэйе, имени (в названии этого места почитания, «сени Рэ», имя Кэйе было заменено именем царевны Ми-йот, СА I: XXXII 2 = LVI 271 B, XXXIV 1-2 = LVI 273 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129), где она изображена служащей солнцу вместе с царем на правах прямо-таки царицы. Правда, налобной царской змеи она не носит, ее имя не вписывают в кольцо, и лучистое солнце не протягивает ей знака жизни, как царице Нефр-эт. И тем не менее пожелание «жива она!», свойственное титулам цариц, начинается, возможно, сопровождать ее имя, только еще очень, очень редко (СА I: LIX 43).

Так что же осталось от пресловутого гонения на Нефр-эт, ставшего общим местом в статьях и книгах о солнцепоклонническом времени? Основой основ для таких построений служила замена на усадебных изображениях и в усадебных надписях царицы Нефр-эт ее дочерью Ми-йот. После того как выяснилось, что царевна заменила собой не мать, а Кэйе, от этой основы ничего не осталось. Вместе с тем исчезла и надобность ломать себе голову над непонятной странностью, почему Нефр-эт преследовали в усадьбе, а в прочих местах (на пограничных плитах столицы, на храмовых, дворцовых, гробничных стенах) солнцепоклонники ни титула, ни изображений царицы не разрушали и не видоизменяли.

* * *

В 1920-х годах под руководством английских ученых в северной части солнцепоклоннической столицы был откопан так называемый северный дворец (JEA X: 294-298, XXVIII-XXXI, JEA XII: 4-9, II-V, JEA XIII: 218, LIV). Сам по себе довольно внушительный (142×112 м), он должен был казаться совсем небольшим по сравнению с главным дворцом в средней части города (тот дворец имел в длину около 700 м, СА III: 33). Да и [42] сооружен был северный дворец из кирпича-сырца, если не считать известняковых столбов, косяков и т. п., в то время как главный дворец в основной своей части был из белого камня.

Северный дворец был обнесен толстой прямоугольной стеною. Посередине западной стороны, обращенной к реке, находились величественные ворота. За ними с запада на восток по главной оси здания следовали друг за другом два больших двора и дом фараона. Середину дома занимали три последовательно убывавшие по величине приемные; в задней, самой меньшей, стоял престол. По бокам приемных, с севера и юга, лежало по несколько помещений, в том числе опочивальня, умывальная, винные кладовые, пиршественные (?) чертоги.

По сторонам каждой из трех частей дворца, расположенных по главной оси здания, т. е. двух дворов и царского дома, лежало по особому сооружению.

С северной стороны на первый двор выходила своими внушительными воротами любопытная постройка. Посреди ее под открытым небом стоял на возвышении храмик, к которому с запада и востока было обращено своими входами по девяти одинаковых смежных помещений, каждый раз с общей лестницей, ведущей на кровлю. Внутри эти смежные помещения были украшены живописью, а на каменных наличниках дверей были вырезаны надписи. С южной стороны на первый двор выходило сложное и вместе с тем очень соразмерное сооружение, назначение которого совершенно неясно.

Ко второму двору, с большим водоемом (?) посередине, обсаженному кустами или деревьями, примыкал с севера обширный зверинец, в котором содержались различные животные (быки, козероги, антилопы), а с юга — замкнутый участок с жилыми постройками.

К северной стене царского дома было пристроено примечательное здание: садик, окруженный водою и обнесенный с трех сторон крытым ходом на каменных столбах со множеством расположенных позади помещений, выходивших в большинстве случаев своими дверями в крытый ход. По остаткам стенописи, изображавшей всевозможных птиц, не без основания полагают, что здание служило птичником. С юга царский дом переходил незаметно в постройку неясного назначения, завершавшуюся большим покоем с сорока пятью расписными кирпичными столбами.

Северный дворец с его водными затеями, зверинцем и птичником производил на исследователей впечатление увеселительного царского дворца. В этом смысле у него есть что-то общее с царской усадьбой на юге города. Оба сооружения явно отличны от величавых и строгих дворцовых зданий в средней части столицы.

Но северный дворец роднит с южной усадьбой еще одна важная особенность. В сооружении, расположенном с северной [43] стороны первого двора, в одном из девяти помещений западнее храма был обнаружен на своем исконном месте низ каменного дверного косяка с вырезанной на нем надписью: «- - дочь царева Ми-йот — жива она!» (JEA X: XXIII 3). Довольно беглого взгляда на снимок, чтобы заметить несоответствие между крупно написанным званием и именем царицы и более мелким многолетием «жива она!». Но странно и самое титул царицы. Вместо привычного «дочь царева, от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царицы великою, возлюбленную его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» читается всего лишь: «дочь царева Ми-йот», но зато с многолетием, которое отнюдь не было свойственно царицам! Тут явно что-то не в порядке. И действительно, мы узнаем, что обломок дверного косяка надписан именем Ми-йот поверх чего-то изглаженного и что это было сделано по всему зданию (JEA XII: 4). К сожалению, прочие случаи не были изданы.

Но кто же та женщина, чье имя изглажено и заменено именем Ми-йот? Она — жена царя, а не царица, поскольку царицам не подобало многолетие. Однако она не царица Нефр-эт, так как той задолго до отделки северного дворца — а его отделяли при поздних солнечных кольцах (JEA X: 298) — было присвоено пространное многолетие: «жива она вечно вековечно!» (§ 82). Тогда кто же эта особа?

Как в северном дворце, так и в южной усадьбе звание и имя царицы Ми-йот вставлены в чужое титул, в титул некоей женщины, чье имя было изглажено. Но этим сходство не ограничивается. В конце переделанных титул в усадьбе бывает такое же краткое и необычное сочетание «дочь царева Ми-йот» (см. выше). Краткость титул Ми-йот в усадьбе и в северном дворце объясняется одной и той же причиной: в предшествующей части надписи сохраняли при переделке что-то от прежнего состава титул. Во дворце пустое место, образовавшееся после уничтожения имени, было ограничено еще и снизу оставленным там исконным многолетием. Мы хорошо знаем, чье имя значилось первоначально в усадьбе и что там не смели трогать в предшествующей части надписи. Невозможно сомневаться в том, что и в северном дворце изглаженное имя было «Кэе», а над подлежащей переделке частью надписи было имя царя. Иными словами, можно спокойно восстановить на дворцовом косяке знакомое титул: «Жена... царя и государя... Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ... Кэе» с добавлением многолетия «жива она!». ⁹ Возможно или даже наверное, ее титул здесь был несколько укорочен, ср., например, ChE XLIX: 26-27 (за кольцом царя сразу «Кэе!»). ¹⁰ [44]

Но если сооружение, расположенное сразу налево от главного входа, так сказать, на самом видном месте, было домашним святилищем Кэе, то не была ли она хозяйкою северного дворца в целом? Или точнее: не был ли северный дворец местом совместного пребывания Амен-хотпа IV и Кэе, поскольку крошечный дворец у большого пруда в южной усадьбе вряд ли годился для чего иного, как для кратковременных посещений?

⁹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба. М, 1968. С. 116-120.

¹⁰ Укороченным склонен считать это титул и издатель его Дж. Р. Харрис (J. R. Harris. Kiya // ChE. T. 49, 1974. P. 27, n. 3).

Веселый дворец на севере, веселая усадьба на юге — и то и другое связано с именем Кэйе, подобно тому как главный дворец царя возле главного храма солнца связан с царицей Нефр-эт. Не вносит ли это дополнительную черточку в образ любимицы Амен-хотпа IV?

По времени молельня Кэйе в северном дворце должна была быть близка к усадебной молельне — «сени Рэ» имени Кэйе. Обе молельни отделялись одинаково при поздних солнечных кольцах (CA I: XXXII 2 = LVI 271, XXXIV 1 = LVI 273 [= ТЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129], XXXIV 2 = LVI, JEA X: 298), но, возможно, южная была отделана несколько раньше, чем северная. В усадебных надписях многолетие «жива она» после изглаженного имени Кэйе засвидетельствовано самое большее один раз (CA I: LIX 43). В северном же дворце оно было не только в изданной надписи, но, возможно, и в других, однородных с ней. В таком случае ко времени отделки северной молельни положение Кэйе стало более царственным по сравнению со временем отделки усадьбы.

* * *

Итак, Кэйе стала хозяйкою дворца на севере и роскошной усадьбы на юге столицы. Скорописные производственные пометки на сосудах с припасами позволяют думать, что у побочной жены фараона было и свое обширное хозяйство.

Пометку CA II: LVIII 16 можно вполне надежно восполнить так: «[Год царствования 1]6. Вино дома честной (*m' шпст*) из (*н*) [(такого-то места)]. [Начальник] поливного хозяйства Ра-мосе». Что год царствования 16-й, а не 6-й, доказывает звание заведующего винодельческими угодьями: он начальник не «сада» (*к'м*), а «поливного хозяйства» (*б'хъ*), согласно обыкновению, утвердившемуся с 13-го года царствования¹¹ (см. § 113). Местом происхождения вина в солнцепоклоннических производственных пометках в подавляющем большинстве случаев оказывается «поток западный» (TEA: XXII-XXV, CA I: LXIII-LXIV, CA II: LVIII, CA III: LXXXV-XC), так что виноградники [45] «честной» были, по всей вероятности, в западной части Нижнего Египта.

Пометку TEA: XXV 95, где решающее место, к несчастью, недостаточно хорошо сохранилось, хотелось бы, с большой, правда, долей неуверенности, прочесть так: «Год царствования 11. Вино дома честной (?) Кэй[е](?) - - - (?) Начальник сада *Х'й*». От имени «честной» (?) уцелело два знака: первый — несомненное *к*, второй же знак ничто не препятствует читать как *й* (две черточки).

С большой долей неуверенности читается и пометка TEA: XXV 98, тоже несколько поврежденная в самом существенном месте: «*зрмт* (род напитка) добр(ый) жены царицы Кэйе (?)». Буква *к* — знак корзинки с ручкой — написана совсем иначе, чем в предыдущей пометке: там ручка корзины вытянута продольно, а здесь она отвесно, пожалуй, слишком отвесно опущена вниз. И тем не менее, право, не знаю, чем помимо *к* мог бы быть этот знак. Более чем странно, что под корзинкой не видно двух черточек *й*, неизменно выписывавшихся в имени Кэйе. Чтение следующих двух знаков как метелки тростника *й* и белоголового коршуна *'* не представляет затруднений. Последний из сохранившихся знаков может вполне быть определителем женщины, мелко и бегло написанным (без отличительной точки сверху?).

То, что в первой пометке слову «честная» предпослан определенный член женского рода, указывает на то, что имеется в виду определенная «честная», единственная в своем роде, имени которой нет надобности называть, поскольку понятно, о ком идет речь. Ср. также словоупотребление в производственных пометках из солнцепоклоннической столицы применительно к «жене царицы»: «мясозаготовочная (*'хйт*) жены царицы — жива она!» (CA III: XCIV 245), «жены царицы — жива она!» (CA III: XCIV 246), «мясозаготовочная - - - жены царицы» (CA III: 171 (2)), «Сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царицы — жива она! — на юге» (CA III: 201), где словосочетанию «жена царицы» тоже предпослан определенный член

¹¹ W. Helck. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. T. 4. Wiesbaden, 1963 («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz)». Geistes- und sozialwissenschaftliche Kl. Jg. 1963, № 3). S. 728.

женского рода *т'*. Без определенного члена сочетание «жена царева» обходится в наименовании хозяйства царицы «дом жены царевой» (ТЕА: XXIV 90, СА I: LXIII G,K), но это древнее, плотно сросшееся обозначение, куда новоегипетскому *т'* нельзя было проскользнуть.

В пометке ТЕА: XXV 98 предположительная Кэ́йе названа не «честною», а «женою царевой». То же звание приложено к ней в пометке, частично изданной СА III: 201: «Сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царевой — жива она! — на юге», если вместе с издателем отождествлять эту «сень Рэ» с «сенью Рэ» в южной усадьбе.¹² Что Кэ́йе величали не только «женою-любимцем [46] большою» фараона, но также, когда хотели быть краткими, «женою царевой», доказывает усадебная надпись СА I: XXXIV = LVI 273 rev. Здесь после слов «сень Рэ» частично уцелело от первоначальной надписи звание прежней хозяйки усадьбы: «Сень Рэ жены царевой [Кэ́йе] в *М'рв Йтн* (т. е. в южной усадьбе) в Ах-йот».¹³

Когда в солнцепоклоннических скорописных пометках звание «жена царева» употреблено без последующего имени, составляя тем самым без него все обозначение царицы, слова «жена царева» пишутся неизменно в кольце: ТЕА: XXII 11, XXIV 90, СА I: LXIII G, K, СА III: LXXXVI 33, ХСП 208, ХСП 218, ХСIV 245, 246, 247, 171 (2), 201. Имя царицы «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» пишется тоже в кольце в этих пометках: СА I: LXIII 1, LXIV 1, 2 (= ТТА: 180 CCXVIII A), СА III: LXXXV 28, 29, 30 («Нефр-эт» выписано сполна); также в кольце пишется имя вдовствующей царицы-матери Тэ́йе: ТЕА: XXII 14. А вот в пометке ТЕА: XXV 98 без кольца не только звание «жена царева», что было б вполне естественным ввиду после дующего имени, но и это последнее — предполагаемое имя «Кэ́йе» — оставлены без кольца. Отсутствие его вокруг имени могло бы указывать на неполноправность данной царской жены по сравнению с царицей. Подобный же случай — отсутствие кольца вокруг имени царской жены — мы имеем еще в одной пометке солнцепоклоннического времени СА III: ХСV 265. Здесь мы читаем: «[Год царствования (такой-то). Жи]р свежий бычий - - - жен[ы] царев[ой] Йот - - -». К несчастью, как год царствования, так и продолжение имени отбиты. Однако от имени уцелел еще кусочек знака, который больше всего походит на кончик ручки скорописной корзины *к* — по толщине и положению внизу строки. Если то действительно остаток буквы *к*, то имя могло бы быть «Мек-йот» или «Бок-йот». Первое имя, впрочем, исключено, потому что в солнцепоклоннической скорописи буква *к* в «Мек-йот» пишется в отрезке строки после *м*, а не под ним: *м*^{знак}_{*к*} *руки*, а не знак *м* *руки* — ЈЕА X: 133, СА III: LXXXVI 37, 38, ХСV 272, ХСVI 292. Остается имя «Бок-йот». В нем буква *к* пишется непосредственно под знаком журавля *б'* — скорописная пометка из Ах-йот СА III: LXXXVI 42. Но царской жены по имени Бок-йот мы не знаем. В только что упомянутой пометке СА III: LXXXVI 42 речь идет о «доме (т. е. хозяйстве) дочери царевой Бок-йот». Царевна этого имени хорошо известна. В пору поздних солнечных колец она пять раз изображена и поименована в гробнице Хойе, домоправителя вдовствующей царицы Тэ́йе. Один раз Бок-йот обедает вместе с Тэ́йе и семейством царствующего фараона (ЕА III: IV), другой раз вместе с Тэ́йе же ужинает с ними (ЕА III: VI). Бок-йот [47] сопровождает царицу-вдову, когда ее сын вводит ее в солнечный храм ее имени (ЕА III: VIII = IX). Начальник ваятелей расписывает изваяние Бок-йот (ЕА III: XVIII). На двойном изображении двух царских семей представлены слева Амен-хотп IV, Нефр-эт и их четыре дочери, справа Амен-хотп III, Тэ́йе и Бок-йот (ЕА III: XVIII). Последнее изображение не оставляет сомнений в том, что Бок-йот — такая же дочь Амен-хотпа III и Тэ́йе, как царевны Ми-йот, Мек-йот, Анхес-эм-п-йот и Нефр-нефре-йот Малая — дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт. И то, что за обедом и ужином Тэ́йе с Бок-йот изображены вместе супротив Амен-хотпа IV, Нефр-эт и их дочерей, лишний раз подтверждает, что «дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Бок-йот» — дочь вдовствующей царицы и, следовательно, Амен-хотпа III. В гробнице Хойе Бок-йот — царевна, не царица; «дочь царева» она и в пометке СА III: XXXVI 42. В пометке же СА III: ХСV 265 предположительная Бок-йот — «жена царева», не царевна. Гробницу Хойе отделявали при поздних солнечных кольцах, однако

¹² H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten P. 3. Vol. 1. Text. P. 201.

¹³ О пометках ТЕА: XXV 98, СА II: LVIII 16, СА III: 201 сказано в моей книге «Тайна золотого гроба» (М., 1968) на с. 120-121, 125.

не в самые последние годы царствования Амен-хотпа IV, так как в ней изображены самое большее четыре его дочери (ЕА III: XVIII), пятая же и шестая еще отсутствуют. Употребление даже в более поздней части гробницы знака игральной доски *mn* свидетельствует о том же (см. § 111, с. 194; § 115, с. 254-255). Нельзя ли в таком случае предположить, что Амен-хотп IV под конец своего царствования женился на своей сестре Бок-йот и она из «дочери царевой» превратилась в «жену цареву»? Невозможного в этом нет ничего, но только непонятно, почему имя новоявленной царской жены не заключено в кольцо? Неужели дочь Амен-хотпа III и вдовствующей царицы Тэие, сестра царствующего фараона, став царицей, не получила бы кольца вокруг имени, осталась бы неполноправной царской женою? Неполноправной царской женою... Но, может быть, «жена царева [Бок]-йот» вовсе не дочь покойного фараона и Тэие, а какая-то действительно неполноправная жена Амен-хотпа IV вроде Кэие? Конечно, у Амен-хотпа IV могли быть и действительно были жены из числа дочерей иноземных властителей, но ни одна из них не значится в египетских надписях, тем более со званием «жены царевой». Кроме Кэие, других побочных жен-египтянок Амен-хотпа IV мы не знаем. Ну а что, если «жена царева [Бок]-йот» не кто иной, как сама Кэие? «Кэие» ведь не полное, а сокращенное имя, вроде наших «Катя», «Ксюша». Так не будет ли «Кэие» сокращением «Бок-йот» (в произношении того времени имя «Кэие» могло бы звучать «Кийа», а «Бок-йот» — «Бак-йати»). Разумеется, все это не более как предположение, притом основанное на другом предположении — предположительном восстановлении имени «Бок-йот» в пометке СА III: XCV 265. Но поскольку такое предположение невольно приходит на ум, может быть, все же стоило высказать подобную догадку, как [48] бы ненадежна и шатка она ни была? Если бы, паче чаяния, она оказалась правильной, первоначальное имя Кэие, до оставления царем старых богов, могло быть в честь кого-нибудь из них, скажем «Бок-амун» — «Раба Амуна».

Примечание.¹⁴ Превосходное пояснение к обозначению «честная» в приложении к царской возлюбленной при одновременном употреблении применительно к ней звания «жена царева» представляет заключительная часть сказки о двух братьях (папирус д'Орбини, с. 12-18; см.: Select papyri in the hieratic character from the collections of the British Museum. P. II. L., 1860, табл. IX-XIX; G. Möller. Hieratische Lesestücke für den akademischen Gebrauch. H. II. Lpz., 1910; то же: Lpz., 1927; B., 1961, S. 1-20; A. H. Gardiner. Late Egyptian stories. P. I. Bruxelles, 1931 (Bibliotheca aegyptiaca I. P. I), p. 9-29a). Вообще говоря, эта часть сказки в описании дворцового быта может служить как бы письменным добавлением к соответствующим изображениям на памятниках солнцепоклоннической столицы. Явление царя во дворцовом окне, совместный выезд на колесницах царя и его возлюбленной, их совместное веселое времяпрепровождение, возлюбленная царя, наливающая ему вино, — все это приводит на ум сходные изображения из быта солнцепоклоннического двора. Так вот именно здесь, в заключительной части сказки, возлюбленная фараона постоянно обозначается как «честная», притом с определенным членом женского рода *m'*, как в пометке СА II: LVIII 16, см. в сказке страницы 15 (строка 8), 16 (строка 1), 17 (строки 5, 9, 10), 18 (строка 4 два раза). Без определенного члена это слово *инст* употреблено лишь на странице 12 (строка 3), но тут определенному члену и нельзя было быть, потому что речь идет не об определенной «честной», а о «честной» как сани, в который фараон возвел свою возлюбленную: «и произвели ее в честную большую». Определение «большая» (*'m*) перекликается с тем же словом в титуле Кэие («жена-любимец большая»), но внимания заслуживает то, что в «честную» производят (*δ'н*), так что это — звание, связанное с определенным положением при дворе. Ср. в той же сказке на странице 18 (строка 4) слова: «произвели его в сына царева по Кошу», т. е. в наместника Эфиопии. Но всего существеннее то, что на той же странице 18 (та же строка 4) царской любимице присвоены одновременно два звания — «жены царевой» и «честной»: «жена царева, честная», причем слово «честная» снабжено определенным членом. Совсем как в солнцепоклоннических скорописных пометках, где предположительная Кэие то «честная», то «жена царева»! Только в отличие от пометок ТЕА: XXV 98 и СА III: XCV 265, в которых за званием следует имя (правда, как оно, без кольца), слова «жена царева» предварены отвесною дужкой — передком скорописного кольца.

В сказке «честная» именуется дочерью самого бога солнца, она образована по его распоряжению самим Хнумом. Надписи на изваянии времени XIX царского дома, т. е. того же времени, что и рукопись сказки о двух братьях, знакомят нас с действительной роднёю одной из царских «честных». «Честная фараона — жив, цел, здоров! — *Йнийв'й*» была дочерью («жреца —) чистителя верховного Птаха Птах-май» и «певицы (?) Амуна, владычицы дома Ха-шепсове», сестрою же «слушающего зов (т. е. слуги) фараона — жив, цел, здоров! — Ра-мосе» и «владычицы дома, певицы Амуна Хен-тима» (AeISMB II: 6-8). Было бы, конечно, вовсе не правильным обобщить этот случай и предположить, что царские «честные» бывали обыкновенно из средних

¹⁴ Содержание этого примечания изложено в моей книге «Тайна золотого гроба» (М., 1968) на с. 121-126.

слоев общества. На одной гробничной принадлежности (так называемом конусе) времени XVIII царского дома в качестве хозяина гробницы значится «Усире, большой дома (т. е. покойный управляющий хозяйством) [49] честной нахараинской *Бнꜥ'й*» (*N. de G. Davies, M. F. L. Macadam. A corpus of inscribed Egyptian funerary cones. P. 1. Oх., 1957, № 527*). Нахараин — это царство Митанни на среднем Евфрате. «Честная нахараинская» — некая определенная особа из Нахараин (недаром «честная» с определенным членом *m'*), вероятно, митаннийская царевна, присланная в жены фараону. Таким образом, царские «честные» могли быть, по-видимому, самого различного общественного происхождения, и умозаключать по наименованию кого-либо «честною» о родovitости или неродovitости данного лица невозможно. [50]

ИЗ ЧЬИХ БОЖНИЦ БЫЛИ КАМНИ ИЗ ШМУНА?

Во время раскопок Шмуна Гюнтером Рёдером в 1929–1939 гг. в кладке построек Ра-месэ-са II и позднейших домов было найдено много камней из снесенных солнцепоклоннических зданий. Камни были преимущественно небольших размеров, как то было принято у солнцепоклонников, и пестрели остатками солнцепоклоннических изображений и надписей. Большинство находок осталось в Египте, но некоторое количество попало в зарубежные собрания. Сводное издание этих, а также найденных по соседству с городом камней вышло в 1969 г.,¹ но, как полагают издатели, дальнейшие раскопки в Шмуне могли бы намного увеличить и без того огромное число находок.²

Первоначальное предположение, что камни происходят из разоренного солнечного храма в самом Шмуне, пришлось впоследствии оставить. Надписи на них указывали на соседнюю со Шмуном столицу Амен-хотпа IV Ах-йот как место происхождения. Именно ее упраздненные храмы послужили «каменоломней» строителям Ра-месэ-са II.³

В сводном издании некоторые храмы были надежно или предположительно отождествлены. Названа была, в частности, «сень Рэ» в царской усадьбе на юге столицы. Издатели отметили, что многие надписи на камнях из Шмуна переделаны на имя царевны Ми-йот способом, очень похожим на тот, которым переделаны на ее имя надписи в южной усадьбе.⁴ Издатели разделяли общее мнение, что усадебные надписи были первоначально составлены на имя царицы Нефр-эт, однако в отличие от других ученых издатели полагали, что ее имя заменяли именем Ми-йот не потому, что Нефр-эт впала в немилость, а потому, что с превращением Ми-йот в жену собственного отца усадьба перешла от матери к дочери.⁵

Тем не менее далеко не все надписи из Шмуна, в которых Ми-йот будто бы значится на положении жены Амен-хотпа IV, [51] издатели объявляли переделанными. Еще в меньшей степени поступали они так по отношению к надписям, которые якобы выдавали за жену Амен-хотпа IV царевну Анхес-эм-п-йот, хотя подчас издатели и отмечали, что ее имя стоит на месте чего-то изглаженного. По мнению издателей, обе царевны одна за другой состояли женами своего родителя, и у каждой из них было от него по дочери, Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой, тоже упоминаемых на камнях из Шмуна. Впоследствии, согласно тем же ученым, старшая Ми-йот и старшая Анхес-эм-п-йот стали одна за другою женами соправителя Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ.⁶

Остается, однако, необъяснимым, почему обе дочери Амен-хотпа IV, став его женами, по-прежнему величались «дочерьми царевыми», а не «женами царевыми», и почему их имена не вписывались в кольца, как то подобало царицам. Необъяснимым остается также, каким, образом у Анхес-эм-п-йот могла быть дочь от Амен-хотпа IV, если он царствовал не более семнадцати лет,⁷ а Анхес-эм-п-йот родилась самое раннее в 8-м году его царствования (см. § 93). Ведь не могла же у ребенка семи-восьми лет быть дочь!

На некоторых, не слишком многочисленных камнях из Шмуна имеются изображения и надписи, с самого начала относившиеся к царице Нефр-эт и ее дочерям. Однако несоизмеримо больше таких камней, на которых изображения и надписи были присвоены дочерям Амен-хотпа IV и Нефр-эт только впоследствии.

Когда в 1968 г. было показано, что на камнях из Шмуна присваивались изображения и надписи, относившиеся не к царице Нефр-эт, а к побочной жене фараона Кэе и ее дочери,

¹ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. Hildesheim, 1969.

² Ibid. S. 1.

³ Ibid.

⁴ Ibid. S. 356-357.

⁵ Ibid. S. 356-358.

⁶ Ibid. S. 376, 379.

⁷ W. M. F. Petrie. Tell el Amarna. L., 1894. P. 32; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 61.

показано это было по необходимости лишь на небольшом числе камней, изданных к тому времени.⁸ Теперь, после сводного издания 1969 г., в поле зрения оказалось уже огромное, можно сказать, трудно обозримое количество таких камней. И — что особенно хорошо — принадлежность изображений и надписей побочной жене фараона теперь даже не надо доказывать — титул Кэ́е на некоторых камнях стерто настолько плохо, что [52] его можно вычитать с них по частям, притом полностью включая имя. Надо только знать, что вычитывать.

Вспомним полное титул Кэ́е: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэ́е». И вот мы находим это титул на камнях из Шмуна.

В приведенной ниже сводке остатков титула Кэ́е на камнях из Шмуна слово «кольцо» в круглых скобках означает, что кольцо вокруг имени царя сохранилось, но само имя «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» разрушено. Остатки титула Кэ́е на двух камнях PC 161 (ARH: CXCV) и 80-VIII (ARH: CLXI) приведены дважды — в начале и в конце сводки, потому что содержат как начальные слова, так и часть заключительных (остатки титула приведены вообще по возможности так, чтобы при чтении их одних за другими воссоздавалось полное титул).

«Жена - - - цар[я] (и) государ[я], живуш[его] правдою, владыки обеих земель [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] » (ARH: CLIII 784-VIII).

«Ж[ена] - - - царя (и) государя, живу[щего правд]ою — (кольцо) - - - [жи]во[го] (?), [котор]ый бу[дет жив векове]чно - - -» (ARH: CXCV PC 161).

«Же[на] - - - Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ] - - -» (ARH: CX 143-VIII C).

«Жена-любимец - - - [Нефр-шепр-рэ Ва-н]-рэ - - -» (ARH: CVIII 703-VIII C).

«Жена-лю[бимец] - - - Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ — который будет жив - - -» (ARH: CLXI 80-VIII).

«- - - любимец - - -» (ARH: LIII 499-VIII).

«- - - [лю]бим[ец] царя (и) государя - - -» (ARH: XXXVII 650-VIII A).

Слово «большая» проглядывает, возможно, на камне PC 161 (ARH: CXCV) перед словами «царя (и) государя». На камне 56-VIII A (ARH: CV) в титуле царевны, переделанном из титула Кэ́е, слово «большая» заимствовано, надо полагать, из первоначального титула: звание «жалуемая большая (хасйэ о) владыки обеих земель» совершенно несвойственно царевнам, и слово «большая» стоит на том самом месте, где оно должно было стоять в титуле Кэ́е.

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: CXCVII PC 187).

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XVIII 684-VIII C).

«- - - царя (и) государя, живущего [правд]ою - - -» (ARH: CC PC 209).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -» (ARH: CXI 438-VII A).

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XIX 168-VIII A).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою - - -» (ARH: XLIX 261-VI A). [53]

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XXXIV 150-VIII D).

«- - - живуш[его] прав[д]ою - - -», «- - - [пра]в[дою], владык[и] обеих земель » (ARH: LIII 149-VIII C).

«- - - [живу]ш[его прав]д[ою], владык[и] обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -» (ARH: CLIX 448-VIII).

«- - - живуш[его] правдою (кольцо) » (ARH: CLX 193-VIII A).

⁸ Что среди солнцеклоннических камней из Шмуна имеются камни с остатками изображений и надписей, относящихся к Кэ́е и ее дочери, было подробно показано в моей книжке «Тайна золотого гроба» (М., 1968, с. 101, 104-111, ср. с. 99-100). Распространение данного наблюдения на камни, изданные в 1969 г. Г. Рёдером и Р. Ханке, было естественным и неизбежным. На часть этих камней оно было распространено в статье: J. R. Harris. Kiya // ChE. T. 49, 1974. P. 25-30. Что переделывали изображения и надписи Кэ́е, Р. Ханке усмотрел в своей статье: R. Hanke. Änderungen von Bildern und Inschriften während der Amarna-Zeit // SAK. Bd 2, 1975. S. 79-93.

«- - - (кольцо) - - -» (ARH: CX 143–VIII C).
 «- - - (кольцо) *п'* (определенный член от слова "отрок") - - -» (ARH: XLIII 286–VI).
 «- - - [ца]р[я] (и) [госуда]р[я] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока до[б]ро[го] Й[о]та [жи]вого бу[дет] (?) ж[ив] (?)» - - -» (ARH: CLII 463–VIII).
 «- - - Нефр-шепр-рэ - - - [Ва-н-рэ] Й[о]т[а] - - -» (ARH: XXXI 195–VIII A).
 «- - - Йот(а) - - -» (ARH: CLIII 1030–VIII).
 «- - - (кольцо) - - - Йот[а] живо[го], который - - -» (ARH: XXIX 620–VIII C).
 «- - - Йот[а] живо[го], кото[ры]й [будет] жи[в] - - -» (ARH: CLXIII 1092–VIII).
 «Жена-лю[бимец] - - - Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - - который будет жив - - -» (ARH: CLXI 80–VIII).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою - - - [Йо]т[а] (?) - - - [кото]рый (?) буд[ет] (?) - - -» (ARH: CXLV 524–VIII)

«Ж[ена]- - - царя (и) государя, живу[щего правд]ою - - - (кольцо) [жи]во[го] (?), [кото]рый бу[дет жив векове]чно - - -» (ARH: CXCV PC 161).

«- - - (кольцо) [веков]ечно вечно - - -» (ARH: CLIX 910–VIII).

«- - - (кольцо) *п'* (определенный член от слова "отрок") - - - [веков]ечно веч[но] - - -» (ARH: XVIII 652–VIII A).

«- - - (кольцо), отрок[а] - - - вековечно вечно, Кэ́е» (ARH: XXXII 153–VIII = LVII 135–VIII = SAK II: 88).

«- - - [Кэ́й]е» (MDAIAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII = ТЗГ: 101, ср. SAK II: 88).

«- - - [Кэ́й]е» (ARH: XXIII 376–VIII, ср. 176, 178, 258, 291, 367, SAK II: 88).

Некоторые титула, переделанные из титула Кэ́е, содержат после имени царевны многолетие «жива она!» (MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A; ARH: CXI 438–VII A), «жива она» (ARH: LIII 149–VIII C, CXXXIV 983–VIII A), «жива она вечно - - -» (ARH: CXXXIV 983–VIII C), «жива она вечно вековечно!» (ARH: CLIX 448–VIII). Ни на одном непеределанном памятнике никто из царевен никогда не удостоен какого бы то ни было многолетия. Здесь же, на камнях из Шмуна, оно встречается не только после имен царевен, но [54] один раз даже после имени дочери царевны: «- - - Малая — жива она!» (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARH: XXIX 632–VIII A). В северном дворце солнцепоклоннической столицы многолетие «жива она!» замыкало титуло Кэ́е (см. гл. II), то же многолетие стояло, возможно, на ее гробе (см. гл. IV). Поэтому, казалось бы, мы вправе ожидать, что и среди многолетий из Шмуна по меньшей мере некоторые восходят к титулу Кэ́е. На деле, однако, ни об одном из них нельзя сказать с уверенностью, что оно не привнесено одновременно с переделкою титула на имя царевны. К этим многолетиям нам придется еще вернуться в дальнейшем (см. гл. VI).

Точно так же как в южной усадьбе, и на камнях из Шмуна из титула Кэ́е в титуло царевны перенимали в нетронутom виде одно лишь титуло царствующего фараона: «царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (иногда с опущением того или иного звания перед именем). Кольцо царя считалось, очевидно, неприкосновенным. Исключения, когда и оно подвергалось замене, если только они вообще были, настолько редки, что с ними можно не считаться. И точно так же как в усадьбе, и на камнях из Шмуна последующие слова: «отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно» — изглаживали и за царским кольцом ставили многолетие: «кому дано жить» (ARH: CXI 438–VII A), «кому дано жить» (ARH: XIX 504–VIII, CX 143–VIII A), «кому дано жить - - - вечно» (ARH: CLIX 910–VIII, ср. 179). В одном случае употреблено расширенное многолетие «кому дано жить вечно вековечно» (ARH: XVIII 652–VIII C), а в другом, напротив, многолетие вовсе опущено (ARH: CXCV PC 161).

Титуло Кэ́е на камнях из Шмуна проступает обыкновенно сквозь заменившее его титуло одной из дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, Ми-йот или Анхес-эм-п-йот, или же — что бывает реже (ARH: CX 143–VIII C, CLXI 80–VIII, CC PC 209) — сквозь титула одной из них и их дочерей Ми-йот Малой или Анхес-эм-п-йот Малой. На одном камне титуло Кэ́е переделано в титула Амен-хотпа IV и его дочери Анхес-эм-п-йот (ARH: CXI 438–VII A). На другом камне уцелело только титуло фараона, заменившее начало титула Кэ́е (ARH: LIV 698–VIII A, см. также 177).

Еще на одном камне титуло Кэ́йе переделали в титуло Амен-хотпа IV и, должно быть, его внуки, предпослав всему титуло его дочери (ARH: CLI 80—VIII). Переделки такого рода тоже находят себе соответствие среди усадебных переделок. В одном случае в титуло Амен-хотпа IV и царевны Ми-йот было переделано в усадьбе титуло Кэ́йе (CA I: LVII 55 + 59), в другом случае — титуло Кэ́йе и ее дочери (CA I: XXXIV 1 = LVI 22/273).

Совершенно особняком стоят титула на одном камне из Шмуна (ARH: CVI 451—VII A). Остатки их распределены по четырем строкам, и, хотя сквозь нынешние письмена ничего не проглядывает, [55] очень похоже на то, что титула заменили титуло дочери Кэ́йе. В первой строке имя царевны Анхес-эм-п-йот втиснуто в пространство для него явно недостаточное, если написать его не мелкими, как сейчас, а такими же крупными знаками, какими написаны предшествующие слова: «[дочь царева от утробы его, возлюбленная его». Также и имя «[Анхес-эм-п-йот Малой», значащееся в третьей строке, ни на одном непеределанном памятнике ни разу не засвидетельствовано, но зато вполне обычно в надписях, переделанных из титула Кэ́йе и ее дочери. В восстановленном виде нынешние титула могли бы выглядеть так⁹: «[Дочь царева от ут]робы его, возлюбленная его, Анхес-эм-п-[й]от, [рожденная женою царицы великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель] Нефр-нефре[-йот] Нефр-эт — жива она вечно [вековечно! Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Анхес-эм-п-йот Малая, [рожденная дочерью царицы великой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот], рожденной же[ною] царицы великой [Нефр-нефре-йо]т [Нефр-эт — жива она вечно вековечно!]]»

Начало первой строки могло содержать до переделки собственно титуло дочери Кэ́йе, а конец — начало пространной ссылки на родительницу («рожденная женою-любимцем» и т. д.). На месте кольца Нефр-эт во второй строке могло быть кольцо с именем «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ», на этот раз — исключительный случай! — не сохранным, а замененным именем царицы. Третья строка могла быть с продолжением титула Кэ́йе, а четвертая — добавлена при переделке.

Если эта надпись действительно переделана из титула дочери Кэ́йе, а для подобного предположения имеются веские основания, то перед нами был бы исключительный случай введения в переделываемую надпись имени царицы Нефр-эт. Другой такой случай могло бы представлять титуло царевны Ми-йот на камне из того же Шмуна (ARH: CXCIХ PC 210). Однако основания для отнесения этой надписи к числу переделанных довольно шаткие. Похожие на остатки знаков черточки и углубления могут быть всего-навсего трещинками и выбоинками, которых вообще много на поверхности данного камня.

Впрочем, из Шмуна дошло и некоторое количество камней, на которых изображения и титула Нефр-эт достоверно исконные, а не введенные при переделке. Поэтому, когда сполна или отчасти уцелело изображение царственной женщины, а надписание пропало, нельзя быть заранее уверенным, что изображена Кэ́йе, а не Нефр-эт. Но у изображений Кэ́йе есть свои особенности, отличающие ее от Нефр-эт, так что в большинстве случаев изображения побочной жены царя могут быть опознаны даже тогда, когда надписания погибли. [56]

На очень многих камнях из Шмуна царственную мать сопровождает всего одна дочь — точь-в-точь как на изображениях Кэ́йе в южной усадьбе (CA I: XXXII 2 = LVI J + 154, XXXII 2 = LVI M + 152, XXXV 9 + 151, см. гл. II). На тех камнях из Шмуна, на которых так или иначе уцелели титула Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, старших и младших, переделанные из титула Кэ́йе и ее дочери, мать, разумеется, Кэ́йе. Но и там, где надписания пропали, присутствие всего одной царевны может указывать, что первоначально, скорее всего, была изображена побочная жена царя со своею дочерью. Дочери Амен-хотпа IV от Нефр-эт изображены на памятниках Ах-йот несчетное число раз, но чтобы там изобразили только одну из этих царевен, бывает далеко не часто. Вот перечень таких изображений.

Кусок дворцовых перил из Ах-йот: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (MDIAeAK III: против 36, $a = IV = 36 = TTA: 154 CLXII = ARH: II$, MDIAeAK III: против 36, $b = ARH: I$

⁹ Ср.: G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. S. 174.

III титло солнца, см. § 36). Ср. три других куска дворцовых перил (TEA: XII 3; времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы — см. § 82, знака мотыки в имени Ми-йот — см. § 97 — и искажительного способа изображения — см. § 103; CM: № 10 = КОз: IX = НЭС XVII: VIII = SA III: 315 = STEA: 19 = KEAZ: XI = CA III: LXIX 5 = RID: 30 = GE: LIV = CuAE: XXIIIa = СПДЕ: XXIV = ИДЕ: 132 = ОеА: между 90 и 91 = ИДЕг: 319 = IFAOBE XXXII: 85 = VMPH: 129 = ZZR: между 96 и 97, III солнечное титло; CA III: LXIX 4, III солнечное титло). Ср. также обломок CA III: LXX 12 (времени III солнечного титла ввиду сложного имени и пространного многолетия царицы и знака протока для *mr* — см. § 104).

Обломки из Ах-йот: царевна позади матери (CA III: LXXXIII 1, времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы — см. § 82 — и искажительного способа изображения — см. § 103 — и LXXXIII 2, не раньше III солнечного титла ввиду сложного имени и многолетия царицы — см. § 78, 82). Ср. обломки оттуда же JEA XXI: XII = CA III: LXVI 1, 4 и CVII 1 (все три времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы и искажительного способа изображения) и обломок CA III: CV 5 (времени III солнечного титла ввиду сложного имени царицы — см. § 78 — и искажительного способа изображения).

Обломок столба, возможно, из Шмуна: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (WAeKFS: XIII 49, времени III солнечного титла ввиду знака мотыки в имени царевны — см. § 97 — и знака протока — см. § 104). Обломок столба из Шмуна: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (ARH: III, не древнее IV солнечного титла — см. § 37 — ввиду знака пруда для *mr* — см. § 104).

Гробница Ах-мосе в Ах-йот: царевна с родителями на колеснице. (EA III: XXXII + XXXII A, времени VI солнечного титла [57] — см. § 39). Гробница Пи-нхаса в Ах-йот: царевна вместе с родителями служит солнцу (EA II: VI три раза, VI солнечное титло). Гробница Ра-мосе, военачальника в Ах-йот: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (EA IV: XXXV; наверное, времени VII солнечного титла — см. § 40, 88). Гробница Мха в Ах-йот времени VII солнечного титла: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (EA IV: XV, XVI, XXIII) и едет в одной колеснице с отцом и матерью (EA IV: XX, XXII).

Итак, подавляющее большинство изображений царевны Ми-йот без сестер, с одними отцом и матерью, приходится или может приходиться на время не позднее III солнечного титла, когда Ми-йот могла быть еще на деле единственной дочерью у царской четы (см. § 92). Об одном изображении можно сказать только, что оно не древнее IV солнечного титла, четыре изображения современны VI солнечному титлу и шесть — VII. При этом на обоих изображениях царевны на одной колеснице с родителями отсутствие ее сестер более чем понятно: египетская колесница была маловместительна, рассчитана только на двух человек. Недоказательны также и три изображения в гробнице Пи-нхаса, так как помещаются на косяках ее наружной двери, где большему числу царевен было бы трудно уместиться.

Напротив, на камнях из Шмуна, притом именно таких, которые явно позднее III солнечного титла, хотя бы из-за неискажительного уже способа изображения (см. § 103), одна дочь со провождает царя и его царственную спутницу много раз; причем в большинстве случаев по переименованным надписям видно, что первоначально изображена была дочь Кэ́йе. Перечислим сперва надписанные изображения: MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A + 311–VI A (мать и дочь переименованы в «Анхес-[эм-п-йот]» и «Анхес-эм-[п-йот] Малую»), MDAIAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII (дочь «[Кэ́]йе» переименована в «- - [Ма]лую»), ARH: XV = XVIII 10–VIII A («Ми-йот», несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XV 688–VIII («[Анхес-эм-от-]йо[т]»), несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XVII 500–VIII C (девочка переименована в «Ми-йот Ма[л]ую»), XVIII 340–VI A («Ми-йот», несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XVIII 652–VIII A (девочка переименована в «Ми-йо[т] Малую»), XVIII 652–VIII C (девочка переименована), XVIII 684–VIII C (переименованы Кэ́йе и ее дочь), XXIII 376–VIII (дочь «[Кэ́]йе»), CC PC 192 (девочка переименована в «Анх[ес]-эм-п-йот Малую»), XXIX 632–VIII A (девочка переименована в «- - - Малую»). Теперь перечислим ненадписанные изображения: MDIAeAK IX: VIII b = ARH: XIII 292–VI C, ARH: XI 750— VIII A, C, ср. ARH: XVI 406–VII A (девочка с двумя царями, см. гл. V), XII 406–VII D (на том же камне сбоку), ARHAC: II = ARH: CLXXXIII PC 24 (девочка позади царя). На камнях из Шмуна бывают изображены и совместные изваяния

царя, [58] взрослой женщины и ребенка (ARH: XX = XXI 454–VII C, XXII 421–VII) и взрослой женщины с ребенком без царя (ARH: LVI 494–VII). На последнем камне верх головы у женщины пропал, на двух других у царя на венце ясно виден царский аспид, у женщины же на лбу изображения царской змеи не заметно, хотя, правда, поверхность камней в соответствующих местах слегка повреждена. Если налобного аспиды у царской спутницы действительно нет, то она не царица Нефр-эт (см. ниже). На изображениях главного храма солнца в гробницах в Ах-йот тоже бывают показаны совместные царские изваяния, стоявшие в глубине сооружения перед «двором солнечного камня». Как в гробнице Ах-мосе (EA III: XXX, время VI солнечного титула, см. § 39), так и в гробнице Ми-рэ, жреца (EA I: X A = XI, время VII солнечного титула, см. § 40), каждому из двух изваяний царя в верхнеегипетском венце и одному из двух в нижнеегипетском придано по маленькому изваянию не то царевны, не то царицы. По величине маленькое изваяние вполне могло бы быть изваянием царевны, но разве поставили бы изваяние царя с царевной, но без царицы в самом главном храме столицы перед самой священной его частью? У Ах-мосе подле срединного жертвенника посреди этой части храма стоят совместные изваяния именно царя и царицы. Вдобавок у Ми-рэ надо лбом одного из маленьких изваяний издателем показана черточка, которая могла бы сойти за царского аспиды. А он был присвоен только царю и царице, а никак не царевнам (см. ниже). Поэтому можно вместе с издателем¹⁰ счесть за самое вероятное, что маленькие изваяния изображали царицу.

На камне из Шмуна PC 55 (ARHAC: 81 = AeKZKE: XXXI = ARH: CLXXXII) частично уцелело изображение царского корабля, на носу которого на стене палубной беседки представлен царь, поражающий иноземного врага в присутствии взрослой женщины и ребенка. Первое, что приходит на ум (и пришло в свое время также мне),¹¹ — это то, что взрослая женщина — царица Нефр-эт (ср. EA V: V). На другом камне из Шмуна, именно PC 67 (ARHAC: 83 = ARH: CXCI = APhE: XXIII), она сама показана поражающей иноземца на таком же изображении на стене судовой беседки, только на этот раз на корме. Что тут изображена Нефр-эт, не подлежит никакому сомнению. На воинственной особе женский синий венец, который носила царица, но не Кэ́йе, а кормовые весла украшены резными головками в головном уборе с двумя высокими перьями, присвоенном царице, но не Кэ́йе. Тем не менее на первом камне — PC 55 — могла быть изображена не Нефр-эт, а побочная жена царя. На голове у этой женщины так называемая ступенчатая прическа (из накладных волос), с которой Кэ́йе в бытность [59] побочной женою царя постоянно изображалась. Царицу тоже изображали с такою прической, только далеко не всегда. Поэтому на камне PC 55 могла быть изображена не Нефр-эт, а Кэ́йе, и с этим отлично согласовалось бы присутствие всего лишь одной дочери.

Ни на одном из изображений царственных родителей с одной дочерью ее голова не подвергалась переделке. Напротив, голова взрослой особы женского пола, которую можно счесть за побочную жену царя, сплошь и рядом оказывается переделанной. И это только естественно, раз данную особу переименовывали то в царевну Ми-йот, то в царевну Анхес-эм-п-йот. Обеих девочек изображали с вытянутым назад безволосым черепом, с которого лишь сбоку свешивается прядь волос. Поэтому при превращении взрослой особы в царевну срезали спереди и сзади накладные волосы, оставляя лишь те из них, что могли сойти за боковую прядь волос, а на затылке добавляли безволосую выступающую часть черепа. Иногда волосы не срезали, но и тогда добавлять голый затылок было необходимым для превращения изображения из женского в детское. Единственное, что нельзя было переделать, — это рост особы. На непеределанных изображениях царевны всегда девочки небольшого роста, а из взрослой особы после переделки получалась взрослая девочка — с детской прядкой волос и голым затылком. Такого рода превращения мы наблюдали уже в южной усадьбе (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J, VII + 154, CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. + 154 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129; ср. CA I: 154, XXXIV 2, затем CA I: 151, XXXV 8, 11). Там Кэ́йе превращали

¹⁰ N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna. P. 2. L., 1905, c. 25.

¹¹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, с. 60.

в царевну Ми-йот, на камнях из Шмуна Кэе превращали в нее же или в царевну Анхес-эм-п-йот. В Ми-йот, по-видимому, превращена Кэе на камне 265–VI А — с наращенным сзади черепом, но с исконной прической (ARH: XIII), в Анхес-эм-п-йот — на камнях 311–VI А — со снятыми со лба волосами (MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV), 435–VII А — с черепом, наращенным сверху и особенно сзади (ARH: X), PC 161 — с наращенным сзади черепом (ARH: CXCV). Что на камнях 772–VIII (ARH: XXXII) и 652–VIII В (ARH: XVIII) особа с прической царевен переделана из Кэе, доказывает солнечный луч, что подносит к лицу особы знак жизни, чего царевны на непеределанных изображениях никогда не удостаивались. И там, где нет ни вторичных надписей, ни знака жизни у носа, достаточно, чтоб у взрослой особы были по-детски срезаны волосы на лбу или добавлен голый затылок, чтобы опознать в изображенной особе переделанную Кэе. Таковы, например, изображения 485–VII и, видимо, 458–VII А (ARH: XII, XXII), где срезаны волосы спереди и сзади и оголен затылок, ср. также 413–VII D и 58–VIII В (ARH: VII, IX = X) с оголенным лбом (затылочная часть не сохранилась). Что на камне AeKZKE: XXVII изображена Кэе, доказывают как оголенный [60] лоб и наращенный сверху и сзади оголенный череп, так и участие данной особы в царском служении солнцу (она возносит обеими руками цветы, а над нею видны большие ноги, несомненно, фараона, AeKZKE: 17). У изображений PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX) оголен лоб, у первого еще наращен безволосый затылок, и у обоих не совсем понятным образом видоизменена прическа. Что PC 68 изображает Кэе, подтверждает остаток более крупного изображения (Амен-хотпа IV) перед нею.

Если отвлечься от изображений 265–VI А (ARH: XIII), PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX), где не вполне ясна первоначальная прическа, то Кэе на всех обсуждавшихся нами изображениях, включая усадебные, носит ступенчатые накладные волосы.¹² Их подрезали более высоко сзади, но и спереди они не свисали ниже плеч, с макушки ниспадали ровными прядями, а на лбу и по сторонам лица были подстрижены ступеньками. Такие накладные волосы носила часто и царица, но только у нее они чередовались на изображениях с другими головными уборами, тогда как у Кэе они были ее постоянным признаком, и разве что только на названных трех камнях — 265–VI А (ARH: XIII), PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX) — у нее были шаровидные накладные волосы. Ступенчатые накладные волосы носили обыкновенно придворные жены из царского сопровождения (например, EA I: XXV = XXVI, XXV = XXX, XXIX, EA II: VII, VIII, X, EA III: VIII = IX, XIII, EA V: V, EA VI: II, XVI, XXVI, XXVIII = XLII), но там, где взрослая особа с такой прической, не будучи царицей, пользуется определенным вниманием, выделена особо или изображена крупно, у нас есть основание предполагать, что представлена Кэе (ARH: LIX 113–VIII А, CLXXV PC 31). На нескольких таких непеределанных изображениях принадлежность их Кэе подтверждена и другими особенностями. На камне 108–VIII С (ARH: XXXVII) Кэе была переименована в Ми-йот, а на камне PC 192 (ARH: CC), судя по измененному титулу дочери, — в Анхес-эм-п-йот. Вдобавок Кэе стоит здесь, служа солнцу за фараоном, как и на камне PC 69 (ARH: CLXXXIII), где от прически уцелела только налобная часть, так что она могла быть и шаровидной. На камне PC 107 (ARH: CLXXXVIII) особа с накладными ступенчатыми волосами и веером следует за высоким человеком, наверное фараоном. На камне PC 27 (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI = SAK II: 83) голова женщины со ступенчатыми волосами, служащей вместе с царем солнцу, была переделана вместе с ее налобной царской змеею (см. ниже). Коленопреклоненная [61] женщина с молитвенно приподнятыми руками и ступенчатой прической на камне 292–VI А (MDIAeAK IX: VII b = ARH: XIV), несомненно, Кэе. Над нею должен был быть изображен царь, служащий солнцу, которому и молится Кэе. Такого рода двойное изображение засвидетельствовано упомянутым выше камнем AeKZKE: XXVII + 17, и на котором сверху видны остатки больших ног, очевидно, царя, а внизу женщина со срезанной на лбу и оголенном затылке ступенчатой прической возносит цветы.

¹² Ср.: Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, 1968. С. 87, 110; J. R. Harris. Kiya. P. 29. О прическах Кэе подробно говорится в статье: R. Hanke. Änderungen von Bildern und Inschriften während der Amarna-Zeit. S. 79-93.

Еще одна особенность отличает подавляющее большинство переделанных и непеределанных изображений Кэ́йе из Шмуна, разумеется тех, где уцелели щеки: большие круглые серьги, выглядывающие из-под прически. Такие серьги обычны на изображениях придворных жен из царского сопровождения, а также царевен, но исключительно редки на изображениях царицы Нефр-эт. На изваяниях Нефр-эт мочки ушей бывают показаны проколотыми. На одном изваянии, как было правильно указано М. М. Потаповым, в ушах у нее даже имеются крупные круглые серьги (BPh²: 179 = ARK: XXI = СПЦН: 14 = 17 = ИДЕг: 378 = ВНеф: XII = XIV и т. д.). Есть они и на изваянии STEA: 35 26 = AN: 63 = ZZR: после 128. На плоских ее изображениях, а их великое множество, мне совсем не встречались серьги, за одним только единственным исключением. Я имею в виду не то поврежденное изображение Нефр-эт в гробнице Ми-рэ, жреца, в Ах-йот, на котором непосредственно над ключицами видны концы каких-то подвесок. Последние свисают слишком глубоко, чтобы их можно было без натяжки отнести к серьгам (уши разрушены); проще всего вместе с издателем считать их кончиками прически¹³ (EA I: XXII). Я имею в виду одно изображение из Шмуна, на котором царица Нефр-эт действительно носит большие круглые серьги (ARHAC: 11 = ARH: CLXXII PC21).

Место находки этого камня и сами серьги в связи с отсутствием на нем имени царицы наводят на мысль, действительно ли эта царственная жена — Нефр-эт, а не та самая особа, которая на других камнях из Шмуна так упорно показывается всегда с большими круглыми серьгами? Правда, волосы царственной жены венчает на этом камне подобие повязки с царским аспидом спереди. Но разве не с аспидом на лбу видим мы ту особу на камне из Шмуна PC 27 (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI)? Пусть в южной усадьбе голову Кэ́йе не венчает такая повязка. Пусть нет ее и на голове у особы из Шмуна. Но и из числа более чем изобильных изображений Нефр-эт мне известны всего лишь несколько украшенных подобной повязкой (ZAeSA LV: 3 = I 5 = KEA II: XV = ARK: LVI = EA VII: XX 2, RMVI: LIV 9 = A: 45 — что изображена Нефр-эт, удостоверяют [62] длинные накладные волосы и ранние солнечные кольца на теле (CA III: LXVI 1, ASAE LIII: XIX = CMAB LXIV: Cover = 289, CMAB LV: 7 = CMAB LXIV: 290, EA VII: VI—IX, XIX). На изучаемом нами камне из Шмуна царица целует в губы маленькую дочь. В Ах-йот был найден обломок изображения, на котором поцелуи получает царевна Анхес-эм-п-йот (CA III: LXX 7), а на одной часто воспроизводимой плите царь целует старшую дочь Ми-йот (BPh¹: 157 = Eg: 183 = EIBAIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: XIV-XV = RID: 3 = EPh: 84-85 = NKAR: VIII = BiPh: против 208 = VMPh: 164 = EgPh: XV B = ZCEER: LVIII = ZZR: против 128).¹⁴ Из того, что на камнях из Шмуна (как и в южной усадьбе в Ах-йот) нет больше таких изображений, не следует, конечно, что никто, кроме царя и Нефр-эт, не мог быть изображен целующим своего ребенка, тем более что и сама царская чета бывает представлена так исключительно редко. В пользу Нефр-эт говорит, казалось бы, имя «Ми-йот», уцелевшее в изглаженной надписи позади девочки.¹⁵ Однако С. Олдред замечает на это, что матерью девочки могла быть сама Ми-йот по воцарении со Семнех-ке-рэ, потому что у нее, согласно одному неизданному памятнику, была дочь «Ми-йот Малая», которая и могла быть девочкою Ми-йот на нашем камне.¹⁶ Нас это замечание С. Олдреда не может не насторожить. Мы уже слишком хорошо знаем, кто скрывается за царевнами с одноименными с ними дочерьми, чтобы не заподозрить и изучаемый нами памятник, не изображает ли и он все ту же Кэ́йе и ее девочку. Хотя тем самым и наш камень становится как будто подозрительным, однако подозревать его, кажется, не стоит.

Надпись позади маленькой царевны на камне изглажена, но кое-что от нее уцелело. Надпись состояла из трех отвесных строк. В первой из них уцелело имя царевны «Ми-йот», над ним поверхность камня разбита, но в самом верху виден знак ситовника, которым писалось слово «царь». Разрушенное пространство между этим знаком и именем точно подходит по величине к началу титула царевны, так что можно вполне восстановить «[Дочь] царева [от утробы его, возлюбленная его], Ми-йот». Внизу второй строки можно распознать

¹³ N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna. P. 1. L., 1903. P. 31.

¹⁴ Cp.: J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. [Brooklyn], 1965. P. 12.

¹⁵ Ibid. P. 10-12.

¹⁶ C. Aldred. [Рец. на:] J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis... // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

слово «Й[о]т», а под ним знак ребер — букву *м* и как будто бы часть знака руки. Таким образом, во второй строке могло стоять титул второй царицы: «[Дочь царицы от утробы его, возлюбленная] [его], Ме[к-]й[о]т» (конечная буква от причастия «[возлюбленная]» — знак хлеба *т*, видимо, проглядывает сквозь разрушения). Наконец, в третьей строке читаются не только следы знаков [63] пруда *мр*, тростника *й* и определителя солнца, но и такие знаки имени третьей царицы Анхес-эм-п-йот, как кусок дужки знака жизни (?), знак сложенного плата *с* и знак летящей утки-шилохвостки. Поэтому последнюю строку можно восстановить так: «[Дочь царицы от утробы его] возлюбленная [его Ан]хес-[эм-]п-й[от]». Вторая и третья царицы были представлены, очевидно, на несохранившейся части изображения, равно как и сам фараон (о его присутствии издатель заключает по положению солнечного луча-руки вверху изображения¹⁷). Присутствие же трех дочерей Нефр-эт исключает как будто полностью возможность отождествления царственной матери с кем-либо, помимо Нефр-эт. Заметим, что шарообразные накладные волосы, как на нашем камне, Нефр-эт иногда носила, но Кэе, возможно, нигде не изображена с иными накладными волосами, как «ступенчатыми». Следовательно, на камне из Шмуна мы имеем, по всей видимости, редчайшее плоскостное изображение Нефр-эт с большими круглыми серьгами.

Напротив, как сказано, Кэе в большинстве случаев изображена с серьгами. Из числа обсужденных выше ее изображений она носит серьги на следующих: MDIAeAK IX: VII b = ARH: XIV 292–VI A, AeKZKE: XXVII + 17, ARHAC: 17 = ARH: CLXXII PC 17, ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI PC 27, ARHAC: 31 = ARH: CLXXXIII PC 69, ARH: VII 413–VII D, IX 58–VIII B, XII 485–VII A, XVI 835–VIII B, XX = XXI 454–VII C, LIX 113–VIII A, CLXXX PC 68. Таким образом, серьги являются существенным отличием большинства изображений Кэе от изображений Нефр-эт, почти всегда лишенных серег.

Еще более важным отличием побочной жены царя от царицы является отсутствие до определенного времени на изображениях Кэе налобной царской змеи. Изображений Нефр-эт сохранилось великое множество, но я не могу назвать ни одного, где голова царицы уцелела б и на ней не было бы царского аспиды. CA III: LIX 2 всего лишь набросок на куске известняка, и если здесь нет змеи на венце спереди, надо лбом, то сбоку их целых две и столько же их могло быть на настоящем таком венце с другой его стороны. Напротив, на изображениях Кэе не только в усадьбе, но и почти на всех рассмотренных нами изображениях из Шмуна налобного аспиды нет. Сомнительное исключение составляет камень 150–VIII D (ARH: XXXIV, ср. 127), несомненное — камень PC 27 (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI = SAK II: 83). На втором камне голова Кэе со ступенчатой прической и серьгами была переделана, быть может, из сравнительно раннего — ввиду отвислого подбородка — изображения Нефр-эт с налобной змеей. Прделано это было настолько небрежно, что новый налобный аспид врезался в кисть солнечной руки. Одновременно нарастили руку Кэе и вложили [64] в нее гремушку (сistr), которой царица и царицы, да и сама Кэе (в частности, на усадебных изображениях CA I: XXXIV 1 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129), бряцали солнцу. Длинная лента, которую особа держала до того в руке, оказалась теперь уже не в ней. Что служила тут солнцу вместе с фараоном особа женского пола, а не какой-нибудь мужчина-соправитель, доказывает гремушка, которую «умиротворяли» солнце одни только женские представители царствующего дома.¹⁸ О том же свидетельствуют серьги, потому что ни на одном солнцопоклонническом изображении никто из мужских носителей налобного аспиды, ни Амен-хотп IV, ни Семнех-ке-рэ, ни Тут-анх-йот, никогда не появляется с серьгами. Камень PC 27 важен для нас в двух отношениях. Во-первых, он доказывает, что, оставаясь побочной женой фараона, продолжая изображаться по-прежнему — со ступенчатыми накладными волосами, серьгами и гремушкой (все это было воспроизведено при переделке изображения!), — Кэе получила наконец право на царскую налобную змею. Во-вторых, поскольку из всех памятников в усадьбе и в Шмуне камень PC 27 единственный или почти единственный свидетель ношения Кэе на положении побочной жены Амен-хотпа IV царского аспиды, такое состояние дел при дворе должно было быть весьма кратковременным.

¹⁷ J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis. P. 12.

¹⁸ Ibid. P. 27.

В заключение скажем еще о местонахождении божницы Кэйе, откуда происходят те камни из Шмуна, на которых она была изображена и поименована. По надписям, сопровождавшим на них изображения царского лучистого солнца, оно почиталось как будто бы в двух сооружениях имени Кэйе, из которых одно было передано потом царевне Ми-йот, а другое — царевне Анхес-эм-п-йот.

Вот титуловые прозвания солнца из божницы, присвоенной царевне Ми-йот:

«[Йот ж]ивой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого [всего солнцем], [владыка неба], владыка земли в доме дочери царевой Ми-йот в доме [ликования] Йот[а] в Ах-йот» (ARH: LIV 480–VII A).

«[Йот жив]ой (?) [великий, вл]адыка (?) празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солн[цем, владыка неба, владыка земли в д]оме дочери царевой Ми-йот [в доме ликования] Йот[а] в Ах-йот» (ARH: CXCVIII PC 179).

К сожалению, то, что стояло в пробеле между словами «в доме» и «Йот[а]», ни в том, ни в другом случае не сохранилось, но легко восстанавливается по третьему титулу:

«[Йот жи]вой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего [солнцем, владыка неба, владыка земли в доме дочери царевой, от утробы его], возлюбленной [65] его, [Ми]-йот [в] доме ликования [Йота в Ах-]йо[т]» (ARH: CXCVII PC 180).

Что в последнем титуле конец надо восстановить предложенным здесь образом, а не как «[Йота в доме Йота в Ах-]ой[т]», видно по положению солнечного луча-руки, который явно опускался косо на такое расстояние, что для слов «в доме Йота» не оставалось места. Что этих слов не было и в двух других титулах, доказывает величина пробела: для слов «в доме Йота» без предшествующего «в доме ликования Йота» пробел слишком велик, а для словосочетания «в доме ликования Йота в доме Йота» слишком мал. Конечно, концовка «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» более обычна, чем сокращенная, без слов «в доме Йота», но и более краткая встречается на камнях из Шмуна помимо тех трех, о которых у нас сейчас идет речь. Подобная концовка читается полностью на камне PC 182 (ARH: CXCVII): «в доме ликования Йота в Ах-йот» — и с пропавшими первыми, словами на камне 204–III (ARH: CLXIX): «[в доме ликования] Йота в Ах-йот». Что в последнем случае спереди пропало не «в доме», а в «доме ликования», следует из того, что перед словом «Йот» стоят прилагательное принадлежности и определенный член мужского рода, которых в словосочетании «дом Йота» не бывает: «в доме Йота» было бы *м пр йтн*, «в доме ликования Йота» будет *м пр хъ^сй н п' йтн*.

Теперь о божнице, доставшейся царевне Анхес-эм-п-йот. Вот титуловые прозвания солнца оттуда:

«Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солнцем, владыка неба, владыка земли в сени Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» (MDAIK XIV: X 1 = ARH: LV 450–VII A).

«[Йот живой великий], владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солнцем, владыка [неба, владыка земли в] сени Рэ [дочери] царевой [от утробы его, возлюблен ной его], Анхес-эм-п-йот [в доме ликования] Йот[а в] - - - Й[от]» (ARH: XIX 207–VIII A + 234–VIII A).

«[Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка] окружаемого всего солнцем, [владыка неба, владыка земли в] сени [Рэ] дочери [царевой] от утробы [его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот [в доме ликования] Йота в - - -]» (ZaeSA LXXIV: 106 = ARH: CXLVIII 338–VI A).

«[Йот живой великий, владыка празднест]в [тридцатилетия], владыка окружаемого всего [солнцем владыка неба, владыка земли в сени Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его], Анхес-эм-п-[йот] в доме ликования [Йот]а - - -» (ARH: XLVII 443–VIII A).

Ср. странную ссылку на место почитания на камне PC 182: «Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка [66] окружаемого всего солнцем, владыка неба, владыка земли - - - (?) Анх[ес]-эм-п-йот (?) в доме ликования Йота в Ах-йот» (ARH: CXCVII + 144 + 153).

Поскольку на множестве камней из Шмуна титулами царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот заменено было титуло Кэ́йе, можно заранее подозревать подобную же замену и в названиях мест почитания солнца. Такое подозрение тем более оправданно, что эти названия значились в титулах солнца, начертанных подле его многорукого лучистого круга, а он входил в состав как раз таких изображений, на которых Кэ́йе переименовывали в Ми-йот или Анхес-эм-п-йот. И состояние надписей подтверждает наши подозрения.

О названии божницы, присвоенной Ми-йот, сами издатели сообщают, что титуло царевны стоит в двух, а вероятно, и во всех трех случаях на месте чего-то изглаженного (ARH: 150, 176, 288), Снимки полностью подтверждают это заключение. Позднейшими вставками в название другой божницы выглядят и титула Анхес-эм-п-йот. На камне MDAIAK XIV: X 1 = ARH: LV 450–VII A бросаются в глаза странное начертание звания «дочь царева» и бессмысленная буква *m* перед именем царевны. На камне ARH: XIX 207–VIII A + 234–VIII A отвесная черта перед именем Анхес-эм-п-йот, отделявшая его от предыдущей отвесной же строки, была, видимо, заодно с прежним именем в значительной мере стерта и потом не восстановлена. На камне ARH: CXLVIII 338–VI A сквозь слово «йот», заключительную часть имени царевны, проступает плохо стертый округлый знак прежней надписи. На камне ARH: XLVII 443–VIII A перед именем царевны стоит ненужная черточка и первый знак его — знак жизни *ḥ* — странно заострен наверху, вероятно, вследствие использования остатка прежнего начертания.

У царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот оказалось у каждой по божнице, доставшейся им от Кэ́йе. Однако из этого не следует, что их было две и у самой Кэ́йе, в одном и том же «доме ликования Йота». На камне PC 179 (ARH: CXCVII) в названии божницы «дом дочери царевой Ми-йот» первое слово — «дом» — представляет такую же позднейшую вставку, как и звание и имя царевны (ср. ARH: 150, 176). Ничто не мешает считать слово «дом» вставленным позднее и на камне 480–VII A (ARH: LIV). Таким образом, божница и на этих двух камнях могла первоначально называться не «домом», а «сенью Рэ», как она называется на камнях из божницы Анхес-эм-п-йот и как вообще прозывались подобные сооружения имени женских представительниц царского дома (Нефр-эт — EA V: XXX, строка 15 = XXXVIII = TTA: 113-114, EA V: XXXII, строка 17; Ми-йот — TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV; Тэ́йе — EA III: VIII = IX + XI). Да и правдоподобно ли, чтоб у Кэ́йе были две божницы ее имени в одном и том же «доме ликования Йота»? Не вероятнее ли, [67] что у нее была там одна божница и та впоследствии была поделена между двумя сестрами — Ми-йот и Анхес-эм-п-йот? Согласно восстановлению, произведенным издателями свода камней из Шмуна, эти последние происходили не из одного, а из нескольких помещений солнцепоклоннического назначения.¹⁹ Если же божница была из нескольких помещений, то она могла быть поделена между царевнами.

Но тогда как объяснить наименование божницы у Ми-йот «домом», а у Анхес-эм-п-йот «сенью Рэ»? Почему божница Ми-йот не названа, по общепринятому обыкновению, «сенью Рэ», как смежная божница сестры, а странным образом обозначена как «дом» царевны? Это тем более странно, что в южной усадьбе божница Кэ́йе, перейдя к Ми-йот, осталась «сенью Рэ» (CA I: XXXIV 1; = LVI 273 *obv.* = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129, CA I: XXXIV 2 = LVI 273 *rev.*, ср. LVI 271 *B*). Ответить на это можно, к сожалению, лишь сугубо предположительно. У царевны Ми-йот еще при ранних солнечных кольцах в дни VI солнечного титула (см. § 39) была своя божница в том же самом «доме ликования Йота», где впоследствии при поздних солнечных кольцах появилась божница Кэ́йе. Эта ранняя божница Ми-йот упомянута в конце титуловых прозваний солнца на подножии изваяния, должно быть, царевны и из данной божницы: «сень Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот, рожденной женою царевой великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она, здорова она вечно вековечно! — в доме ликования Йота в доме йота в Ах-йот» (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV). Так не из-за того ли, что у Ми-йот уже

¹⁹ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke, *passim*.

была «сень Рэ» в «доме ликования Йота», доставшуюся царевне часть божницы Кэйе и назвали «домом», а не «сенью Рэ»? Правда, на это можно возразить: зачем было Ми-йот отбирать еще часть божницы Кэйе у своей младшей сестры, у которой своей «сени Рэ» до того как будто бы не было, если у Ми-йот в этом месте издавна была своя божница? Однако, кроме подножия изваяния, никаких памятников из «сени Рэ» Ми-йот в «доме ликования» неизвестно. Надпись на подножии относится к последним годам ранних солнечных колец, ко времени VI солнечного титула, так что сама божница могла быть даже несколько древнее. Но и ко времени переделки солнечных колец из ранних в поздние старшей дочери фараона вряд ли было больше семи лет, и не приходилось бы удивляться, если б божница ребенка была много беднее божницы царской возлюбленной, можно сказать, второй царицы. Божница Кэйе состояла из ряда помещений, и до нас дошли оттуда, в отличие от «сени Рэ» Ми-йот в том же месте, едва ли не сотни камней [68] из числа тех, из которых были сложены стены, с остатками резных изображений и надписей. Ну, а в таком случае почему бы было Ми-йот не получить хотя бы часть роскошной божницы?

Определить точно, в каком месте солнцепоклоннической столицы находилась божница Кэйе в «доме ликования Йота», пока что невозможно, так как не определено само местоположение этого «дома ликования». Бесспорно только, что он был расположен в срединной части города, там, где находились большой храм солнца и большой дворец. «Дом ликования Йота» особенно часто упоминается надписями, найденными во дворце, но встречаются упоминания «дома ликования Йота» и в надписях из храма. Поэтому Х. В. Фэрмэн склонен допустить, что было два таких одноименных здания: одно — тождественное с дворцом, другое — часть храма²⁰. Х. В. Фэрмэн готов даже предположить, что эти два здания имел в виду Амен-хотп IV, когда клялся создать в новой столице два одноименных сооружения такого рода²¹: «Сотворю я дом ликования Йоту, моему отцу, на острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-йот, в этом месте. Сотворю (разночтение (!): сотворил) я дом ликования [Йота] Йоту, моему отцу, на острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-йот, в этом месте» (пограничные плиты Ах-йот К, строки 15-16: EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 114 и X, строка 18: EA V: XXXII, JEA XXI: 136 = CA III: 190; отрывок восстановлен по обеим плитам). Однако подтвердить тождество «домов ликования», известных из храмовых и дворцовых надписей, с обещанными в пограничных надписях не так-то просто. Во-первых, дворцовое и храмовое сооружения назывались одинаково «дом ликования Йота», тогда как из обещанных построек только вторая, да и то предположительно, прозывалась бы таким образом. Догадка же, что под «островом Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия», следует разумеать срединную часть Ах-йот, где были расположены главный храм и большой дворец, пока что не слишком убедительна, и не только потому, что подобное употребление слова «остров» кажется несколько неожиданным. В царской клятве перечислен ряд зданий, которые должны были быть воздвигнуты и действительно были воздвигнуты в срединной части новой столицы. но ни об одном из них фараон не сообщает, что оно будет создано на «острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия», не сказано этого ни о главном храме, «доме Йота» (плита К, строка 14; плита Х, строка 17), ни о [69] дворцовом храме, «дворе Йота» (плита К, строка 15, плита Х, строка 17), ни о «домах» (*prîm*) фараона и царицы (плита К, строки 16-17, плита Х, строка 19). Все эти сооружения должны были быть построены просто-напросто «в Ах-йот, в этом месте». Только в случае обоих «домов ликования» царь не поленился дважды добавить длинную ссылку на «остров». И если один из «домов ликования Йота» действительно находился в главном храме, то почему он как часть его не назван вслед за ним и почему он один из всех подразделений храма удостоился упоминания? В отношении «дома ликования Йота» слишком многое неясно, чтобы по нему можно было уточнить местонахождение божницы Кэйе. И все-таки благодаря указанию, что

²⁰ H. W. Fairman. Topographical notes on the central city, Tell El-Amarnah // JEA. Vol. 21, 1935. P. 137, 138; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 195-197.

²¹ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P 3. Vol. 1. Text. P. 196.

эта божница помещалась «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот», мы можем с уверенностью утверждать, что Кэйе получила божницу в самом средоточии храмовой и государственной жизни столицы, где были главный храм солнца и царский дворец, или, выражаясь на солнцепоклоннический лад, был расположен «дом Йота», включавший в себя не только главный храм, но и значительную часть дворцовых сооружений.²²

У божницы Кэйе в «доме ликования Йота» есть нечто общее в смысле отделки с другою божницею ее имени — ее «сенью Рэ» в южной усадьбе. Дело, конечно, не в изображениях царского служения солнцу, которые были неизбежны и на том и на другом сооружении в силу самого их назначения. Как было уже сказано во второй главе, стены усадебного сооружения были украшены в изобилии изображениями из жизни природы. Немало остатков подобных изображений сохранилось и на камнях из Шмуна (например, ARH: XCIX, CI-CV, CLXXV, CLXXVII), и трудно допустить, чтобы все такие камни были обязательно из иных солнцепоклоннических построек, нежели божница Кэйе. На двух камнях из Шмуна, 477–VII = 113–VIII A (ARH: LIX) и PC 31 (ARHAC: 87 = ARH: CLXXV), мы видим даже особу, возможно Кэйе, — всего вероятней на втором камне, — затягивающую птичью ловушку то среди цветов, то посреди болотных зарослей. Заметим, что стенопись с изображением густых зарослей и множества птиц имела и в северном дворце (JEA XIII: LIV), а в тамошнем зверинце на кормушках были изображены сами животные (JEA X: XXX). [70]

²² См. упомянутые в примеч. 20 две работы Х. В. Фэрмэна на указанных страницах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЬИМ БЫЛ ЗОЛОТОЙ ГРОБ ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ГРОБНИЦЫ ТЭЙЕ?

В 1907 г. в небольшом тайнике в ущелье царских гробниц в Нэ в окружении предметов, предназначавшихся первоначально для погребений двух или более членов царского дома, был найден загадочный гроб с не менее загадочными остатками трупа. Хотя надписи на гробе и на заупокойных кирпичах называли лишь титул Амен-хотпа IV, лежавший в гробу костяк был сочтен за останки царицы Тэйе,¹ чья надгробная сень и различные вещи были действительно найдены в тайнике. Мысль об обретении праха Тэйе пришлось скоро оставить, так как мертвец оказался не женщиной, а молодым мужчиной.² Г. Масперо готов был отождествить его с зятем и первым преемником Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ,³ но, в согласии с надписями на гробе, умерший был большинством ученых признан за самого Амен-хотпа IV. Припомнили даже, что при вскрытии гроба на трупе видели золотые ленты с обозначениями, свойственными этому царю.⁴ Правда, врачебное исследование установило, что неизвестный, оказывавшийся Эх-не-йотом, умер в возрасте 25–26 лет или самое большее на несколько лет позже.⁵ Иными словами, царствовавший не менее 16 с лишним лет Амен-хотп IV должен был стать преобразователем еще в мальчишеском возрасте. В оправдание подобного допущения были приведены примеры из всеобщей истории.⁶

В 1916 г. Ж. Даресси изложил печатно⁷ сделанное им любопытное наблюдение, что в ряде мест надписи на гробе подверглись [71] изменениям. Листовое золото, на котором помещались письма, было местами вырезано, а взамен изъятого наклеено новое, однако обычно более тонкое со знаками, выполненными менее тщательно; там, где знаки были вырезаны в самом дереве, они были удалены, впадины заполнены известью и в ней вырезаны новые письма. В одном случае по недосмотру был сохранен первоначальный знак женщины для местоимения 1-го лица единственного числа, тогда как в остальных случаях там, где это местоимение уцелело, стоял на позднее наклеенных листочках знак мужского египетского божества с длинными волосами и загнутой бородой. Ж. Даресси совершенно основательно заключил отсюда, что гроб первоначально предназначался для женщины и лишь впоследствии был переделан в мужской. Во всех надписях на гробе самые значительные изменения были произведены до и после первого кольца царя и сопутствовавших обозначений. Предположив, что гроб первоначально предназначался для Тэйе, Ж. Даресси восстанавливал перед нетронутыми, кольцом и наименованиями фараона обозначение царицы-матери, а позади них — ее имя (царица-мать такого-то царя такая-то). Когда же гроб был переделан для Амен-хотпа IV, начальные обозначения царицы-матери должны были уступить место обозначениям фараона, а стоявшее в конце имя Тэйе — второму кольцу или иному какому обозначению ее сына. Одновременно Ж. Даресси дал простое объяснение золотым лентам, виденным на трупе при вскрытии гроба: надписи на листовом золоте, отклеившись от внутренней поверхности гроба, оказались лежащими на погребенном в нем трупе.⁸ Наблюдения Ж. Даресси не были оценены по достоинству, и гроб из ущелья царских гробниц продолжал слыхать исконным гробом Амен-хотпа IV.

¹ Th. M. Davis. The finding of the tomb of queen Tîyi // Th. M. Davis a. o. The tomb of queen Tîyi. L., 1910. P. 3.

² G. E. Smith. A note on the estimate of the age attained by the person whose skeleton was found in the tomb // Ibid. P. XXIII-XXIV.

³ G. Maspero. Causeries d'Égypte. P., [1907]. P. 349. Мнение Г. Масперо напомнил мне М. М. Потапов.

⁴ A. E. P. Weigall. The life and times of Akhnaton pharaoh of Egypt. 2 impression. Edinburgh-London, 1911. P. 261-262; A. E. P. Weigall. The mummy of Akhenaton // JEA. Vol. 8, 1922. P. 196-197.

⁵ G. E. Smith. The royal mummies. Le Caire, 1912. P. 51-56.

⁶ G. Möller. Echnaton // ZAeSA. Bd 56, 1920. S. 100-101.

⁷ G. Daressy. Le cercueil de Khu-n-Aten // BIFAO. T. 12, 1916. P. 145-159.

⁸ Ibid. P. 149.

В 1921 г. К. Зэте издал статью, опровергавшую тождество найденного в тайнике мертвеца с Амен-хотпом IV.⁹ Доводы К. Зэте допускали возражение, тем не менее они вызвали пересмотр врачебного заключения о возрасте умершего. В 1924 г. Дж. Э. Смит и В. Р. Доусон, пусть с колебаниями, но высказали предположение, что загадочные останки могли принадлежать мужчине значительно более старшему, чем думали первоначально. Странное телосложение Амен-хотпа IV, засвидетельствованное памятниками, могло быть вызвано редким недугом; другим последствием болезни могла быть задержка в сращении костей, так что состояние костяка, наблюдающееся обычно в 25-летнем возрасте, могло удержаться у царя даже лет на десять дольше.¹⁰ Однако в дальнейшем находка некоторых [72] недостававших лицевых костей и повторный пересмотр вопроса как будто окончательно устранили мысль о поражении черепа водянкой и возможном влиянии ее на сращение костей. Изучение останков привело Д. Э. Дэрри в 1931 г. к выводу, что костяк принадлежал молодому человеку, скончавшемуся, по всей вероятности, в возрасте не старше 24 или даже 23 лет. Еще раньше сличение черепа мертвеца с черепом Тут-анх-амуна обнаружило большое сходство в размерах, и это тем примечательнее, что предполагаемый череп Амен-хотпа IV отличается необычайным строением и шириной.¹¹ Тождество 24-летнего юноши с Амен-хотпом IV, приступившим к нововведениям уже в начале своего более чем 16-летнего царствования, исключалось, зато принадлежность останков члену царского дома представлялась несомненной. Сходство с Тут-анх-амуном и погребение в ущелье царских гробниц в царском гробу делали весьма правдоподобным мнение Р. Энгельбаха, что загадочный мертвец не кто иной, как преемник Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ. Однако отсюда еще не следовало, что гроб был переделан в фараоновский для Семнех-ке-рэ.

В 1931 г. Р. Энгельбах издал исследование,¹² подтверждавшее наблюдение Ж. Даресси о переделке надписей на гробе, но толкование, данное Р. Энгельбахом этим изменениям, отличалось от предложенного предшественником. Предположение Ж. Даресси о первоначальной принадлежности гроба царице Тэе Р. Энгельбах отклонил, в частности потому, что кольцо царицы, будь, ею Тэе или Нефр-эт, пришлось бы на крышке гроба на резкий перегиб ее поверхности и оказалось бы переломленным пополам. Предложенное Р. Энгельбахом восстановление первоначального состава надписей исходило из допущения, что гроб изготовили для Семнех-ке-рэ, когда тот был еще частным лицом, но впоследствии переделали в фараоновский в связи с переменою в положении владельца. По Р. Энгельбаху, выражения с измененными началом и концом и с кольцом, и другими обозначениями царя посередине были сперва составлены по образцу «любимец такого-то царя такой-то», а затем из обозначения вельможи переделаны в обозначение фараона; «любимец» заменено царскими обозначениями, первое кольцо Амен-хотпа IV — соответствующим кольцом его преемника, а прежнее имя последнего — его же именем в царском кольце (такой-то и такой-то царь Семнех-ке-рэ). Исключение составляла бы одна надпись, где имя вельможи было бы заменено [73] хвалебным царским обозначением. По мнению Р. Энгельбаха, первоначально местоимение 1-го лица единственного числа было передано на гробе обыкновенным знаком сидящего мужчины, который затем для царя Семнех-ке-рэ был заменен знаком человекообразного египетского бога. Такому толкованию противоречит, однако, то обстоятельство, что в единственном месте, где местоимение 1-го лица не было удалено и сохранился первоначальный знак, — это знак не мужчины, а женщины. Р. Энгельбах объяснил подобное несовпадение ошибкою первоначального писца или резчика, поставившего по недосмотру женский знак вместо мужского, но такое объяснение не всех удовлетворило.

⁹ K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV. II. Das Lebensalter des Königs // Nachrichten von der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Kl., Jg. 1921. B., 1921. S. 122-130.

¹⁰ G. E. Smith, W. R. Dawson. Egyptian mummies. L., 1924. P. 96.

¹¹ D. E. Derry. Note on the skeleton hitherto believed to be that of king Akhenaten // ASAE. T. 31, 1931. P. 115-119; касательно водянки и сходства с Тут-анх-амуном см. также: D. E. Derry. Report upon the examination of Tut-anekh-amen's mummy // H. Carter. The tomb of Tut-anekh-amen. Vol. 2. L., 1927, Appendix I. P. 153-154.

¹² R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten // ASAE. T. 31, 1931. P. 98-114, pl. 1-3.

Еще в 1933 г. Х. Картер глухо ссылался на мнение Э. Х. Гардинера, что надписи на гробе «относятся к женщине, а не к мужчине».¹³ В 1940 г. сам Р. Энгельбах признал, что гроб первоначально предназначался для женщины, не бывшей царицей.¹⁴ В 1955 г. за принадлежность гроба первоначально женщине высказалась К. Сил, полагая, что ею могла быть вторая дочь Амен-хотпа IV — Мек-йот.¹⁵ Переделанным для Семнех-ке-рэ из женского считал гроб в 1957 г. и С. Олдред, хотя склонен был приписать его старшей царевне — Ми-йот.¹⁶ В том же, 1957 г. загадочному гробу посвятил особую статью с весьма ценным переводом наиболее значительной на нем надписи (надписи F) Э. Х. Гардинер.¹⁷ Он указал, что при XVIII царском доме был обычай начертывать на подошвах человекообразных царских гробов речь Эсе к покойному как ее «брату», т. е. супругу, тождественному с Усире. При Амен-хотпе IV, по мнению Э. Х. Гардинера, заступить здесь отверженную Эсе могла с успехом царица, как и Эсе, «сестра», т. е. супруга, умершего. И это представлялось тем более правдоподобным, что по углам каменных царских гробов в Ах-йот вместо прежних богинь-хранительниц бывала изображена царица. Истребление впоследствии в речи на подошвах гроба имени говорившей и женских местоимений служило Э. Х. Гардинеру подтверждением принадлежности этой речи царице Нефр-эт, так как ему неизвестно было никакой другой женщины из царской семьи, чье имя подвергалось бы такому преследованию. При этом он ссылался на переделки в надписях усадьбы солнца на [74] юге Ах-йот, где имя Ми-йот, по общепринятому мнению, заменило имя матери. Но если первоначально к умершему как к своему супругу обращалась на правах заместительницы Эсе царица, оставалось только заключить, что гроб искони принадлежал Амен-хотпу IV. На этом основании Э. Х. Гардинер отказывался допустить мысль, что в прочих переделанных надписях на гробе мог быть когда-либо назван иной его владелец, чем Амен-хотп IV, хотя чистосердечно признавался, что не может объяснить переделки в этих надписях. Очень существенным было указание на то, что люди, ответственные за таинственное погребение, были уверены, что погребают Амен-хотпа IV: по погребальному помещению были расставлены, как полагалось, охранные волшебные «кирпичи» на имя этого фараона.¹⁸ Выводы А. Х. Гардинера набрасывали тень сомнения на точность врачебного заключения 1931 г. о возрасте погребенного.

В 1958 г. о загадочном гробе высказывался Г. Редер. По его мнению, гроб с самого начала предназначался для царя Семнех-ке-рэ, переделки же сводятся к исправлению погрешности мастера, начертавшего повсюду ошибочно знак женщины для местоимения 1-го лица единственного числа, да ко включению солнца в молитву на подошвах гроба, обращенную первоначально к одному Амен-хотпу IV.¹⁹

Под влиянием доводов С. Олдреда Э. Х. Гардинер к 1959 г.²⁰ изменил свое мнение и полагал уже, что гроб первоначально предназначался для царевны и только затем был переделан для Амен-хотпа IV, а надпись да подошвах гроба лишь косвенно отразила обращение к покойному от имени Эсе, принятое на многобожеских гробах. Однако свое убеждение в том, что совершавшие погребение считали покойника Амен-хотпом IV, Э. Х. Гардинер подтвердил с новою силою. Сам С. Олдред напечатал в 1961 г. статью,²¹ где, перебрав ряд возможных обладательниц из числа членов царского дома, остановился опять-

¹³ H. Carter. The tomb of Tut-ankh-amen discovered by the late earl of Carnarvon and Howard Carter. Vol. 3. London-Toronto-Melbourne-Sydney, 1933. P. 10.

¹⁴ R. Engelbach. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. T. 40, 1940. P. 151-152.

¹⁵ K. Seele. King Ay and the close of the Amarna Age // JNES. Vol. 14, 1955. P. 173, n. 40.

¹⁶ C. Aldred. Hair styles and history // MMAB. Vol. 15, 1957. P. 141-147.

¹⁷ A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye // JEA. Vol. 43, 1957. P. 10-25, pl. 3.

¹⁸ Ibid. P. 23.

¹⁹ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 67.

²⁰ A. Gardiner. [Рец. на:] Tombs, temples and ancient art. By Joseph Lindon Smith. Edited by Corinna Lindon Smith. University of Oklahoma press: Norman, 1958 // JEA. Vol. 45, 1959. P. 107-108.

²¹ C. Aldred. The tomb of Akhenaten at Thebes // JEA. Vol. 47, 1961. P. 41-65. Впоследствии С. Олдред и А. Т. Сэндисон приняли выводы Р. Дж. Харрисона (о них см. ниже) — C. Aldred. Akhenaten, pharaoh of Egypt — a new study. L., 1972. P. 113.

таки на царевне Ми-йот как первоначальной хозяйке гроба. Вместе с тем С. Олдред отстаивал мнение, что труп, лежавший в гробе, переделанном для Амен-хотпа IV, мог быть действительно его. В подтверждение прилагалось врачебное заключение А. Т. Сэндисона, допускавшего, что в случае поражения [75] определенными болезнями покойник мог быть человеком средних лет.

В том же, 1961 г. появилась статья Х. В. Фэрмэна,²² в которой были впервые изданы надписи с двух сосудов, принадлежавших некой неизвестной жене Амен-хотпа IV — Кэе; в переводе одна из этих надписей была сообщена еще в 1959 г. В. С. Хэйсом.²³ Средние части титула этой особы совпадали со средними — непеределанными — частями титула на гробе, и Х. В. Фэрмэн полагал, что Кэе должна быть включена в список «кандидатов» в первоначальные обладатели загадочного гроба. В ходе последующих рассуждений этот список свелся у Х. В. Фэрмэна к Кэе и Ми-йот как «двум наиболее вероятным кандидатам». Однако, «хотя Киа, очевидно, имеет очень прочные права на предпочтение, поскольку она — единственная пока особа, которая связана с точно такими текстами, как находящиеся на гробе», Х. В. Фэрмэн объявил себя «сомневающимся и скептическим относительно ее прав». Поводом к тому служит усматриваемая им несоразмерность переделанных начала и конца титула на гробе и начала и конца титула Кэе, из которых последние предположительно должны были бы точно прийтись на первые. Поэтому, заключал Х. В. Фэрмэн, «серьезное внимание должно быть уделено правам» Ми-йот. Она — «единственная амарнская принцесса, от которой дошли надписи, без каких-либо больших трудностей укладываемые» в титул, стоявшее на гробе. При раскопках южной усадьбы в Ах-йот был обнаружен ряд камней, на которых, по общепризнанному мнению, имя и звание Ми-йот были вписаны поверх изглаженных имени и званий царицы Нефр-эт. Средние части переделанного титула в надписях усадьбы и на гробе на треть или даже наполовину совпадают, однако продолжения средних частей представлялись Х. В. Фэрмэну тут и там неодинаковой длины, если — оговаривал он — точно показаны размеры пробелов Б. Ганном в его восстановлениях усадебных надписей. Х. В. Фэрмэн находил очевидным, что слова «дочь царева, возлюбленная», которые бывают вставлены в начале титула в усадьбе, точно укладываются повсеместно в начальные части титула на гробе, тогда как в конечные части могут вписаться звание и имя «дочь царева Ми-йот», встречающиеся во вставках в конце титула в усадьбе. Заключение Э. Х. Гардинера, что расстановкою в тайнике волшебных кирпичей на имя Амен-хотпа IV совершавшие погребение выказали уверенность в тождестве погребяемого с царем-солнцеклонником, Х. В. Фэрмэн пытался ослабить. Он сомневался в употребительности [76] волшебных кирпичей в конце царствования Амен-хотпа IV и особенно в возможности назвать тогда на них покойного царя «Усире», а также ссылаясь на нечеткость царского имени на одном из двух кирпичей, его сохранивших. Х. В. Фэрмэну представлялось, что покойник не может быть никем иным, как Семнех-ке-рэ. Подтверждение своему мнению, что гроб был переделан для этого фараона, Х. В. Фэрмэн усматривал в выражении «Будешь ты, как Рэ», общем одному из переделанных мест на гробе и одной из надписей внутри гробовидного ковчежца для внутренностей Семнех-ке-рэ.

В 1966 г. были обнародованы итоги долгожданного всестороннего врачебного обследования останков из золотого гроба. Обследование осуществил на уровне современных возможностей и знаний профессор анатомии Ливерпульского университета Р. Дж. Харрисон.²⁴ Он не только подтвердил заключение Д. Э. Дэрри, но пошел еще дальше в смысле снижения возраста мертвеца. По Р. Дж. Харрисону, он был несомненно моложе 25 лет и даже имеются все основания полагать, что он умер на 20-м году жизни. Признаков болезни, которая задержала бы возмужание, на костях не оказалось. Вопреки прежним утверждениям,

²² H. W. Fairman. Once again the so-called coffin of Akhenaten // JEA. Vol. 47, 1961. P. 25-40, pl. 6.

²³ W. S. Hayes. The scepter of Egypt. A background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. P. 2. Cambridge, Mass, 1959. P. 294.

²⁴ R. G. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains purported to be Akhenaten // JEA. Vol. 52, 1966. P. 95-119, pl. 20-30.

покойный юноша ни лицом, ни телосложением не походил на Амен-хотпа IV, каким его изображают памятники, хотя сильно напоминал Тут-анх-амуна. По способу исключения Р. Дж. Харрисон естественно пришел к выводу, что останки принадлежат Семнех-ке-рэ.

Надписи на гробе были впервые изданы Ж. Даресси в 1910 г.²⁵ и затем переизданы им же в более полном виде в 1916 г.²⁶ К сожалению, оба издания ограничивались воспроизведением надписей печатными знаками. Снимок гроба, приложенный к первому изданию, не может идти в счет, так как столбец иероглифов на гробовой крышке, единственно видный на снимке, вышел более чем неразборчиво; несколько лучше видна надпись на снимке налобной змеи, но и здесь более или менее четко вышло только второе солнечное кольцо. В издании 1916 г. места, опознанные издателем как позднейшие вставки, были подчеркнуты, но суждение о переделках было в высокой степени затруднено отсутствием более точного воспроизведения надписей. Его отсутствие было тем ощутимее, что второе издание содержало отклонения от первого, не оговоренные издателем. В третий раз надписи были изданы в 1931 г. Р. Энгельбахом.²⁷ Новое издание включало в себя подробное воспроизведение [77] от руки молитвы на подошвах гроба, выполненное по снимку Ахмадом Йусифом, и сравнительно четкий снимок крышки гроба с надписью на ней, воспроизведенной также печатными знаками. Только печатными знаками были изданы остальные четыре надписи; солнечные кольца на налобной змее не были включены в издание. Снимок крышки гроба сбоку имеется НР: 62, цветной снимок части ее — АРнЕ: XIV.

По обыкновению того времени гробу придано обличье спеленатого трупа. Надписи на гробе расположены так: стоячая строка А — снаружи посередине крышки от живота до подошв, лежащая строка В — снаружи по левому краю ящика, лежащая строка С — снаружи по правому краю ящика, стоячая строка D — внутри посередине крышки, стоячая строка Е — внутри посередине дна ящика, 12-строчная надпись F — снаружи на подошвах, стоячая строка G — на груди налобной змеи.

Знаки в надписях А, С, F, G смотрят вправо, в надписях В, D, Е — влево. Знаки А, В и С с многоцветными вставками, на полосе листового золота. Знаки D и Е вырезаны в дереве и затем выдавлены на положенном поверху золотом листе путем нажима на него. Надпись F прочерчена острием на листовом золоте. Солнечные кольца G помещаются на медной змее и позолочены.

Золотые листочки кое-где отклеились и отвалились, так что местоположение некоторых обрывков в строках не вполне бесспорно. Однако перепутаны могли быть лишь обрывки из D и Е, одинаково расположенных, направленных и исполненных;²⁸ для остальных надписей подобная путаница совершенно исключена.

Надписи А, В, С, D, Е даны ниже, в основном по изданию Р. Энгельбаха, с учетом изданий Ж. Даресси. В случае А помимо воспроизведений печатными знаками мог быть использован снимок Р. Энгельбаха. Надпись F дана по воспроизведению ее от руки по снимку Ахмадом Йусифом. Переделанные места отмечены двойной чертой, проведенной в стоячих строках сбоку, в лежащих строках — снизу. Где двойная черта заменена единичной, имеется расхождение издателей в определении исконности данного места; единичная черта снабжена буквою Д (Даресси) или Э (Энгельбах) в зависимости от того, кто из двух ученых считал спорное место переделанным. Надпись G на налобной змее приведена отчасти по печатному воспроизведению, отчасти по снимку.

Сличение разночтений показывает, что большинство вставок отсутствует в издании 1910 г., тогда как в издании 1916 г. все вставки уже имеются. Следовательно, большинство золотых [78] листочков, наклеенных при переделке надписей, отклеилось и отвалилось и

²⁵ G. Daressy. Catalogue of the objects found in the tomb of queen Tiye // *Th. M. Davis a. o. The tomb of queen Tiye*. P. 18-19, pl. 2, 30.

²⁶ G. Daressy. Le cercueil de Khu-n-Aten. P. 148-155.

²⁷ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 100-101, 104, pl. 1-2.

²⁸ Ср. мнение Р. Энгельбаха о возможной принадлежности конца надписи D надписи E (R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 101).

было водворено на свои теперешние места в промежуток времени между первым обследованием гроба вскоре после его открытия в 1907 г. и вторым изданием Ж. Даресси в 1916 г. Это лишний раз подтверждает позднейшее происхождение наклеек, но одновременно заставляет пожалеть, что издатели не обосновали в своих трудах произведенного или принятого ими размещения отвалившихся частей. Неизвестно также, в какой мере надежно расположены в издании 1910 г. некоторые оказавшиеся измененными отрывки и не было ли кое-что из отвалившегося прикреплено к гробу более или менее наугад по его вскрытию? Об исконных, непривнесенных знаках в конце надписи D, стоящих на теперешнем месте уже в издании 1910 г., Р. Энгельбах высказывает мнение, что в действительности они, возможно, принадлежат надписи E.

ПЕРЕВОД НАДПИСЕЙ

A	B	C	D	E
Властитель добрый, знамение Рэ,	Властитель добрый, - - - - - -	Властитель добрый, воссиявший в белом венце,	Властитель любимая (!) большой,	Властитель добрый, большой, любимец.
царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель, [(такой-то царь)], отрок добрый				
Йота живого, который будет тут жив ^a (D, E) вековечно вечно,				
правый	- - -	сын	владыка	сын
на небе (и)	- - -	Рэ,	неба,	Рэ,
на земле	- - -	живущий	есмы я,	живущий
	- - -	правдою,	жить ^b	правдою,
	- - -	владыка	Д сердце его Э	владыка
	[(такой-то Э	венцов	на месте Э	- - -
	царь)],	Д [(такой-то	своем	- - -
	большой	царь)],		
		большой Э	видишь	- - -
		Д ты		
	по веку	по веку	- - -	- - -
	своему	своему		
			Ва-н-рэ (?) ^b	- - -
				повседневно
				непрестанно

^a D и E вставляют тут *дй* «тут», A, B, C опускают; это слово в подобных выражениях употреблялось с сильно ослабленным значением и потому могло быть без ущерба опущено.

[79]

^b Нет ожидаемого окончания 1-го лица ед. числа *квй*. Надпись явно не в порядке.

^в Последние два знака этой надписи, очевидно, выполнены или сохранились довольно плохо, если Ж. Даресси читал их в 1910 г. иначе, чем в 1916 г. Чтение Р. Энгельбаха, вероятно, передает не столько сами начертания, сколько предполагаемый их смысл, пользуясь знаками более привычными для *мр* и *н* в печати. Чтение «возлюбленный Ва-н-рэ» сомнительно уже потому, что требует перестановки знаков; ссылка на то, как написано наименование царя Семнех-ке-рэ «Ми-ва-н-рэ» («возлюбленный Ва-н-рэ») TEA: XV 95, 96 (ChE XLVIII: 244 F, так же CSBGF: 34 = X 272, CESBM 1: 278 2692, JNES X: против 234 R 19), вряд ли чем помогает, так как *мр* стоит там в начале выражения, где оно действительно читалось, и только знак солнца поставлен впереди *мр* из почтения и соображений чистописания.

TQT: 19	BIFAO	ASAE	TEA: XV
	XII: 149	XXXI: 100	95, 96
p^c	p^c	p^c	p^c
ϵ^c	ϵ^c	ϵ^c	mp
c'	mp	mp	ϵ^c
	n	n	n

F

1. Сказывание слов [(таким-то царем)], правым голосом:
2. Буду обонять^a д ыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
я
3. Буду видеть я [кра]соту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание.
4. Буду слышать [я]^b голос твой сладостный северного ветра.
5. Будет молодеть плоть (моя)^b в жизни от любви твоей.
6. Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, буду жить я.
7. им. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его
8. в устах твоих, (м)ой отец Ра-Хар-Ахт! [(Такой-то царь)], будешь ты, как Рэ,
9. вековечно вечно, живым, как Йот - - -
10. царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель [(такой-то царь)], отрок
11. добрый Йота живого, который будет тут
12. жив вековечно, вечно, сын Рэ [(такой-то царь)], пра[вый] голо[сом].

^a Сперва, по-видимому, глагол «обонять» был написан в неопределенном наклонении с женским окончанием *т*: «Обонять... (и) видеть... — мое желание»? Местоимение 1-го лица было прибавлено впоследствии и потому втиснуто под знак паруса (ср. Ж. Даресси, на с. 152 статьи 1916 г.).

^b «Я» только в TQT, в последующих изданиях отсутствует. [80] Значит ли это, что листик отклеился после открытия гроба и был помещен затем не на свое место или же что он был найден отвалившимся и неправильно наклеен в 1907–1910 гг.?

^b Согласно Р. Энгельбаху, здесь по ошибке было написано «твое», но затем уничтожено, хотя за отсутствием места местоимение 1-го лица уже нельзя было проставить (см. с. 104 статьи Р. Энгельбаха).

G

Поздние солнечные кольца.

Вывод, что надписи на гробе подверглись переделке в древности, был получен путем исследования начертаний знаков и золотого листа, на котором последние исполнены. Но к тому же заключению приводит рассмотрение содержания надписей.

Заключительная часть надписи D, начиная со слов «владыка неба», представляет собою набор слов, лишенный какой-либо внутренней связи,²⁹ однако неясно, что причиной тому: древняя переделка или неудачное размещение отпавших листочков после находки гроба.

Конец надписи A: «правый на небе (и) на земле» — после сложного относительного предложения с пожеланием вечного бытия выглядит довольно беспомощно.³⁰

В большинстве надписей, именно B, C, E, F, первое кольцо царя отделено от второго если и не точным переводом, то все же солнцепоклонническим новоегипетским пересказом старого звания «сын Рэ»,³¹ стоящего тут же перед вторым кольцом, и длиннейшею

²⁹ Ср.: A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye. P. 21.

³⁰ Ср. Ibid.

³¹ Ср.: H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 4. Однако ср. также: F. Behnk. Grammatik der Texte aus El Amarna. P., 1930. S. 13.

новоегипетской же разновидностью заключительного пожелания вечной жизни;³² второе кольцо со званием «сын Рэ» и другими обозначениями — очевидная вставка.

Однако особенно поучительна в этом отношении надпись F, позволяющая уже из нее одной определить до известной степени первоначального владельца гроба. В своем теперешнем виде F звучит сперва как заупокойная молитва фараона к Ра-Хар-Ахту, но затем внезапно превращается в обращение во 2-м лице к самому царю с пожеланиями ему долговечности. Листик с именем «Ра-Хар-Ахт», хотя отсутствует еще в TQT, поставлен в BIFAO, несомненно, на то место, куда его предназначали в древности при переделке: в ASAE ясно видно, как *й* основной надписи продолжено на подклеенном позднее листочке с «Ра-Хар-Ахт». Переход от речи в одном лице к речи в другом не редкость у египтян того времени, и молитвы, обращенные от имени умершего к его божеству во 2-м лице, могли [81] завершаться обращениями в том же лице к самому мертвецу, но в F переход настолько искусственный, что не может быть исконным. Фараон говорит: да сделаешь ты то-то и то-то «мой отец Ра-Хар-Ахт», затем сразу же следует царское кольцо, обращение к царю «ты будешь, как Рэ, вековечно вечно, живя, как солнце» и снова имена и другие обозначения царя. Золотой листик со словами «как Рэ» находится также на том месте, куда его предназначали при переделке гроба: задние концы исконных *в* и *к* продолжены на наклеенном позже листочке. Тем не менее искусственность оборота бросается в глаза.³³

Как сказано, надпись F выглядит до середины 8-й строки как молитва к Ра-Хар-Ахту. Однако, стоит лишь сравнить надпись F с заупокойными надписями гробниц и жилищ в Ах-йот, и станет почти очевидным, что в ней в действительности кроется молитва к фараону: теми же словами и оборотами пользуются подданные-солнцепоклонники, когда говорят фараону или о фараоне.

F, строка 2: «Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих».

Ср. «(Да) обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра» (EA VI: XV, строка 12). О солнце сказано только: «Обонять дыхание сладостное северного ветра, выходящего из неба из руки Йота живого» (ASAE X: 108 = TTA: 177 CCVIII = ASAE XLIII: 16) или: «(Да) даст он дыхание сладостное северного ветра» (EA II: XXXVI; EA IV: XXXIX; PSBA VII: 201-202 = MSECAE I: 8 = TTA: 177 CCIX; ASAE X: 108 = TTA: 178 CCXI; MuE III: 28 = XXIII = KIAe: 88 = TTA: 177 CCVII).

F, строка 3: «Буду видеть я красоту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание».

Ср. «(Да) дашь ты насытиться мне видом твоим (— таково?) желание сердца моего» (EA VI: XV, строка 11), «видеть [е]г[о] постоянно, Ва-н-рэ, мое [жела]ние повседневно» (EA VI: XXI, строка 24), «(Да) дашь ты (солнце) видеть (мне) его в его празднестве тридцатилетия первом (— таково?) мое желание, которое в сердце» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), «видеть тебя постоянно — желание сердца» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI; что «тебя» имеет в виду фараона, — строго говоря, не доказано, но более чем вероятно). Просьбами и пожеланиями видеть солнце и фараона пестрят солнцепоклоннические надписи, но обороты, кончающиеся словами: «мое желание» и т. п., применительно к солнцу не встречаются.

F, строка 4: «Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра». [82]

Ср. «(Да) слышу (я) голос твой сладостный во Дворе солнечного камня, (когда) творишь ты жалуемое (т. е. службу) отца твоего Йота живого» (EA VI: XXV, строки 17-18), «[(Да) слышу] я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему - - -» (EA VI: XV, строка 13), «(Да) слышу я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему Йоту» (EA IV: XXVII), «(Да) дашь ты (солнце) мне, ухо мое слышащим голос его (царя)» (EA VI: XV, строка 6), «- - - слышать [го]лос тв[ой]» (EA V: XV, строка 11). О слушании голоса фараона говорится и вне пожеланий: «Укрепляюсь я, слыша голос твой» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), «Я слушал голос

³² A. Erman. *Neuaegyptische Grammatik*. 2. Aufl. Lpz., 1933, с. 287.

³³ Ср.: A. Gardiner. *The so-called tomb of queen Tiye*, с. 21.

его непрестанно» (ЕА V: II, строка 11, ЕА VI: XXXII), «Голос» солнца ни разу не упоминается в надписях солнцепоклонников.

Е, строки 6-7: «Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, буду жить я им».

Пища, даруемая умершему царем или солнцем, неоднократно упоминается в солнцепоклоннических пожеланиях, хотя о получении ее непосредственно из рук царя, тем более солнца, ничего не говорится.

Е, строки 7-8: «Будешь взывать ты во имя мое, не (надо) будет искать его в устах твоих». Пожелания, чтобы имя умершего называлось и не нуждалось в том, чтобы его искали, не составляют редкости в гробницах Ах-йот. Иногда испрашивают у фараона: «(Да) дашь ты мне имя мое пребывающим на сотворенном (мною) всем — не разыскивается имя жалуемого твоего. Сотворенное (мною?) все (? — в надписи "твое") остается, зовут во имя...» (ЕА VI: XV, строка 13). «(Да) даст он, (чтобы)... называли имя твое вековечно вечно» (ЕА II: XXI). Это делается по царскому приказу: «Уста мои с правдой, называют имя мое ради нее согласно приказанному тобой» (ЕА VI: XXV, строки 29-30). В одном сильно поврежденном месте сам фараон как будто «называет» имя своего вельможи: «(Да (?)) называешь (?) ты имя мое, мой - - -» (ЕА VI: XXI, строка 24). В иных случаях приглашали и солнце даровать поминовение имени сановнику: «(да) даст он... называться имени твоему вековечно вечно» (ЕА I: XXXIX), «(да) даст он... [на]зывать[с]я имени - - -» (ЕА IV: XXXIX). Но о том, чтобы само солнце взывало во имя умершего, надписи, конечно, молчат. ЕА III: II = ЕА IV: III: «будут звать во имя мое» сказано безлично о правящих поминки.

Отдельные изречения, вложенные в уста вельмож Амен-хот-па IV и похожие на содержащиеся в надписи Е, сочетаются подчас между собой, отчего сходство с нею еще увеличивается. «(Да) даст он (т. е. царь) (прожить) век добрый, видя красоту его, непрестанно слушая голос его» (AeISMB II: 127 = [83] ТТА: 170 CXCVII = MDIAeAK IX: XIX=123). «Я слушал голос его непрестанно, очи мои видели красоту твою каждодневно» (ЕА V: II, строка 11). «Ты (т. е. царь) — солнце, живу я видом твоим крепну я, слыша голос твой» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = ТТА: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), ср. «Ликует сердце мое при виде красоты твоей, живу я, слушая сказанное то[бою]» (ЕА I: XXXV). Но особенно любопытна в этом смысле длинная надпись в гробнице Туту (ЕА VI: XV). Посередине надписи (строки 11-13) Туту просит фараона: «(Да) дашь ты насытиться мне видом твоим (— таково?) желание сердца моего. (Да) прикажешь ты мне погребение - - - после старости в горе Ах-йот - - - (да) обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра, запах его — фимиами (храмовой) службы, Нефр-шепр-рэ, мой бог! (Да) [слышу] я голос царя, когда он творит жалуемое (т. е. службу) отцу своему [Йоту] - - - (Да) дашь ты мне имя мое остающимся на сотворенном (мною) всем — не разыскивается имя жалуемого твоего. Сотворенное (мною) все (? — в надписи «твое») остается, зовут во имя...» (ср. Е, строки 2-4, 7-8).

Сличение надписи Е с другими солнцепоклонническими показывает, что большинство испрашиваемых в ней благ связывалось в Ах-йот с особою фараона, а не с солнцем (обоняние дыхания, слышание голоса и, возможно, поминовение). Действительно, трудно себе представить, чтобы кто-нибудь в Ах-йот мечтал, что будет вдыхать сладостное дыхание солнца и слушать его голос, приятный, как прохладный (!) северный ветер, а сам лучезарный диск будет собственными устами взывать «во имя» умершего, т. е. править по нем заупокойную службу. Надпись на гробе допускает все это, очевидно, лишь потому, что была переделана в молитву солнцу из молитвы фараону, который мог быть и действительно был для своих приближенных предметом подобных чаяний.

Надпись Е была, таким образом, первоначально обращена к фараону и составлена для кого-то из его приближенных. Дает ли содержание молитвы какие-нибудь основания для определения первоначального владельца гроба? Некоторые, хотя и не слишком определенные, основания даны. Строка 5 надписи содержит пожелание: «Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей». Ничего подобного нельзя найти на памятниках

вельмож-солнцеклонников, хотя пожелания тех или иных благ своему телу или утверждения о его благополучии отнюдь не составляют там редкости. Желают, чтобы плоть (хо) была крепка (EA II: IX), чтобы она была радостна (EA V: IV), чтобы солнечные лучи сообщали ей свежесть (EA VI: XIV), чтобы ее воссоединяло солнце (EA VI: XXXIII, EA V: 9 = XXI, ср. неясное из-за повреждения EA VI: XXXII), чтобы плоть была защищена, чтобы с нею не случилось чего-либо дурного, чтобы она была одета (ASAE X: 108 = TTA: 177 CCVIII = ASAE XLIII: 16); [84] утверждают также, что плоть цела (EA V: IV), в частности, когда созерцают «красоту» фараона (EA II: VIII). Глагол *рний* «молодеть», употребленный о плоти в надписи F, ни разу не засвидетельствован применительно к представителям солнцеклоннической знати. Тем не менее этот глагол вполне обычен в Ах-йот, но только в приложении к царской чете. О фараоне говорится, что «лучи Йота на нем с жизнью (и) благополучием, молода плоть его повседневно» (EA V: XXVII). К нему же обращаются сановники со словами: «- - (причем) молод ты, как Йот в небе, вековечно вечно» (EA V: XXIX, строка 8 = TTA: 110 = EA V: XXXI, строка 11), «ты молод, как Йот, жив вечно вековечно» (EA VI: XVI), «будешь ты жив (и) молод вековечно» (EA VI: XIX). К имени царицы присоединяются порою пожелания: «жива она, молода она вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 13; MSECAE I: 17 = 1; EA II: VI, где ясно видно, начиная с *рний*, но сильно повреждено предшествующее) или «жива она, здорова, молода вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 1). Было б, конечно, неосмотрительно заключать, что, раз в надписи F плоть «молодеет» (*рний*), она должна быть обязательно плотью царицы. Однако, поскольку плоть в надписи F молодеет от любви к фараону (чего не сообщается о плоти вельмож), вероятность того, что молящееся лицо — жена царя, довольно велика.

Что гроб сначала предназначался для женщины, Ж. Даресси правильно вывел из передачи местоимения 1-го лица единственного числа в строке 7 надписи F на исконном золотом листе знаком женщины. Но нелишне отметить и разное начертание знака младенца в строках 5 и 11. В обоих случаях это исконные знаки надписи. В строке 11 знак изображает мальчика: на младенце передник и ожерелье, а с темени, по-видимому, свешивается, прикрывая ухо, заплетенная в косу прядь волос (две черточки, отходящие назад от шеи, представляют собою, наверно, обычный у такой косы завиток на конце). В строке 5 тот же знак изображает девочку, возможно, с прямою, незаплетенною прядью волос, спускающейся сбоку с темени значительно ниже плеча, как то нередко можно видеть на изображениях дочерей Амен-хотпа IV (иное истолкование прически знака должно было бы допустить, что у девочки длинные волосы, перехваченные тесьмой, отчего получилась «впадина» сзади). В строке 11 мальчик служит определителем к слову «отрок» (шэре), употребленному о фараоне («отрок добрый Йота живого»). Не потому ли в строке 5 у определителя к *рний* «молодеть» облик девочки, что «молодеет» женщина — первоначальная владелица гроба («Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей»)?

Заслуживает, далее, внимания сходство между строками 7 и 8 молитвы и надписью на обломке каменного гроба (ZAeSA LV: 3 = KEA II: 15 = EA VII: 16 = XX) из той самой царской гробницы [85] в скалах Ах-йот, в которой рассчитывал упокоиться и сам Амен-хотп IV. Надпись на гробе из тайника в Нэ обращается к фараону со словами: «будешь ты, как Рэ, вековечно вечно, живя, как солнце» («как Рэ» — позднейшая вставка). Обломок наружного гроба из царской гробницы в Ах-йот сохранил обрывок речи тождественного содержания: «- - - Будешь ты вековечно, (и) будешь жить ты, как солнце [повсе]дневно - - -» (от следующей строки сохранилась только часть знаков; выражений, сходных с F, там нет). Местоимение 2-го лица, употребленное на обломке, мужского рода, лицо, к которому обращена речь, не только объявляется вечным, но и сравнивается с солнцем, так что не может быть сомнения, что «ты» на гробе имело в виду фараона. По углам каменного гроба были изваяны изображения царицы (EA VII: VI-IX, XIX-XX). Одно из них сохранилось частично на данном обломке (ZAeSA LV: I 5 = KEA II: XV = ARK: LVI = BiPh: против 115). На гробовых обломках из царской гробницы с такого рода изображениями встречаются имена Амен-хотпа IV и его царицы (ASAE XXXI: 102 (2), EA VII: VI-IX, XIX-XX). Выражения, употребленные на гробе из Нэ, оказываются, таким образом, на гробе из Ах-йот вложенными в уста царице.

В этой связи можно упомянуть слова гробницы Туту (EA VI: XIV) о царице, несколько напоминающие строку 3 надписи Р: «она видит властителя постоянно непрестанно».

Итак, первоначальное правописание и содержание молитвы на подошвах загадочного гроба подсказывают, что его первую владелицу была женщина из ближайшего окружения фараона.

Не подлежит сомнению, что царем, упоминавшимся как в исконных, так и в переделанных частях гробовых надписей, мог быть только Амен-хотп IV. Первому кольцу в основных частях надписей и второму во вставках в С и Е предшествуют слова «живущий правдою». Это прозвание прилагалось иногда к египетским богам и властителям, но в состав постоянных царских обозначений перед каждым из двух колец входило только у Амен-хотпа IV (см. § 64). Далее, в надписях В и С на гробе измененные концы дают после ныне пустых вторых колец выражение «большой по веку своему». Это — прозвание, свойственное тоже одному лишь Амен-хотпу IV (см. § 51). Тем самым, несмотря на преднамеренное разрушение всех царских колец на загадочном гробе, можно считать вполне достоверным, что в своем теперешнем, переделанном виде гроб предназначался для останков Амен-хотпа IV. Но слова «живущий правдою» предшествуют царскому имени и в тех частях надписей, которые не подверглись переделке. Таким образом, женщину, для которой первоначально предназначался гроб, надо искать в ближайшем окружении именно Амен-хотпа IV.

Однако в надписи на крышке гроба для кольца царицы нет [86] места. Стоячая строка спускается от груди к ступням, здесь резко перегибается и продолжается затем под тупым углом к прежней плоскости по переду ступней на один раздел высотой в высокий знак. Кольцо царицы не могло быть помещено на ребре, частью до, частью после перегиба, как на то справедливо указал Р. Энгельбах.³⁴ После же перегиба для кольца нет места, так же как нет его для кольца до перегиба, потому что там переделано не больше двух разделов строки высотой в высокий знак каждый. Для кольца с «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» или даже с одним «Нефр-эт» двух таких разделов строки мало. Достаточно сравнить высоту вырванного кольца «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» в середине столбца с высотой переделанной его части над перегибом. Потому первоначальной владелицей гроба не могла быть царица.

Изменения, произведенные в надписях на гробе для превращения его из женского в фараоновский, обнаруживают значительное сходство с изменениями, произведенными в надписях усадьбы на юге новой столицы.

Первоначальные титулы переделывались в южной усадьбе двумя в корне различными способами, из которых один живо напоминает приемы, примененные при переделке надписей на гробе. Начало титула заменялось при этом способе переделки теми или иными обозначениями фараона, причем на первом месте оказывалось наименование «властитель добрый», точь-в-точь как в большинстве надписей на гробе. Следующую затем часть титула не трогали. Легко убедиться, что она в точности совпадала с началом неизменных частей надписей на гробе (А, В, С, D, E и F). В отличие от последних примыкавшие к кольцу выражения подвергались в усадьбе замене. При переработке слова после кольца царя заменялись многолетьем: «кому дано жить», «кому дано жить вечно». Завершавшие прежнее титуло предполагаемые имя и многолетие заменялись званием и именем старшей дочери Амен-хотпа IV — царевны Ми-йот. Прием и в этом случае оставался тем же, что и в большинстве надписей на гробе: первоначальное имя заменялось новым именем, только в усадьбе то было имя Ми-йот, в надписях на гробе — имя ее отца. Поскольку его первое кольцо уже имелось в предшествующих частях надписей, добавляли «го второе кольцо».

Обозначения фараона, заменившие в усадьбе начала исконных надписей, бывают двух видов: «Властитель добрый, возлюбленный Йота» и «Властитель добрый, единственный для Рэ». Употребляя второй вид, сохраняли от первоначальной надписи знак *н*, используя этот знак для предлога *н* в наименовании «единственный для Рэ». Знак, которым начинались надписи южной усадьбы после переделки по изложенному [87] способу, нигде вполне четко

³⁴ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 102-103.

не сохранился. Б. Ганн допускает как чтение «властитель», так и чтение «бог».³⁵ Изгиб ствола в верхней его части на одном из обломков (CA I: LX 44) и крюкообразный и округлый верх на двух других (CA I: LVI 273 rec. — XXXIV 1, LVIII 128) указывают определенно на знак для слова «властитель». Правда, в четвертом месте (CA I: LVI 273 ver. = XXXIV 2) знак похож больше на знак для слова «бог», но угловатостью своего верха он, наверно, обязан скрывающемуся под ним знаку колодца первоначальной надписи. Известная угловатость верхней части знака наблюдается ведь и на упомянутых обломках CA I: LVI 273 rec. = XXXIV 1 и LIX 44. Само по себе введение слова «бог» в переделанную часть надписи не представляло ничего невозможного, если переделка производилась при Семнех-ке-рэ: последний, как и Тут-анх-йот до переименования в «Тут-анх-амуна», уже снова употреблял слово «бог» (см. § 114). Однако, ввиду того что на других обломках переработанные надписи начинаются знаком для слова «властитель» и он же оказывается в начале переработанной надписи на оборотной стороне самого спорного обломка, присутствие на нем знака для слова «бог» представляется в высшей степени невероятным.

После переделки видоизмененные надписи в усадьбе выглядели следующим образом (составлено на основании ряда обломков; переработанные места подчеркнуты):

«Властитель добрый, возлюбленный Йота, царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ... Дочь царя [от утробы его], возлюбленная его, Ми-йот»
или

«Властитель добрый, единственный для Рэ, царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, кому дано жить вечно... Дочь царева Ми-йот».

Не подлежит сомнению, что и титула на гробе переделаны из титула Кэйе.

Полностью титул Кэйе читается на двух недавно изданных сосудах JEA XLVII: 29, 30: «Жена-любимец (так на обоих сосудах!) большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (на одном сосуде звание "владыка обеих земель" опущено) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на одном сосуде ошибочно "Йота живого живого"), который будет жив вековечно вечно, Кэйе». Имя, не вполне четкое на мелких снимках усадебных надписей, читается здесь совершенно отчетливо.

Следы этого имени, а также начальных слов титула можно [88] опознать на самом гробе, именно внутри его в надписях D и E, не видных снаружи и переделанных с большим приспособлением к прежним начертаниям, чем наружные надписи. В надписи D за словом «властитель» следует неуместное в приложении к новому обладателю гроба — царю-мужчине причастие «любимая» (*mrpt*) и затем прилагательное «большой», несомненно тоже отголосок прежнего начала надписи «жена, любимая (или "любимец"?), большая». Примечательно необыкновенное — с буквою для начального *м* — написание слова *mrp* «любимая» — точь-в-точь как в случае обозначения «любимая» в начале титула Кэйе на одной из прописей южной усадьбы (CA I: XXXII 3). Любопытно, что даже мужское существительное *mrptj* «любимец», которым Кэйе обозначена на сосудах, находит себе соответствие на гробе в переделанном начале надписи E в обозначении *mrptj* «любимец». Предшествующее ему здесь слово «большой», без сомнения, отголосок обозначения «большая», следовавшего в титуле Кэйе за словами *mrpt* «любимая» или *mrptj* «любимец». Можно также предполагать, что определитель к слову «властитель» в надписи D, знак египетского бога, не что иное, как определитель к слову «жена», знак женщины, который должен был находиться на этом месте и мог быть легко видоизменен путем придачи бороды.

На гробе в надписи D после титула царя, сразу за словами «вековечно вечно», следует несуразное словосочетание: «владыка неба, есмь я, жить». Это словосочетание представляет позднейшую вставку, однако было воспроизведено на данном месте и в данном виде уже в первоиздании TQT: 19. Поэтому вполне возможно, что золотой лист, на котором помещается странное словосочетание, никогда не отваливался, а находился на своем месте с древности — со времени переделки гроба. Последующие слова надписи, о которых будет сказано ниже, ни в какой связи с бессмысленным словосочетанием не состоят. Само оно

³⁵ B. Gunn, T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. L., 1923, c. 152, 154.

приходится в точности на то самое место, где в первоначальном титле, титле Кэ́йе, должно было стоять ее имя. Сопоставим знаки этого имени со знаками, занимающими их место в настоящее время. Первый знак нынешнего словосочетания, знак корзины без ручки, которым написано слово «владыка», отличается от первого знака имени Кэ́йе, корзины с ручкой, только отсутствием этой последней. Слово «небо» стоит на месте двух черточек, второго знака имени Кэ́йе. Глагол «быть» («есмь») написан двумя знаками: метелкой тростника (йод) и птенцом перепелки (вав). Первый из них содержится в имени Кэ́йе на том же самом месте; вместо второго в имени Кэ́йе стоит тоже птичий знак — белоголовый коршун (алеф). Нынешний знак египетского бога, сидящего на земле мужчины с длинными волосами и бородой, передает местоимение 1-го лица единственного числа, но достаточно отнять бороду и, может быть, добавить прядь волос на груди, чтобы получился [89] знак женщины, при этом на том самом месте, где должен был находиться этот знак как определитель имени Кэ́йе. Бессмысленное «жить», следующее за данным знаком, объясняется очень просто, стоит лишь допустить, что за именем следовало многолетие «жива она!». Это многолетие читается оба раза на медных скрепах деревянной сени, сооруженной Амен-хотпом IV в конце царствования для прикрытия гроба своей матери (TQT: XXIII = 15). На самой сени за именем Тэ́йе также нет слов «правая голосом», т. е. «покойная», но стоит то же «живое» многолетие, только с более или менее пространным продолжением: «жива она вечно!» (TQT: 13 = XXXI = TTA: 164-165 CLXXXVIII, два раза, TQT: 14 = XXXII = TTA: 165 CLXXXVIII, TQT: 15 = TTA: 166 CLXXXVIII), «жива она вечно вековечно!» (TQT: 14, 14 = XXXII = TTA: 165 CLXXXVIII, TQT: 15=XXXII); один раз, впрочем, могла быть употреблена и краткая разновидность: «жив[а она]!» (TQT: 13 = XXXI = TTA: 164 CLXXXVIII). Таким образом, возможно, пожалуй, безошибочно за нынешним бессмысленным словосочетанием распознать окончание титла Кэ́йе, именно ее имя и многолетие.

Вопреки впечатлению, сложившемуся у издателя сосудов JEA XLVII: 29, 30, начальные слова титла Кэ́йе укладываются в переделанное начало надписи А (см. снимок ASAE XXXI: I) и, надо полагать, любого другого титла на гробе, а само имя «Кэ́йе» с придачею, скажем, многолетия «жива она!» — в переделанный конец надписи А (см. снимок ASAE XXXI: I), видимо, также надписи F. В прочих надписях на гробе за титлом Кэ́йе следовало (в одних — по-видимому, в других — определенно) что-то более длинное, чем краткое многолетие «жива она!». В наружных надписях В и С это могло быть какое-нибудь расширенное многолетие; во внутренних надписях D и E в конце читаются остатки заупокойных пожеланий. Можно, впрочем, усомниться, на своем ли месте помещаются слова, заключающие ныне надпись E: «повседневно непрестанно»? Надписи D и E одинаковы по расположению, направлению и выполнению, и отвалившиеся золотые листочки со знаками могли быть при восстановлении надписей в наше время перепутаны, помещены вместо одной надписи в другую. В частности, Р. Энгельбах полагал, что конец надписи D мог принадлежать на самом деле надписи E.³⁶ Первоиздание (TQT: 19) молчит о каких-либо окончаниях надписи E после титла, так что очень похоже на то, что слова «повседневно непрестанно» ко времени находки гроба отвалились и на свое теперешнее место были помещены руками наших современников. Но в таком случае подлинное место этих слов могло быть не в конце надписи E, а в конце надписи D. Разумеется, такое допущение нуждается в проверке по подлиннику, но если оно приемлемо, то [90] надпись D могла бы быть восстановлена едва ли не полностью в своем первоначальном виде: «[Жена] любимая больш[ая] цар[я] (и) государ[я], живуш[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ — Ва-н-рэ], отрок[а] добр[ого] Йота живого, который будет здесь жив вековечно вечно, [Кэ́йе — жив[а она!]] Сердце [ее] (или: [твое]) на месте своем — види[т она] (или: види[шь ты]) Ва-н-рэ повседневно непрестанно». Правда, сколько-нибудь увериться в правильности понимания даже существующего окончания надписи D по имеющимся изданиям невозможно. В BIFAO XII: 150 показано как переделанное выражение «сердце его», в ASAE XXXI: 100 + 101 оно считается исконным. Однако, возможно, подчеркивание относится

³⁶ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 101.

в BIFAO не к существительному «сердце», а только к местоимению «его» (.φ), а это последнее не может не быть заменой женского местоимения «ее» (.с, знак засова) или «твое» (.m), если вообще данное место должно иметь какой-нибудь смысл: гроб-то ведь был для женщины. Также в случае выражения «видишь ты» BIFAO XII: 150 определитель глаза и местоимение «ты» подчеркнуты, а ASAE XXXI: 100 не подчеркнуты. Возможно опять-таки, что подчеркивание в BIFAO относится только к местоимению. Последнее — мужское (.к), и хочется считать его в согласии с BIFAO позднейшей заменой местоимения женского рода. Ни в первоиздании, ни в BIFAO XII: 150 между словами «видишь ты» и «Ва-н-рэ»(?) не показано ни малейшего пробела; ASAE XXXI: 100 между тем и другим указана «лакуна неизвестной длины». В первоиздании TQT: 19 показано разрушение за «Ва-н-рэ» (?). Если чтение «Ва-н-рэ» правильно (все три издания воспроизводят два знака из шести по-разному — см. выше), то хотелось бы видеть пробел там, где он показан в первоиздании, так как тогда получается все-таки какое-то связное целое. Можно далее заметить, что восстанавливаемое предположительно сочетание «види[т она] (или: види[шь ты]) Ван-н-рэ повседневно непрерывно» находит себе немало соответствий в других солнцепоклоннических надписях. О царице говорится: «Она видит властителя постоянно непрерывно» (EA VI: XIV). Сановники просят у фараона: «(Да) дашь ты насыщаться мне видом твоим непрерывно» (EA VI: XXV, строка 9), «(Да) даст он... век добрый в созерцании красоты [его] повседневно непрерывно» (EA V: IV), «(Да) даст он век высокий (т. е. долгий) в созерцании красоты тв[оей] (!), (так чтобы) не переставать видеть те(бя) (!) повседневно» (EA II: XXI, тождественная просьба, неясно, однако, к царю или к солнцу, о созерцании одного из них — EA I: XXXIX); то же самое просят у солнца: «(Да) дашь ты мне... век добрый в созерцании владыки обеих земель, (так чтобы) не переставать (видеть) красоту его» (EA VI: III). Об исполнительном сановнике говорят: «Насыщается он видом твоим (фараона) непрерывно» (EA VI: XXV, строка 16). [91] Видеть «непрестанно» желают и солнце. Сановник говорит ему: «Глаза мои видят тебя непрерывно» (EA VI: XIII). Сановники просят у солнца: «(Да) дашь ты насыщаться мне видом тв(оим) непрерывно» (EA VI: XXIV), «(Да) дашь ты выходить утром из преисподней созерцать солнце, (когда) воссиявает оно, повседневно непрерывно» (EA IV: XXXIX), «(Да) дашь ты мне век добрый в созерцании красоты твоей повседневно непрерывно» (EA VI: XXIV). Сановнику желают: «Не перестанешь ты созерцать Рэ» (EA VI: XXXIII MID, а также EA V: II).

С разгадкой загадки золотого гроба нетрудно разгадать и загадку четырех великолепных алавастровых сосудов, предназначенных для внутренностей умершего и обнаруженных вместе с гробом в так называемой гробнице Тэе (TQT: VII-XIX, RAAM XXVIII: 241-252, Eg: 181 = Eg: 227, DP: 71, ZAeSA LV: VIII, AA: XXX, BPh²: 183, ASAE XXXI: III 1, MMAV XV: 142-144, ZAeSA LXXXIII: VII, DCE: 41, TЗГ: 21, 113, ZZR: против 48 и 96, APhE: XXV, ECAE: 56). Крышку каждого из сосудов венчает тонко изваянная человеческая голова с тщательно переданными накладными волосами, причесанными и подстриженными во вкусе того времени. Лицо не походило ни на кого из известных по виду деятелей солнцепоклоннической поры. Надписи, имевшиеся некогда на сосудах, были тщательно стерты (TQT: 24, MMAV XV: 147). Оставалось только гадать, кого же изображают примечательные головы? Поочередно их приписывали чуть ли не всем царственным особам солнцепоклоннического времени: Тэе, Тут-анх-амуну, Амен-хотпу IV, Нефр-эт, Семнех-ке-рэ, Ми-йот. Накладные волосы, вроде изображенных на головах, носили в те времена, как неоднократно отмечали исследователи, и мужчины и женщины, и потому можно было пытаться опознать в головах сосудов равно царей и цариц.

Теперь, когда золотой гроб с переименованными надписями оказывается гробом Кэе, естественно считать погребальные сосуды, найденные вместе с гробом и начисто лишившиеся своих надписей, сосудами той же Кэе. Сравнение голов на сосудах с человекоподобным гробом и изображениями Кэе в усадьбе и на камнях из Шмуна (см. гл. II и III) подтверждает этот сам собою напрашивающийся вывод.

Как показал С. Олдред, гроб был надписан для своей хозяйки (ввиду человекообразного знака Мэ в первоначальной надписи) задолго до конца царствования

Амен-хотпа IV.³⁷ Царская же налобная змея на гробе надписана поздними солнечными кольцами (TQT: 19 = II). Потому вполне возможно, что эта змея была добавлена позже, что первоначально гроб не был увенчан ею. И вот на одной из голов на погребальных сосудах хвост царской змеи был, видимо, врезан впоследствии [92] в пряди прически (ASAE XXXIII 1).³⁸ Значит, первоначально головы тоже, по-видимому, были без царской налобной змеи, и ее добавили позже. На изображениях Кэие в южной усадьбе царской змеи тоже не видно (CA I: XXXII 2 = LVI, XXXIV 1, ср. XXXV 11), как и почти на всех камнях из Шмуна. Вдобавок, как там у Кэие, так и на голове ее гроба и на головах сосудов одна и та же прическа.³⁹

Благодаря отождествлению владелицы сосудов с Кэие мы получаем несколько превосходных изображений этой женщины.

Чувства Кэие к ее возлюбленному отражены в самой значительной надписи на ее гробе (F). В полную противоположность речам Эсе на гробах царей XVIII дома это пожелания благ от возлюбленного самой себе, а не посулы разных благ умершему.

1. Сказывание слов [(такою-то)] [Кэие] [— жива она! (?)].
 2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
 3. Буду видеть [я кра]соту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание.
 4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.
 5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.
 6. Будешь давать ты [мне] руки твои с питанием твоим, буду принимать [я] его, жи-
 7. [вущий правдою (?)]. Будешь зывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет
искать его
 8. в устах твоих, [м]ой [владыка (?)] [(имярек)]. Будешь ты [со мною (?)].⁴⁰
 9. вековечно вечно, живым, как Йот! [Для двойника жены-любимца большой].
 10. цар[я] [и] государ[я], живущ[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ
Ва-и-рэ], отрок[а]
 11. добр[ого] Йота живого, который будет тут
 12. жив вековечно вечно, [Кэие] [— жива она! (?)].
- [93]

³⁷ C. Aldred. The tomb of Akhenaten at Thebes. P. 45.

³⁸ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten, с. 102 со ссылкой на Г. Брайтона (G. Brunton). Г. Рёдер отрицает это (G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. P. 68), однако С. Олдред подтверждает (C. Aldred. Hair styles and history. P. 147; он же. The tomb of Akhenaten at Thebes. P. 43).

³⁹ Совпадение прически па гробе и на сосудах отметил С. Олдред (Hair styles and history. P. 147), сделав из этого вывод о принадлежности их одной и той же женщине.

⁴⁰ Восстановление Э. Х. Гардинера (A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye. P. 20), которое можно подкрепить примерами из надписей. Так, Ми-рэ, верховный жрец солнца, говорит царю: «Мой владыка, давший мне старость без удаления от тебя» (EA I: XXXVIII), «Живу я, слыша сказанное то[б]ою. (Да) дашь ты (мн)е старость без удаления от тебя» (EA I: XXXV), а о царице Нефр-эт говорят не только что она «рядом с Ва-и-рэ» (EA VI: XXV), «рядом с ним» (EA I: XXXVI), но и что «она рядом с Ва-и-рэ вековечно, вековечно, как небо остается с тем, кто в нем (т. е с солнцем)» (EA VI: XXV, строки 23-25).

ЗАГАДКА ВТОРОГО ФАРАОНА

В 1928 г. П. Э. Ньюберри¹ привлек внимание к трем странным памятникам солнцепоклоннического времени — двум плитам и камню из стены здания, на которых сохранились изображения двух фараонов; на плитах — полностью, на камне — отчасти. Изображения на плитах остались ненадписанными. Было ли надписано изображение, частично уцелевшее на камне, неизвестно, так как никаких остатков надписей на камне не видно. На всех трех памятниках один из царей выглядит старшим, другой — младшим. Старший царь или берет за подбородок младшего, или принимает от него услуги, или шествует в его сопровождении. Кроме того, если в первом случае — на плите — оба царя почти одинакового размера, то во втором и третьем случаях — на другой плите и на камне — младший царь много меньше старшего. Что старший царь на всех трех памятниках Амен-хотп IV, в этом никто никогда не сомневался. Но кто же тогда младший царь?

До 1928 г. вопроса о том, кто был изображен на плитах вместе с Амен-хотпом IV, не возникало по той простой причине, что соответствующее лицо принимали не за царя, а за жену Амен-хотпа IV — царицу Нефр-эт. Х. Картер и П. Э. Ньюберри² первые обратили внимание на то, что на голове мнимой Нефр-эт отнюдь не синий венец цариц с округлой тульей и плоским дном, а синий венец царей, оттянутый по бокам и выгнутый поверху. Отсюда П. Э. Ньюберри сделал вывод, что второе лицо не царица, а царь, и восстановил на камне, где верх венца второго лица пропал, двойной фараоновский венец.

Еще в 1894 г. В. М. Флиндерс Питри высказал предположение, что зять и преемник Амен-хотпа IV Семнех-ке-рэ был некоторое время под конец царствования тестя его соправителем.³ Впоследствии это предположение неоднократно повторялось разными учеными. Им воспользовался П. Э. Ньюберри и отождествил младшего царя с Семнех-ке-рэ. [94]

Главным доводом в пользу соправительства Семнех-ке-рэ служили В. М. Флиндерсу Питри некоторые перстни из Ах-йот, на которых Семнех-ке-рэ именовался «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» или «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ», иными словами — «возлюбленным» Ва-н-рэ или Нефр-шепр-рэ, т. е. Амен-хотпа IV. Этот довод был полностью воспринят П. Э. Ньюберри, но он привел и другой, еще более веский, в пользу соправительства Семнех-ке-рэ. В гробнице Тут-анх-амуна был обнаружен ларец с надписью, называвшей подряд три титула: Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и его супруги царицы Ми-йот. При этом Семнех-ке-рэ именовался и в первом и во втором своем кольце любимцем Амен-хотпа IV, и такие же кольца «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» стояли и на ручках, приделанных к ларцу. Одновременно П. Э. Ньюберри указал, что «возлюбленным» именовался Семнех-ке-рэ в обоих своих кольцах и в скорописной надписи, помеченной 3-м годом его царствования, в одной из гробниц в Нэ (надпись тут же следом за статьей П. Э. Ньюберри была издана Э. Х. Гардинером⁴). С выводами П. Э. Ньюберри, полученными на основании надписи на ларце, перекликалось наблюдение, сделанное вскоре затем в развалинах царского дворца на северной окраине солнцепоклоннической столицы. На кусках росписи, упавших с дворцовой стены, оказались кольца с именами Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Ми-йот.⁵

Отождествление П. Э. Ньюберри младшего венценосца с Семнех-ке-рэ получило общее признание и привлекло внимание к подобного рода памятникам. Г. Рёдеру удалось открыть еще несколько безымянных изображений двух фараонов. На камне, найденном

¹ P. E. Newberry. Akhnaten's eldest son-in-law 'Ankhkheprurē' // JEA. Vol. 14, 1928. P. 3-9, pl. 4-6.

² Ibid. P. 7.

³ W. M. F. Petrie. Tell el Amarna. L., 1894. P. 42.

⁴ A. H. Gardiner. The graffito from the tomb of Pere // JEA. Vol. 14, 1928. P. 10-11, табл. 5-6.

⁵ Notes and news // JEA. Vol. 18, 1932. P. 108-111.

в Шмуне, сохранилась нижняя часть изображения двух царей большого размера в сопровождении маленькой особы женского пола. По передникам с нашивками по низу в виде рядов аспидов можно было безошибочно определить, что первые двое — цари, а не царь с царицей. Г. Рёдер отождествил царей с Амен-хотпом IV и Семнех-ке-рэ, а особу женского пола — с Ми-йот.⁶ На оттиске печати на закупорке сосуда из Ах-йот удалось распознать изображение двух сидящих особ, из которых задняя несколько меньших размеров и в мужском синем венце обнимает переднюю, тогда как за ними стоит, видимо, женщина много более скромной величины. В сидящих особах Г. Рёдер был склонен видеть Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, в стоящей — дочь первого и супругу второго Ми-йот.⁷ [95]

Было указано еще несколько солнцепоклоннических изображений будто бы двух царей, однако при более подробном обследовании принадлежность этих памятников к числу безымянных изображений двух фараонов вызывает законные сомнения (подробнее об этих памятниках будет сказано ниже).

Но самой примечательной находкой, попавшей в поле зрения исследователей, занимавшихся взаимоотношением Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ после П. Э. Ньюберри, была, бесспорно, плита из Ах-йот, восстановленная в значительной своей части Дж. Сэмсон и Х. В. Фэрмэном из нескольких кусков, найденных сравнительно давно, и одного куска, найденного недавно.⁸ Эта плита подкрепляла одновременно и положение о соправительстве Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, и объяснение изображений безымянных двух царей как изображений их обоих. На плите были изображены два лица, одно большего, другое несколько меньшего размера, и над ними вверху значились определенно титула Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ.

И тем не менее вопрос нуждается в проверке.

Перечислим сперва и несколько подробнее опишем изображения двух безымянных царей, добавив к ним еще два, отмеченных в моей книжке 1968 г.⁹

А. Плита из Ах-йот (ABKK XXXIV: 135-136 = ZAeSA LII: 76 = PKN: 9 = KEA II: VII = JEA XIV: IV = ARK: XXX = AeKHK: XII = SA III: 312 = VMPh: 167 = T3Г: 91 = ZZR: между 128 и 129 = AOr XXXVI: I) сооружена воином (надпись о том см. также TTA: 168 CXCV). Два царя сидят рядом за столиком с яствами, озаренные солнцем, лучи-руки протягивают к их носам по знаку жизни. Передний царь, обернувшись к сотоварищу, ласково треплет его по лицу, а тот обнимает переднего одною рукою за плечо. Передний фараон в двойном венце с отвислым подбородком, впалой грудью и вздутым животом, несомненно, Амен-хотп IV. Второй фараон немного меньше ростом, в мужском синем венце, более стройный и с подбородком никак не отвислым. Грудь у второго царя, держащегося в отличие от первого прямо, выдается заметнее вперед, чем у того. Насколько можно судить по снимкам, одежда у переднего царя прикрывает лишь верхнюю часть голеней, у заднего царя спускается почти до щиколоток. Надписи вверху плиты были намечены, но не выполнены. По бокам лучезарного круга имеется по два пустых кольца для солнечного имени и намечено по строке для многолетия, направо от круга намечены еще строки для прозваний [96] (малого) солнечного титула. Три пустых кольца, поставленных отвесно рядом и ниже солнечных, предназначались для имен обоих царей, строка, намеченная под тремя кольцами, — для сопроводительных многолетий.

Б. Незаконченная плита из Ах-йот (MDOGB L: 28 = ABKK XXXV: Abb. 83 = ZAeSA LII: 84 = PKN: 9 = KEA I: V = BBAAe: 38 = SA III: 319 = VMPh: 147 = T3Г: 93 = ZZR: между 128 и 129); изображения оставлены наполовину недоделанными, надписи даже не намечены. Под солнечным кругом, долженствовавшим стать лучистым, два царя лицом друг к другу. Большой царь с округлой волосяной накладкой на голове и царской змеею на лбу сидит в кресле, меньший

⁶ G. Roeder. Amarna-Blöcke aus Hermopolis // MDAIAK. Bd 14, 1956. S. 164; G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 50.

⁷ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. S. 49.

⁸ J. Samson, H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 230-233; vol. 2. Plates, ill. 73 8, 107 2 + 3, 108; J. Samson. Amarna. City of Akhenaten and Nefertiti. L., 1972. P. 103-106.

⁹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба. М., 1968. С. 102.

(значительно меньший) царь в мужском синем венце стоит и наливает напиток в чашу, которую держит в руке больший царь. Одежда на большем царе спускается немного ниже середины голеней; за полную незаконченность нижней части изображения меньшего царя сказать что-либо о его одежде затруднительно, но в руке у него, сообразно с исполняемыми им обязанностями виночерпия, по-видимому, полотенце. Намеченные, но недоделанные верхние лучи солнца касаются: левый — головы старшего, правый — налобной змеи на венце младшего царя.

В. Камень из Мэнфе (Ae: I 5 = MDOGB LVII: 10 = JEA XIV: 8 = ТЗГ: 95 = SAK II: 156). За особой в длинной складчатой одежде с рукавами (уцелели лишь рукав, часть руки и часть одежды на спине и бедре) следует лицо много меньшего размера, в высоком венце с царскою змеею спереди и развевающимися лентами сзади (верх венца пропал), в оплечье, с запястьем на правой руке, держащей веер (большое перо на длинной рукоятке); одето второе лицо в одежду со складчатыми рукавами и подпоясано; держится слегка наклонившись вперед; ноги и левая рука ниже локтя пропали. К сожалению, памятник издан, насколько мне известно, лишь в виде воспроизведения от руки, вдобавок столетней давности.

Г. Камень из стены здания, найденный в Шмуне (MDAIAK XIV: XI 1 = ТЗГ: 97 = ARH: XVI 406—VII A + XII 406—VII D). Ноги двух особ почти одинакового размера (вторая особа немного меньше), стоявших друг за другом, правя службу перед жертвенниками. Позади этих двух крупных особ маленькая женщина, с гремушкой в руке; голова у женщины с сильно вытянутой назад затылочной частью и, видимо, без волос на ней, но с длинною прядью, ниспадающей на плечо. На первом лице рубашка в складках, доходящая до середины голеней и ниспадающая сзади прямо. На втором лице рубашка, ниспадающая значительно ниже, чем у первого лица, несколько ниже середины голеней, и прикрытая сзади концом складчатого плаща, свисающего ниже рубашки и, чем ниже, тем больше отходящего от икр. На маленькой женщине тоже широкая рубашка, такой же длины, как у второго лица. На обеих больших особах [97] по узкому переднику — свисающему концу пояса — с украшением в виде ряда аспидов по низу.

Д. Оттиск печати на закупорке сосуда, найденный в одном из домов в Ах-йот (ZAeSA LXXXIII: 48). Под лучистым солнечным кругом восседают две особы, к которым обеим одинаково простерты его лучи-руки. Передняя особа оборачивается лицом к задней, а задняя обнимает переднюю. Передняя особа несколько выше задней. У передней особы на голове сравнительно короткие накладные волосы, у задней — мужской синий венец. За обеими сидящими большими особами стоит, по-видимому, небольшая женщина с вытянутой сзади безволосой головой. (В том же доме и в другом, близко расположенном, были найдены еще два оттиска печатей на закупорках сосудов, возможно, такого же рода, что и только что описанный (ZAeSA LXXXIII: 48). На оттиске из другого дома имеется, судя по описанию, нечеткое имя Анхес-эм-п-[йот].

Е-Ж. Два неполных оттиска одной и той же печати на глине, найденные в Ах-йот (CA I: X 6). Под лучистым кругом восседают лицом к лицу две особы, к которым обеим одинаково простерты солнечные руки-лучи. Одна особа большего, другая меньшего размера. У большей особы на голове округлая накладная из волос, увенчанная красным венцом, у меньшей особы — мужской синий венец. В руках у каждой по «бичу» (?) и крючковатому жезлу. Насколько могу судить, оттиски не были использованы при обсуждении загадки двух царей до того, как это было сделано в моей книжке 1968 г.¹⁰

Этим известные мне бесспорные изображения двух безымянных царей исчерпываются. Однако имеется еще несколько безымянных памятников, на которых, как иногда полагают, были тоже представлены двое царей, но при более близком рассмотрении такое мнение оказывается или необоснованным, или просто несостоятельным. Мы коснемся лишь одного из таких памятников — осколка камня с набросками двух мужских голов, обращенных направо, в округлых чепцах с царскими аспидами спереди (JEA XIX: XV 1 = CA III:

¹⁰ Там же. С. 102-103, 126.

LIX 1 = ZAeSA LXXXIII: V c = APHE: XXVI). Если пристальнее присмотреться к этим наброскам, предположение о том, что они изображают двух разных царей, отпадает само собою. Что левое изображение — Амен-хотпа IV, не вызывает ни у кого сомнений. Правая голова хуже передает сходство и потому, помещаясь рядом с более удачным наброском, представляется на первый взгляд не совсем головой Амен-хотпа IV. Однако, приглядевшись пристальнее, мы и у правой головы обнаруживаем отличительные черты Амен-хотпа IV: раскосые глаза, впалые щеки, отвислый подбородок, правда, в несколько меньшей степени, чем у левой головы, и что особенно показательно — тончайшую шею, немного вогнутую [98] ниже кадыка.¹¹ Правая голова — всего лишь менее удачный набросок, который следовало заменить лучшим, более точным наброском той же головы. Легко показать, что таково было мнение самого художника и что сообразно с ним он и поступал. Правая голова была начата, когда поверхность осколка еще ничем не была занята, начата на значительном расстоянии от правого края — между ним и головою широкое пустое поле. Напротив, левая голова была начата, когда посреди осколка уже была врезана правая голова, левая голова зажата между нею и левым краем, вплотную прижата к нему. Когда выполнялась правая голова, места было много, и она вышла даже излишне растянутой в ширину (одна из главных причин меньшего сходства). Наоборот, когда художник попытался втиснуть в оставшееся пустое пространство левую голову, ее пришлось сильно сузить, что, правда, пошло на пользу лицу, но зато привело к непозволительной узости головного убора. Таким образом, перед нами два последовательных наброска головы одного и того же Амен-хотпа IV. Да разве и могло быть иначе? Неужели впереди, нестесненно и почти посередине осколка изобразили бы младшего царя, а позади, сплюснув и прижав к самому краю за недостатком места, старшего, Амен-хотпа IV?

В заключение нашего обзора действительных и кажущихся изображений двух царей остановимся на памятнике, который при беглом с ним ознакомлении представляется одновременно первым небезыманным изображением двух царей и блестящим подтверждением того, что эти два царя — Амен-хотп IV и Семнех-ке-рэ. Памятник, о котором идет речь, сохранился не полностью, и даже то, что сохранилось, восстановлено из нескольких кусков.¹² Он представлял стоячую каменную плиту с изображениями и надписями на обеих сторонах. На обратной стороне изображен молящийся мужчина, состоявший на службе у солнечного храма (CA III: LXXXIII 9 + CVII 2, A: 106). На лицевой стороне помещались вверху солнечный диск с повторенным по бокам VII солнечным титулом (см. § 40; CA III: 231 = A: 104), справа — изображение двух особ, стоявших друг за другом на возвышении (CA III: LXXXIII 8 = TЗГ: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129), к которым должны были относиться два царских титула, начертанные вверху (CA III: CVII 3 = CVIII = TЗГ: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129 = AOr XXXVI: 13). От особы, стоявшей впереди, уцелели лишь икры и пятка левой ноги, но и этих остатков достаточно, чтобы заключить, что эта особа была значительно выше стоявшей позади. Особа, [99] изображенная позади, стоит заметно наклонившись вперед; сравнивая наклонное положение, в частности, ее левой голени с отвесным положением голени передней особы, можно предположить, что лицо, изображенное впереди, стояло совершенно прямо. От особы, стоявшей позади, уцелели туловище ниже пояса и ноги; похоже на то, что она была облачена в длинную складчатую одежду; ноги обуты в сандалии. Слева должно было быть сходное изображение, но уцелели лишь обутые в сандалии ноги, наклоненный вперед женский таз и остатки длинного облачения (A: 104-105). Как издатель памятника Дж. Сэмсон, так и писавший о нем впоследствии Г. Рёдер с удивлением отмечают женское телосложение задней особы, не вяжущееся с мужскими царскими титулами вверху.¹³

¹¹ Об отличительных признаках изображений Амен-хотпа IV см.: H. Schäfer. *Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna* // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.

¹² J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. *The city of Akhenaten*. P. 3. Vol. 1. Text. P. 231-232; J. Samson. *Amarna*. P. 103.

¹³ J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. *The city of Akhenaten*. P. 3. Vol. 1. Text. P. 232; G. Roeder. *Thronfolger und König Smench-ka-Rê*. S. 47.

Эти титула, начертанные отвесно одно рядом с другим, принадлежат: переднее — Амен-хотпу IV, заднее — Семнех-ке-рэ. Первое титуло ничем не примечательно; это обычное краткое титуло Амен-хотпа IV с излюбленными в пору поздних солнечных колец владыческими заголовками перед именами фараона (см. § 62). Строка с первым кольцом царя: «владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить», строка со вторым кольцом: «владыка венцов Эх-не-йот, большой по веку своему» (о последнем наименовании можно лишь догадываться по неотчетливым следам). Второе титуло, напротив, весьма примечательно. Строки с первым кольцом царя: «владыка сотворения вещи (т. е. правящий храмовую службу) Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ», строка со вторым царским кольцом: «владыка мышцы (искаженный знак, несомненно, нога быка) Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» («Эх-не-йот» написано более чем странным образом, см. ниже), лежащая строка под кольцами: «кому дано жить вечно вековечно».

Итак, выходит, что на необыкновенной плите были изображены и поименованы: на первом месте — Амен-хотп IV, на втором — Семнех-ке-рэ еще под первоначальным (см. ниже) его именем «Нефр-нефре-йот». Получается затем, что безымянные два царя на солнцепоклоннических памятниках действительно не кто иные, как Амен-хотп IV и его старший зять и преемник. Да, такие выводы были б неизбежны, если б на примечательной плите все обстояло благополучно, если б в том виде, в котором мы ее застаем, она и вышла из рук изготовителей.

Странное, определенно женское, а не женоподобное по образцу самого Амен-хотпа IV, телосложение выдаваемого за Семнех-ке-рэ лица озадачило уже издателя памятника, а несоответствие между тщательно выполненными изображениями и весьма небрежными надписями наталкивало Дж. Сэмсон на [100] мысль, не были ли нынешние надписи начертаны на месте других, изглаженных? Поскольку, однако, не удавалось в существующих начертаниях уловить что-нибудь, что могло бы сойти за остатки первоначальной надписи, вопрос оставался открытым.¹⁴ Более решительно возможность позднейшего видоизменения надписей допустил Х. В. Фэрмен в своих сопроводительных замечаниях к описанию плиты Дж. Сэмсон.¹⁵

В самом деле, приглядываясь пристально к царским титулам на плите, нельзя не заметить, что титуло Семнех-ке-рэ полно несуразных написаний, лишних черточек, отростков и выемок, которые не объяснить иначе, как приспособлением новых написаний к существовавшим прежде и неполным уничтожением прежних начертаний, не вошедших в состав новых. Как иначе понять написание слова «вещь» с перестановкою букв — если правильно чтение издателя — и, видимо, чертою, их соединяющей, причудливое начертание (посередине первого кольца Семнех-ке-рэ), которое издатель понимает как знак мотыки, но которое как будто больше похоже на знак пруда с невразумительными отростками на переднем конце, начертание знака бычьей ноги для слова «мышца», настолько диковинное, что ученые принимали его за знак витого бича, невиданное правописание слова «йот» в имени «Нефр-нефре-йот» с перестановкою букв *тин*, если верно чтение издателя и это *н* не просто *т*, попавшее в неизглаженную черту, изобилие лишних черточек в нижней половине второго кольца Семнех-ке-рэ, знак птицы в этом кольце, долженствующий изображать хохлатого ибиса, а на деле вовсе на него не похожий, ненужную черточку в слове «вековечно», а главное, неслыханное правописание имени «Эх-не-йот» в составе второго кольца Семнех-ке-рэ? Слово «йот» в составе этого имени выписано не полностью, не тремя буквами и знаком солнца, как то наблюдается бесчисленное количество раз на памятниках, но передано одним кружком солнца! Не может быть никакого сомнения в том, что титуло Семнех-ке-рэ привнесено впоследствии взамен изглаженной первоначальной надписи. Утверждать то же самое о титуле Амен-хотпа IV, предпосланном титулу Семнех-ке-рэ, несмотря на определенную, хотя и меньшую, небрежность начертания, представляется преждевременным до тщательного осмотра подлинника. Впрочем, имеется указание на то, что эти два титула, Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, были начертаны разными руками или

¹⁴ J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 232.

¹⁵ Ibid. P. 233.

в разное время: ободки колец в первом титуле много толще, чем во втором.

Следовательно, титул Семнех-ке-рэ на плите из Ах-йот — позднейшая вставка. Что же стояло на месте этого титула первоначально? Очевидно, титул особы, изображенной стоящей [101] позади Амен-хотпа IV. Поскольку телосложение этой особы определенно женское, надо полагать, что и титул ее вверху плиты был женским. Правильность такого заключения можно подтвердить путем сравнения изображения особы с изображениями царственных особ на прочих произведениях солнцепоклоннического искусства. Сравнение нарядов доказывает, что изображена на плите позади Амен-хотпа IV была действительно женщина. Если отвлечься от складчатого переда одежды, возможно свисающей перед особою, но на изображении не прикрывающей ее, особа представлена обнаженной. Обнаженные туловища и ноги, просвечивающие сквозь длинные складчатые одежды, — обычная вещь на солнцепоклоннических изображениях. Но без какого-либо более плотного прикрытия туловища ниже живота в таких одеждах изображаются только женщины. Не говоря уж о вельможах и других должностных лицах, которые изображаются не в женских, а мужских одеждах, нельзя не заметить, что и сам Амен-хотп IV, как ни похожи его облачения часто на женские, никогда не изображается стоя, с не прикрытою чем-либо плотным частью туловища ниже живота. Прикрытие может быть различным. Это может быть передник, опоясание, стенка колесницы или подоконник дворцового окна, но так или иначе прикрытие имеется. Известное по видимости обнаженное и бесполое изваяние Амен-хотпа IV из Эп-эсове, выполненное в ближайшее время после заключения солнечного имени в кольца, представляет странное исключение (ASAE XXXI: IV = ASAE XL: XXV = AeKHK: VI). Прикрытие имеется и на редких солнцепоклоннических изображениях Семнех-ке-рэ (EA II: XLI) и Тут-анх-йота (TT I: II = T I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou²: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LII) и, конечно, на изображении Тут-анх-йота, молящегося старым богам, ZAeSA XXXVIII: I 13, равно как и на изображении Семнех-ке-рэ в их обществе, о каковом изображении будет сказано в дальнейшем (см. гл. VII). Таким образом, особа, стоящая позади Амен-хотпа IV на загадочной плите, несомненно, женщина и титул над нею было написано, бесспорно, женское. Когда впоследствии это титул было заменено титулом Семнех-ке-рэ, нижняя часть изображения, несмотря на то, что была явно от изображения женщины, не подвергалась коренным изменениям. Было б, правда, очень существенно установить по подлиннику, укорочено ли одеяние, которое сейчас, если довериться неотчетливому в этом месте снимку, как будто значительно короче женского, или подол одеяния тоже не подвергался переделке. Очень любопытно было б, конечно, знать, в каком головном уборе выступала загадочная особа: были у нее на голове короткие ступенчатые накладные волосы или венец. В первом случае головной убор мог оставаться при переименовании особы в Семнех-ке-рэ без изменений, потому что такие накладные волосы носили тогда, [102] как известно, одинаково женщины и мужчины. Но если головной убор был женским синим венцом с плоским верхом или каким-либо другим, свойственным царицам, но не царям головным покрытием или украшением, то такой головной убор подлежал переделке.

Итак, замечательный памятник, который, казалось, снимает наконец покров неизвестности, лежавший на изображениях двух безымянных солнцепоклоннических царей и во всеуслышание называет их именами Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, оказывается сам загадкой, изображением не двух мужчин, а Амен-хотпа IV и таинственной женщины, переименованной впоследствии довольно небрежно чьей-то рукою в Семнех-ке-рэ. Не значит ли это, что плита из Ах-Йот становится теперь совсем безразличной, сторонней вещью для нас, исследующих изображения двух безымянных царей? Нет, не значит, наоборот, она поможет нам разобраться в этом вопросе. Это должно показаться странным. Разве не было только что показано, что на плите за Амен-хотпом IV представлена женщина, тогда как на трех изображениях второе лицо явно мужчина, поскольку увенчано мужским синим венцом и облачено в мужскую одежду? Какое отношение изображение Амен-хотпа IV с какою-то женщиной может иметь к памятникам, показывающим его с младшим царем-мужчиною? Но в том-то и дело, мужчина ли этот младший царь?

Начнем с памятника, явившегося отправною точкою для истолкования занимающих нас изображений как изображений двух царей-мужчин, старшего царя и царя-соправителя, Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ. Это — памятник А нашего перечня, плита из Ах-йот, сооруженная воином и изображающая старшего царя, ласкающего младшего. Совершенно точно, на младшем царе — мужской синий венец с выгнутым верхом и оттянутыми боками, и одет младший царь в одежду никак не женскую — не доходящую даже до щиколоток. И все же какая странность: вместо четырех колец, двух колец Амен-хотпа IV и двух колец Семнех-ке-рэ, перед царями начертано только три стоячих кольца, оставшихся, к сожалению, как и кольца солнца вверху, незаполненными. Г. Рёдер отметил эту странность («zusammen drei!»),¹⁶ но не сделал отсюда никакого вывода. Вывод же напрашивается сам собой.

Когда бы и где бы мы ни находили на солнцепоклоннических памятниках три кольца, стоящих бок о бок одно с другим и принадлежащих царственным особам того времени, это всегда и повсюду два кольца царя и одно кольцо царицы. И это правило подтверждено великим количеством примеров. Напротив, на другой плите из Ах-йот, которой мы до этого занимались и на которой задним числом было проставлено титуло [103] Сем-нех-ке-рэ, мы находим, как и следовало ожидать, четыре кольца: два кольца Амен-хотпа IV и два кольца Семнех-ке-рэ, поставленные все стоямя бок о бок одно с другим. Значит, число колец на памятнике А недвусмысленно свидетельствует, что сотоварищ старшего царя, обладатель всего лишь одного кольца, третьего из трех, не настоящий фараон, у которого было бы два кольца, а царица.¹⁷ Опять-таки, как и на переделанной плите, сотоварищ Амен-хотпа IV оказывается женщиной!

Теперь объясняются и женская грудь мнимого Семнех-ке-рэ, и ласковое прикосновение старшего царя к подбородку младшего, вызвавшее столько кривотолков в науке. Напомним, что первоначально никто не сомневался, что на памятнике А изображены царь и царица. Но как же на голове у царицы может быть мужской, а не женский, синий венец и почему, если это царица, она в мужской рубашке, не доходящей даже до щиколоток, а не в женском платье, которое покрывало бы самые ступни? Причиною того мы займемся в дальнейшем, сейчас же только заметим, что одежда на старшем все же более мужская, чем на младшем: у старшего она прикрывает лишь верх голеней, у младшего почти достигает щиколоток. Иными словами, одевание младшего царя намного ближе к женскому, чем у старшего, и это не случайность, а, как увидим дальше, закономерное явление.

Теперь о памятнике Б, незаконченной плите с изображением младшего царя, наполняющего чашу старшему. Таких недвусмысленных указаний на женский пол младшего царя, как на предыдущей плите А, здесь не имеется. Но сильно выдающаяся вперед грудь этого лица проще всего объясняется, если оно — женщина. Главное же, на единственном изображении солнцепоклоннической поры, которое отвечает имеющемуся на плите Б, на изображении наполнения чаши царю ЕА II: XXXII, наливает напиток царю его супруга — царица Нефр-эт, притом точь-в-точь из такого же продолговатого небольшого сосуда, как и то лицо в мужском синем венце. Сходство между обоими изображениями, конечно, давно обращало на себя внимание исследователей. О венце, как уже было сказано, речь будет позже. Пока же отметим, что, помимо него, ничто не препятствует признанию в венценосном виночерпии женщины. Напротив, женская грудь, значительно меньший рост и самый род оказываемых услуг вполне этому благоприятствуют. На первых порах никто ведь и не сомневался в том, что наливает напиток царю на плите Б его супруга.

На памятнике В, камне из Мэнфе с остатками изображения двух шествующих друг за другом царей, младший царь выглядит мужественней. Правда, такое впечатление основано на воспроизведении от руки, сделанном в середине прошлого века, [104] и будь в нашем распоряжении снимок, впечатление могло бы быть иным. Особенно придает мужской вид младшему царю пояс, повязанный не высоко под грудью, как то бывало у женщин, одетых в складчатые платья, а по-мужски над бедрами. Однако помимо маленького роста

¹⁶ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. S. 48.

¹⁷ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, 1968. С. 98.

второго фараона, что само по себе еще мало что доказывало б, в его облике имеется черточка, позволяющая усомниться в его мужском поле. Младший царь, судя по имеющемуся воспроизведению, следует за старшим фараоном слегка, но вполне заметно наклонившись вперед. Припомним, что и особа женского пола на переделанной плите из Ах-йот стоит позади Амен-хотпа IV тоже несколько наклонившись вперед.

Камень Г из Шмуна кажется на первый взгляд неоспоримым доказательством сосуществования двух солнцепоклоннических царей-мужчин. Как отмечает издатель, на обеих больших особах, которые почти одного роста, — мужские царские передники с отделкою по низу в виде ряда аспидов. Да и рубашки у обоих царей не до земли, как то полагалось для складчатых женских платьев. И тем не менее даже сами одежды, несмотря на весь их мужской покрой, при внимательном рассмотрении оказываются на младшем фараоне много более близкими к женским, чем на старшем. Рубашка на старшем царе доходит только до середины голеней, а сзади ниспадает совершенно отвесно, на младшем же царе спускается значительно ниже — ниже середины голеней, а сзади прикрыта складчатым плащом, свисающим ниже рубашки и, чем дальше к низу, тем больше отступающим от икр. Подобные плащи составляли обычное добавление к складчатым платьям у женщин и были переняты Амен-хотпом IV, любившим похожие на женские наряды, но очень редко встречаются у других мужчин того времени (в частности, на фараоне Семнех-ке-рэ такой плащ накинута поверх рубашки на изображении EA II: XLI). Таким образом, наряд младшего царя на камне Г далеко не столь выраженно мужской, как наряд старшего царя. Это примечательно, потому что совпадает с тем, что наблюдается на памятнике А, где младший царь, который располагал лишь одним кольцом и потому должен был быть женщиною, тоже облачен в одежду хотя и мужскую, но все же много более близкую к женской, чем одежда старшего царя. Но не менее примечательно и то, что на маленькой женщине, следующей с гремушкой в руке за двумя большими особами на камне Г и являющейся, очевидно, царевною, платье тоже не доходит до земли, как то бывало у царских дочерей, но, как бы в подражание платью второй особы, точно такой длины, как у той.

Присутствие этой маленькой женщины позади двух первых особ большого размера может служить сильным доводом в пользу женского пола младшего царя. Маленький рост в противоположность большому росту предшествующих особ, сильно [105] вытянутый назад череп без признаков волос сзади, прядь волос сбоку и гремушка в руке — все это, вместе взятое, позволяет видеть в крошечной женщине позади двух фараонов царевну. Бесчисленные изображения дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт в обществе родителей служат тому хорошим подтверждением. Но те маленькие царевны никогда не бывают изображены без матери. Вспомним, что и в клятве царя на вторичных и третичных (см. § 41) пограничных плитах Ах-йот дочери считаются находящимися в непосредственном ведении не царя, а царицы: «(Как) услаждается сердце мое женою царевой да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот (и) дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно» (EA V: XXVII-XXVIII). Изображений, где кто-либо из этих маленьких царевен следовал бы за царем, а не за царицею, насколько мне известно, не существует. Не приходится сомневаться в том, что и на памятнике Г маленькая царевна следует за своею матерью и что, следовательно, младший фараон — женщина.

Сходное заключение неизбежно и в отношении памятника Д — оттиска печати с изображениями двух сидящих больших царей (из которых задний в мужском синем венце обнимает переднего) и, видимо, стоящей за ними маленькой особы. Насколько можно распознать, у этой последней голова вытянута назад и без признаков волос. Вместе с маленьким ростом эти две особенности свидетельствуют о том, что стоящая позади особа скорее царевна, чем царица. А если маленькая особа царевна, то задняя сидящая особа в мужском синем венце должна быть ее матерью, так как, по сказанному выше, нельзя

ожидать, чтоб маленькая царевна была изображена с двумя царями-мужчинами без матери. Положение в общем такое же, как и в случае предыдущего памятника, и заключение, сделанное относительно его, позволяет умозаключить сходным образом и об изображении на не совсем четком оттиске маленькой печати. То, что на этом оттиске именно задняя особа, младший фараон в синем венце, обнимает переднюю, подкрепляет предложенное толкование. Поскольку только одно лицо из двух обнимает другое и сидит вдобавок за ним, трудно, в силу приемов тогдашнего искусства, не счесть обнимающее лицо за женщину.

Остаются памятники Е и Ж — два оттиска одной и той же печати с изображением двух царей под лучезарным солнцем; старшего — больших размеров и младшего — меньших размеров. То, что на голове старшего царя — красный венец, а на голове младшего — мужской синий, роднит это изображение [106] с изображением на плите А, где младший царь, располагавший титулом с одним только кольцом, оказался, царицей.

Подведем теперь итог нашему обследованию изображений двух безымянных царей. Вывод касательно пола младшего из них может быть только один: младший фараон — женщина. Этот младший царь всегда в мужском синем венце — самом близком к синему женскому, в отличие от старшего царя, который на этих изображениях никогда не бывает в синем венце. Младший царь неизменно, когда можно распознать одежду, одет по-мужски, но столь же неизменно его одежда длиннее одежды старшего царя, приближается к женской. Младший царь почти всегда меньше ростом, чем старший, что свойственно женским изображениям. Он часто делает именно то, что пристало бы делать супруге: обнимает старшего царя, принимает от него ласки, наполняет ему чашу. Наконец, и это особенно важно, младший царь располагает титулом, включающим в себя только одно кольцо, иными словами, титулом царицы, а не настоящего царя, тогда как в титул старшего царя входят два кольца.

Но если младший фараон — женщина, то кто же она, эта цареподобная особа? Царица Нефр-нефре-йот Нефр-эт, как полагали первоначально? Но со времени выхода статьи П. Э. Ньюберри все доподлинно знают, что младший царь носил мужской синий венец, тогда как царица Нефр-эт носила синий венец женский. Да и помимо венца у младшего царя черты совершенно несвойственные Нефр-эт. Последняя никогда не держит в руке крючковатого скипетра, как младший царь на оттисках печати Е и Ж, и никогда не носит, как он на памятнике Г, царского передника с подвесками в виде ряда аспидов. Ни на одном из ее бесчисленных изображений, по крайней мере из известных мне, она не одета в платье, которое не ниспадало бы до самых ступней или — чаще всего — до самой земли (сомнительные исключения ЕА II: XXXVII = XXXVIII и ЕА III: XIII вряд ли могут идти в счет, потому что царица скрыта за фараоном). На младшем же царе на памятниках А и Г одежды, не доходящие до щиколоток. На царице Нефр-эт почти никогда не видно и столь низко повязанного пояса, как на младшем царе на памятнике В (исключение — RMVI: LIV 9 = SAK II: III 2¹⁸). Наконец, что чрезвычайно важно, ни на одном из бесчисленных изображений царицы Нефр-эт она, насколько могу судить, ни разу не держит в руке веера — большого пера на длинной рукоятке, составлявшего принадлежность высоких придворных сановников — «носителей веера одесную царя» — и придворных жен из царского сопровождения. Подобный веер не видим мы и в руках у других цариц солнцепоклоннического времени: ни у Тэе (JEA IX: XXI 1 = EE 1922-1923: 43, JEA XII: I [107] = ARK: VII = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE²: XXII b, ЕА III: IV, VI, VIII = IX, XVIII = TQT: XXXII, ср. также изображения ее изваяний ЕА III: VIII = X + XI + XXV G), ни у цариц Ми-йот (ЕА II: XLI) и Анхес-эм-п-йот (TT I: II = T I: Titelbild = Tyr: I = SA III: XVII = Tou²: против 64 = Tut: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LII = AANE: 187 = VMPh: VI = B Неф: VI цветная = CT: IV). Его часто носит сестра царицы Нефр-эт — Бенре-мут (ЕА II: VII, VIII, ЕА VI: II, XVI, XVII, XXVI, XXVIII, ср. ЕА II: XXXIII = XXXIV; без веера — ЕА II: V два раза, ЕА VI: IV; неясно из-за повреждений — ЕА V: III). Один раз мы находим его в руках у четырех царевен, однако их мать, царица Нефр-эт, и тут не держит его (ЕА III: XVIII). И вот этот веер держит в руке младший царь, следуя за старшим на изображении В, как если б был только

¹⁸ B. Löhr. Aḥanjāti in Memphis // SAK. Bd 2, 1975. S. 156.

членом царского сопровождения. Допустим на мгновение, что под самый конец своего царствования Амен-хотп IV по неизвестной причине уступил царице Нефр-эт свой синий венец, вручил и ей также крючковатый скипетр и облек ее в мужской фараоновский наряд. Каким образом после такого повышения в сане могла бы Нефр-эт низойти до ношения за супругом веера, того веера, который она не носила, будучи просто царицей, который носили подданные-придворные, а в царской семье самое большее — царевны? Нет, несомненно, младший царь не Нефр-нефре-йот Нефр-эт.

В своем месте было сказано, что отправною точкою для решения загадки двух царей нам послужит переименованная плита из Ах-йот, на которой Амен-хотп IV изображен в сопровождении неизвестной женщины, чье изглаженное титуло было заменено титулом Семнех-ке-рэ. Вернемся к этой плите. Может ли быть неизвестная женщина царицей Нефр-эт? Нет, не может, потому что Нефр-эт ни разу не изображена где бы то ни было смиренно наклонившеюся позади стоящего прямо супруга. А так именно изображена неизвестная на плите. Но если эта женщина не царица Нефр-эт, то не есть ли эта незнакомка та самая женщина, которая кроется за обликом младшего царя? Своим смиренным наклоном вперед женское изображение на плите не может не напомнить младшего фараона, как он представлен на камне из Мэнфе (памятник В), следующим слегка наклонившись вперед за старшим царем, со своим отнюдь не царским веером в руке. Трудно не предположить, что особа, переименованная на плите из Ах-йот в Семнех-ке-рэ, и особа, переименованная на изображениях из южной усадьбы и Шмуна в Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, одно и то же лицо; множить без надобности таинственных спутниц фараона у нас нет оснований. Мы уже обратили внимание на сходную осанку у женщины, переименованной на плите из Ах-йот в Семнех-ке-рэ, и у младшего царя на камне из Мэнфе (памятник В): заметный наклон туловища вперед, не свойственный изображениям царицы. На камне из Шмуна ZAeSA LXXIV: 105 = ARH: XIX 234–VI мать царевны [108] являет ту же особенность, только еще более резко: эта особа стояла глубоко наклонившись, надо полагать, позади фараона. Излишне повторять, что изображений царицы Нефр-эт в подобном положении неизвестно. Но у склоненной особы на камне из Шмуна и у младшего царя на камне из Мэнфе оказывается еще одна общая черта. Тот младший царь держит в руке веер большое перо на длинной рукоятке, склоненная особа несла палку или трость, подобно тому вееру тоже никогда не встречающуюся на солнцепоклоннических изображениях в руках у цариц. Но несоизмеримо более существенно, что за младшим царем на одном камне из Шмуна (памятник Г) следует царевна, притом одна, совсем как за особою, выдаваемою за Ми-йот и Анхес-эм-п-йот на камнях из того же Шмуна и из усадьбы. Как уже было сказано, присутствие царевны позади младшего царя выдает с несомненностью, что этот младший царь на самом деле женщина, мать царевны. Круг смыкается: спутница Амен-хотпа IV на плите из Ах-йот, переименованная в Семнех-ке-рэ, спутница Амен-хотпа IV на камнях из Шмуна и усадьбы, выдававшаяся за Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, и сотоварищ Амен-хотпа IV — младший царь, по всей видимости, одно и то же лицо. Но кто же тогда эта загадочная особа, как не Кэ́йе?

Изложенные изыскания сделали это весьма вероятным. Но есть еще один памятник, позволяющий считать вторым фараоном Кэ́йе с вероятностью, граничащей с достоверностью. Это — камень из Шмуна ARH: X 826–VIII A.

У левого края камня — остаток ободка отвесного царского кольца и, возможно, кончик буквы *m* от звания, стоявшего над кольцом. Правее — второе отвесное кольцо, сохранившееся на две трети с неповрежденным званием над ним. Далее следуют верхние половинки двух отвесных строк с титулом царевны, отграниченных отвесною чертою от колец, одна от другой и от правого края камня. Что правее ничего больше не было, доказывает условное изображение неба над надписью, «опирающееся» концом на ближайшую к правому краю камня ограничительную черту. Ниже колец был некогда изображен царь; в узком пространстве под двумя отвесными строками, содержащими титул царевны, могло уместиться лишь изображение маленькой девочки. Восстановив под кольцами продольную

строку с многолетием и предположив, что отвесные строки с титулом царевны кончались обе на одном уровне с царским надписанием, мы должны будем восстановить в конце второй отвесной строки наименование «Малая» (*m' шрт*).

[Царь (и) государ]ь (?)	Сын Рэ	Дочь царева	эм-
[Анх-шепр.-рэ]	Нефр-нефре-йот	от утробы его	п-йот
[Ми-нефр-шепр-рэ]	Ми-[ва-н-рэ]	[возлюбленная его]	[Ма-]
[(кому) дано жить вечно вековечно]		[Анхес-]	[лая]

[109]

Титуло Анхес-эм-п-йот, несомненно, не исконное, а вставлено при переделке надписи, как и на прочих подобных камнях из Шмуна (см. гл. III и VII). И написано оно много крупнее, чем предшествующее ему кольцо и его заголовок («сын Рэ»). Но если титуло царевны — позднейшая вставка, то и имена Семнех-ке-рэ в обоих кольцах не могут не быть таковою. Ведь маленькая царевна до ее переименования должна была стоять за своею матерью Кэ́йе. Однако почему место Кэ́йе не заняла, как обычно, мать младшей Анхес-эм-п-йот Анхес-эм-п-йот старшая, а занял вопреки всякому смыслу и обыкновению фараон Семнех-ке-рэ, женатый на Ми-йот и никакого прямого отношения ни к старшей, ни к младшей Анхес-эм-п-йот не имевший? Не произошло ли такое потому, что Кэ́йе была изображена не в виде женщины, а в виде фараона? Переименовать женское изображение было проще простого, а переделать фараоновское в женское — сложно. Но маленькая девочка должна была стать не Ми-йот Малой, а Анхес-эм-п-йот Малой, если данная божница Кэ́йе была передана не Ми-йот старшей, а старшей Анхес-эм-п-йот. Выходит, таким образом, что камень из Шмуна ARH: X 826—VIII A сохранил нам частично то надписание, которое некогда могло значиться над изображением, сохраненным в его нижней части другим камнем из того же Шмуна (MDAIAK XIV: XI 1 = TЗГ: 97 = ARH: XVI 406—VII A), изображением двух фараонов, от которых уцелели лишь ноги, и маленькой царевны (см. выше). Иными словами, на обоих изображениях должны были быть первоначально представлены служащими солнцу Амен-хотп IV, Кэ́йе в виде фараона и ее маленькая дочь. [110]

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОПЕРНИЦА ЦАРИЦЫ

С раскрытием тайны золотого гроба и найденных с ним погребальных сосудов, с опознанием хозяйки южной усадьбы и северного дворца, с установлением личности царственной особы из Шмуна, с прочтением по-новому ряда скорописных известий, с разгадкой загадки второго фараона мы оказываемся в обладании обильными источниками о любимице Амен-хотпа IV Кэ́йе. Теперь ее место в тогдашних событиях не может не представиться нам в совсем новом свете и много более значительным, чем казалось сперва. Мы очутились вдруг перед лицом множества свидетельств, по-разному представлявших возлюбленную фараона: то царственной женщиной, то мужеподобным царем, то одну с Амен-хотпом IV, то в сопровождении дочери — свидетельств из собственно Ах-йот и из его окраин, южной и северной, из Нэ, Мэнфе, Шмуна, западного Низовья, свидетельств, представленных дворцами, садами, божницами, изваяниями, круглыми и плоскими, золотым гробом, сосудами, печатями, скорописными записями. Разобраться в пестром нагромождении разнородных показаний — задача нелегкая. Источники чрезвычайно отрывочны и бессвязны, однако все-таки, если главные загадка разгаданы правильно, она в какой-то мере осуществима.

На положении побочной жены венценосного возлюбленного мы застаем Кэ́йе сравнительно рано — через несколько лет после появления рядом с ним его царицы, «жены царевой великой» Нефр-эт.

Древнейшее вещественное и письменное свидетельство о Кэ́йе, место которого в цепи памятников царствования может быть определено точно, представляют два невзрачных сосуда, несомненно принадлежавших когда-то царской любимице (JEA XLVII: 29, 30). Оба они были надписаны одинаково, но на одном из них (втором) кольца солнца теперь отбиты. Солнечным кольцам «предстояли» кольца царя, а за ними тоже отвесно было написано в трех строках титул хозяйки сосудов: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (последнее обозначение пропущено на первом сосуде) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на втором сосуде "живого" повторено ошибочно в начале новой строки), который будет жив вековечно вечно, Кэ́йе». [111]

Солнечные кольца — ранние, но уже с многолетием «(кому) дано жить вечно вековечно» (см. § 30), так что сосуды не древнее III (см. § 36) и не позднее VI (см. § 39) солнечного титула. Иными словами, они были надписаны между 8-м (см. § 36) и 12-м (см. § 25) годами царствования. При этом вероятно то, что они были изготовлены ближе к 8-му году, чем к 12-му, потому что в обоих случаях над кольцами царя значится дважды владыческий заголовок: «владыка обеих земель» — «владыка венцов», при ранних солнечных кольцах более употребительный в первые годы по их введению, нежели в последующее время (см. § 62). Любопытно, что уже на этих древнейших памятниках титул Кэ́йе как бы занимает место колец царицы позади фараоновых в молитвенном предстоянии кольцам солнца. Хотя имя Кэ́йе, как и годы спустя, остается не вписанным в царственное кольцо, но на одном из сосудов (первом) определитель к ее обозначениям «жена» и «Кэ́йе» изображает не просто сидящую женщину, а женщину с венчиком цариц на голове. Такие венчики бывали составлены из вздыбленных изображений царских аспидов. Венчики бывают на определителях к имени царицы Нефр-эт (см. § 77, 80), но на определителях к именам ее дочерей они до конца царствования не встречаются. Определитель к имени Кэ́йе держит что-то в руке, но что — по изданию не определить. Однако на «бич» (т. е. махалку), который часто держит в руке определитель к имени царицы (см. § 77, 80), этот предмет как будто бы не похож, да и уместиться хвостам «бича» здесь было б негде. Судя по изданию, определитель очень близко придвинут к спинке предшествующего знака коршуна, последней буквы в имени Кэ́йе.

Следующее по времени, если только не одновременное, известие о Кэ́йе доставляет нам ее гроб, изготовленный, очевидно, впрямь задолго до ее кончины. Такого рода

предусмотрительность не представляла ничего необыкновенного при солнцепоклонническом дворе. Алавастровый ящик с сосудами для внутренностей самого Амен-хотпа IV был изготовлен и надписан за много лет до его смерти, еще при ранних солнечных кольцах (ASAE XL: LII, EA VII: 30, 31, 32, XXII 10). При ранних солнечных кольцах или самое позднее вскоре после замены их поздними был надписан и гроб Кэ́йе: в непеределанных частях шести надписей царь уже «живущий правдою» (см. § 64), а в трех из них слово «правда» передано человекообразным знаком-изображением Мэ (TQT: 18 = WFAO XII: 149-150 = ASAE XXXI: 100 [= отчасти I] = отчасти TTA: 169 CXCVI A-B; см. § 108). Обшитый золотом снаружи и внутри, испещренный богатыми многоцветными вставками, этот гроб до открытия гробов Тут-анх-амуна был самым роскошным из всех дошедших до нас от фараоновского Египта. Изготовленный не позже как около времени переделки ранних солнечных колец в поздние, он свидетельствует недвусмысленно о том, что Кэ́йе занимала совершенно [112] исключительное положение подле фараона еще при ранних солнечных кольцах. На гробе многократно повторено было ее титуло, то же самое, что и на сосудах: «[Жена-]любимица большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэ́йе» (см. гл. IV). Перед нами, следовательно, твердо установленное титуло, так что отношения Амен-хотпа IV и Кэ́йе определились и получили свое торжественное и строгое выражение в ее титуле до переделки ранних солнечных колец в поздние.

Вместе с тем нельзя не заметить, что приведенное титуло в корне отлично от титула царицы (см. § 74–90). Ни одно звание Кэ́йе не намекало на причастность к государственной власти: «владычицей обеих земель», «госпожою Верхнего (и) Нижнего Египта» побочная жена фараона не была. Она оставалась частным лицом, и в ней не видели ничего такого, что позволяло бы желать ей, как Нефр-эт, «жить вечно вековечно». Имя Кэ́йе не заключено в кольцо. Она — не «жена царева великая», а просто «жена» такого-то царя. При этом определение к имени фараона («отрок добрый Йота живого, который будет жив вековечно вечно») составлено, как то было отмечено Х. Шэфером,¹ по-новоегипетски, а не на среднеегипетском языке, на котором сложено титуло царицы. Разговорная, обиходная новоегипетская речь — «просторечье» — была приемлема по отношению к побочной жене; полноправную же царицу величали по завещанному прадедами способом — на старинном языке.

Ко времени изготовления гроба Кэ́йе не имела и права на царскую налобную змею — другое отличие от настоящей царицы. Изображение аспиды, прикрепленное ко лбу человекоподобного гроба Кэ́йе, должно быть позднейшим добавлением. Трехкратное написание слова «правда» на гробе знаком Мэ (WFAO XII: 149-150), вышедшим из употребления вскоре после переделки солнечных колец в поздние (см. § 108), предрасполагает считать гроб изготовленным и надписанным, скорее всего, еще при ранних солнечных кольцах,² тогда как на аспиде значатся поздние (TQT: 19 = II). Определенно позднейшее происхождение этого аспиды доказывает сравнение гроба с изображениями Кэ́йе на плитах из усадьбы на юге Ах-йот. Эти плиты надписаны поздними солнечными кольцами, и тем не менее Кэ́йе, хотя и представлена здесь с теми же «ступенчатыми» короткими накладными волосами на голове, что и на гробе, не имеет ни в одном случае царского аспиды на лбу (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J + M, XXXIV 1 = LVI 273 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129, ср. CA I: XXXV 11). Таким образом, и [113] на золотом гробе она хотя и торжественно признанная, но все же только возлюбленная фараона без права на кольцо вокруг имени и на налобного аспиды. Ее близость к царю нашла отчетливое выражение в полной любви заупокойной молитве к нему, начертанной на подошвах человекообразного гроба. Однако ровней царице Кэ́йе в ту пору еще не была.

От поры ранних колец не дошло даже намека на какие-либо сооружения в честь Кэ́йе. Сама усадьба на юге солнцепоклоннической столицы в первые годы по ее основании

¹ H. Schäfer. *Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna* // ZAEsA. Bd 55, 1918. S. 4.

² C. Aldred. *The tomb of Akhenaten at Thebes* // JEA. Vol. 47, 1961. P. 45.

устраивалась совсем не для Кэ́йе. В величественном преддверии, ведущем в южный сад (северного сада тогда еще, возможно, не было), были в те годы изображены и поименованы (вместе с царем царица Нефр-эт и ее дочь Ми-йот, а не Кэ́йе с дочерью — СА I: XXXIV 4, XXXV 8, LX 131. На первом обломке многолетие царицы [«жива она веч»]но вековечно!» указывает на время не раньше III (см. § 36) солнечного титула (см. § 82); знак протока для *mr* на всех трех обломках позволяет полагать, что они не позднее того же III солнечного титула (см. § 104). Впрочем, и в ближайшие затем годы царица с дочерью (дочерьми?) продолжала именоваться в надписях преддверия, поскольку имеются куски титула царевны со знаком пруда для *mr* (СА I: LX 129, 132, 133), что может указывать на время после III солнечного титула (см. § 104). Во всяком случае, среди прочих обломков титул Нефр-эт ни один не содержит указаний на время после переделки солнечных колец в поздние. Напротив, определитель к имени царицы с перьями (СА I: XXXII 1, XXXIV 5, см. § 80) и сами ранние солнечные кольца, встречающиеся то тут, то там с ее именем (СА I: XXXII 1), говорят о времени более раннем. От поры ранних солнечных колец не дошло и изображений Кэ́йе вместе с царственным возлюбленным.

Подобное положение сохранялось, видимо, в течение долгих лет, так что и на протяжении какой-то части поры поздних солнечных колец незаметно существенных перемен. Как мы только что отметили, ни на одном изображении на плитах из южной усадьбы Кэ́йе не носит на лбу царской змеи; эти же плиты определенно времени поздних солнечных колец. Мало того, ни один луч-рука лучезарного диска на этих изображениях не простирается до Кэ́йе, не протягивает к ее носу знак жизни, хотя тут же солнечные лучи-руки подносят знак жизни к носу царя. Следовательно, побочная жена царя по-прежнему не чета царице; не располагает, как та, правом на налобного аспида, на получение знака жизни из солнечных рук, на их прикосновение, не говоря уж о праве на кольцо вокруг имени.

Обиходная разговорная новоегипетская речь звучит по-прежнему в титуле побочной жены, тогда как в титуле царицы, как и в титулах других особ царского дома, по-прежнему старинные среднеегипетские обороты. Усадебные плиты знакомят [114] нас с дочерью Кэ́йе и отчасти с титулом этой девочки. Нет причин полагать, что дочь Кэ́йе родилась после переделки солнечных колец из ранних в поздние; вполне возможно, что девочка родилась раньше и носила свое титуло, подобно матери, еще при ранних солнечных кольцах. Однако твердых оснований утверждать это не имеется.

И все-таки, как ни умалена на усадебных изображениях по сравнению с супругой царя его побочная жена, она все же служит, подобно той, вместе с фараоном его солнцу. Да и не только служит, а имеет собственную божницу ее имени. Ведь ряд изображений совместного служения солнцу царя и его побочной семьи происходит именно из такого места почитания солнца в южной усадьбе — из «сени Рэ» побочной жены царя Кэ́йе. «Сени Рэ» своего имени в солнцепоклоннической столице имели мать царя Тэ́йе (ЕА III: VIII = IX-XI), его старшая дочь царевна Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 210-211 = TTA: 159 CLXXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV) и, согласно царской клятве, должна была получить «жена царева», т. е. Нефр-эт (пограничные плиты Ах-йот К, строка 15 — ЕА V: XXX = XXXVIII = TTA: 113-114 и X, строка 17 — ЕА V: XXXII). Что «сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царевой — жива она! — на юге», упомянутая в неизданной скорописной пометке (СА III: 201), принадлежала Нефр-эт, далеко не достоверно. Если вместе с издателем считать, что имеется в виду «сень Рэ» в южной усадьбе,³ то эта «сень Рэ» была имени Кэ́йе, а не Нефр-эт (см. гл. II). Правда, у членов основной царской семьи «сени Рэ» бывали обширными самостоятельными зданиями, как у Тэ́йе, или числились за самим государственным храмом солнца, как в случае царевны Ми-йот. У Кэ́йе же ее «сень Рэ» была пока что скромным сооружением в пригородной усадьбе, и тем не менее это была все-таки «сень Рэ», солнечный храм ее имени, как у настоящей царицы.

Но и «сень Рэ» в самом средоточии солнцепоклоннической столицы, там, где были государственный храм и главный дворец, не заставила себя долго ждать. Именно из этой

³ H. W. Fairman, J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 201.

«сени Рэ» должны быть многие камни из числа перевезенных в Шмун для строительных надобностей из соседней с ним солнцепоклоннической столицы, когда та была покинута и разорена. Эта «сень Рэ» Кэ́йе должна была быть если и не большим, то все же представительным сооружением, судя по количеству камней, на которых изображения и титула Кэ́йе были переделаны на имя Анхес-эм-п-йот, которой молельня была присвоена под названием «сень Рэ дочери царицы от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» (см. гл. III). Что за храмовая постройка перешла [115] от Кэ́йе к Ми-йот под названием «дома дочери царицы Ми-йот в доме Йота в Ах-йот», остается несколько неясным.

Во всяком случае, это была постройка из камня и сравнительно крупная, судя опять-таки по количеству камней из Шмуна с изображениями и титулами Кэ́йе, переделанными на имя Ми-йот (см. гл. III). Возможно, сестры поделили «сень Рэ» Кэ́йе. Изображения Кэ́йе на камнях из Шмуна отражают дальнейшее ее возвышение. Теперь лучи многорукого солнца уже тянутся к ней и подносят ей знак жизни, как если бы она была самой царицей (ZAEsA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI, MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 507–VI A + 311–VI A, ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI PC 27, ARH: XXXII 772–VIII, XXXIV 150–VIII D, ср. XVIII 652–VIII B). В южной усадьбе они ни того, ни другого еще не делали. Тем не менее на камнях из Шмуна имя Кэ́йе ни разу не заключено в кольцо, как то подобало царице (MDAIAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII, ARH: XXXII 153–VIII = LVII 135–VIII, ср. LIII 149–VIII C, CXI 438–V A). Зато многолетие «жива она!», по-видимому, нередко сопровождало имя Кэ́йе, судя по тому, что на камнях из Шмуна оно, вопреки принятому обыкновению, часто оказывается после имени царицы, к которой перешел храм (MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 311–VI A, ARH: LIII 149–VIII C, CXI 438–VIII A, CXXXIV 983–VIII A, CLIX 448–VIII — многолетие «жива она вечно вековечно!», ср. LXXVIII 91–VIII C, CXXXIV 983–VIII C — многолетие «жива она вечно!»), и даже после имени ее дочери (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII C = ARH: XXIX 632–VIII A). В южной усадьбе многолетие «жива она!» встречается всего-навсего один раз после имени заступившей Кэ́йе во владении усадьбой царицы Ми-йот (CA I: LIX 43), после имени же самой Кэ́йе — ни разу (CA I: XXXII 3 дважды, XXXV 9). Возможно, впрочем, что многолетие «жива она!» было употреблено после имени Кэ́йе на ее золотом гробе еще при ранних солнечных кольцах или в ближайшее время после переделки их в поздние (см. гл. IV). В остальном титул Кэ́йе, судя по остаткам его на камнях из Шмуна, оставался таким же, как в южной усадьбе, т. е. к случаю придуманным титулом побочной жены, а не общепринятым титулом полноправной царицы, новоегипетским, а не среднеегипетским, как у той.

Однако на тех же камнях из Шмуна мы находим во всяком случае одно, а то и два или три изображения, указывающие на дальнейшее возвышение Кэ́йе. На тех камнях, где она превращена в царицу, на лбу у нее нет царской змеи, совершенно так же как нет ее и на лбу превращенной в Ми-йот Кэ́йе в южной усадьбе. Но вот на одном камне первоначальное изображение особы, служившей вместе с царем его солнцу, было увеличено; в увеличенном изображении по серьгам нетрудно узнать Кэ́йе (см. гл. III); одна солнечная рука-луч коснулась [116] приставленного ко лбу царского аспиды, а другая поднесла к носу знак жизни (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI PC 27 = SAK II: 83). В итоге прическа и аспид врезались в солнечную руку, зато изображение Кэ́йе, хотя и с запозданием, было увенчано царской змеею, до того присвоенной только царю и царицам Нефр-эт и Тэ́йе. Одновременно в руку Кэ́йе вложили гремушку (систр), которою Нефр-эт и ее дочери да и сама Кэ́йе вместе со своей дочерью (на усадебных изображениях — CA I: XXXIV 1 = TЗГ: 70, CA I: XXXII 2, XXXV 9) «умиротворяли» солнце. Кисть руки нарастили, так что рука перестала держать первоначальное подношение — широкую длинную ленту. С веером, но еще без налобной змеи Кэ́йе, если это только она, изображена на камне ARH: CLXXXVIII PC 107. Веер Кэ́йе, по всей видимости, носила за царем и впоследствии (Ae: I 5 = MDOG LVII: 10 = JEA XIV: 8 = TЗГ: 95 = SAK II: 156). Ступенчатые накладные волосы и серьги, общие у Кэ́йе с женщинами из царского сопровождения, она сохраняет и на том камне, где она увенчана царской змеею.

Если на камне из Шмуна 150–VIII D (ARH: XXXIV) одна из солнечных рук-лучей действительно тянулась к царскому аспиду на лбу спутницы фараона (другая рука подносила

ей знак жизни), то присвоение налобной змеи побочной жене царя не повлияло на ее титул. Остатки его на камне («- - цар[я] (и) [госуда]р[я] - - -») предполагают прежний его состав. Однако издатели не упоминают царской змеи на лбу второй особы (ARH: 127), так что положиться на снимок было бы неосмотрительно.

Вероятно, около того самого времени, когда сооружалась божница Кэ́йе в самом средоточии Ах-йот, она стала хозяйкой дворца на севере города, точнее, его совладелицей вместе с венценосным возлюбленным (см. гл. II). Единственная изданная пока надпись из северного дворца содержала после имени Кэ́йе, замененного именем царевны Ми-йот, многолетие «жива она!» (JEA X: XXXIII 3), в подобных случаях еще исключительно редкое в южной усадьбе (CA I: LIX 43), но довольно частое на камнях из Шмуна (см. выше).

За годы, следовавшие за переделкою солнечных колец из ранних в поздние, когда Кэ́йе были предоставлены и отделаны на ее имя южная усадьба, северный дворец и божница в главном месте почитания солнца, побочная жена царя поднялась на высоту, близкую к той, на которой стояла царица. Нефр-эт остались только главный дворец и придворцовый храм «двор Йота», куда соперница не проникала. Но юг и север Ах-йот были уже за Кэ́йе, да и в самом средоточии столицы подле большого дворца появилась божница имени царской возлюбленной. Однако уже наставал час, когда побочной жене фараона суждено было, видимо, вознестись выше самой царицы. Если второй фараон действительно Кэ́йе, то она под конец [117] царствования своего возлюбленного стала его венценосным сотоварищем.

Этому сотоварищу Амен-хотп IV отдал свой фараоновский синий венец. Отныне именно в нем появлялся на памятниках новоявленный второй царь. Неотъемлемой частью венца был царский аспид. В руки женственный венценосец получил царский скипетр. Но, увенчанный фараоновским венцом, держащий фараоновский скипетр, он должен был облечься в соответствующие им фараоновские одежды: получить право на царский передник, убранный по низу изображениями аспидов, носить по-мужски укороченное складчатое одеяние. Правда, было сделано некоторое послабление: складчатое платье младшего царя оставалось шире, чем одеяние старшего, да и длина облачения была у него большею, чем у того.

Для подданных женственный фараон становился предметом поклонения вместе с Амен-хотпом IV и самим солнцем. К. Дерош-Ноблькур⁴ правильно подметила, что второй фараон, которого она вместе со всеми принимает за Семнех-ке-рэ, заменил тут царицу Нефр-эт. Возможно, что маленькая плита с незаконченным изображением второго царя, наполняющего чашу первому (памятник Б), была тоже заказана частным лицом, но достоверно это известно о другой небольшой плите с изображением царей за столом (памятник А). Надпись на ней сообщает, что ее «сотворил воин (корабля или подразделения) Воссиявший в правде» («Воссиявший в правде» — отличительная часть первого из пяти имен высоко чтимого Амен-хотпом IV Амен-хотпа III). Значит, даже простой воин находил нужным заказывать маленькую плиту с изображением новоявленного фараона! Самому солнцу, представленному вверху плиты, не оставалось ничего другого, как одинаково ласково простирать к тому и другому царю свои руки-лучи и подносить к носу каждого по знаку жизни. И оба они восседают за столом почти как равные. Как это отлично от сходной плиты, на которой Кэ́йе была переименована в Семнех-ке-рэ (CA III: CVII 3 = CVIII = A: 104 = AOГ XXXVI: 13; см. гл. V)! Там она стояла, смиренно склонившись, позади своего повелителя, больше придаток к нему, чем предмет поклонения, но тогда она явно не была еще фараоном — ведь платье на ней чисто женское (CA III: LXXIII 8 = TЗГ: 99 = ZZR: между 128 и 129 = A: 104). Плита эта, видимо, была тоже частного лица, так как на обратной стороне изображено молящимся некое должностное лицо солнечного храма (CA III: LXXIII 9 + CVII 2, A: 106).

И все-таки, несмотря на венец, скипетр, царское облачение, второй царь не стал настоящим царем. Женственный фараон остался при одном имени, получил не два ободка для двух [118] имен, а только один, как царица. Мы видим второго царя всегда лишь в синем

⁴ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon, Toutankhamon. [P., 1963]. P. 163.

венце, тогда как старший царь то в красном нижнеегипетском, то в двойном всеегипетском, в венцах государственных, древних, не таких, как относительно недавно введенный синий венец. Все выглядит так, как если б младший царь имел право всего только на один, и притом второстепенный, венец, представлявший как бы мужское соответствие женскому синему венцу, более всего на него похожий. Изображали второго царя большей частью меньшего роста, в положениях, намекавших, что он — царь младший. В одном второй фараон даже уступал царице: он носил за Амен-хотпом IV веер, чего та никогда не делала, но что делали ее сестра и придворные да изредка царевны. Иными словами, второй царь был своего рода полуфараоном.

Когда же Кэйе могла быть поставлена в цари, когда могла она получить знаки царского достоинства? Изображений двух фараонов дошло до нас немного. Даже при позднем солнечном имени было еще такое время, когда Кэйе не располагала ни царским венцом, ни царской змеею, ни царским ободком вокруг имени, ни царской близостью к солнцу. Приобрести все это Кэйе могла не раньше, как под конец царствования Амен-хотпа IV. Если в скорописной пометке [1]6-го года его царствования (СА II: LVIII 16, см. гл. II) под «домом честной», которому принадлежало вино, следует разуместь хозяйство Кэйе, а это представляется вполне правдоподобным, то неужели тогда уже она могла быть фараоном? Неужели ее служащие смели б величать ее, царя, «честною», неужели б не употребили более подходящего обозначения, вписав его почтительнейше в кольцо? Поскольку остальные данные тоже указывают на конец царствования как время воцарения младшего фараона, предпоследний — 16-й — или последний — 17-й — год владычества Амен-хотпа IV мог быть вполне годом возведения Кэйе в цари.

А что произошло с Нефр-эт, с «женою царицы великой», если на моленных плитах, ставившихся для поклонения, ее место занял новоявленный фараон? Не постигла ли ее царская опала, или, может быть, она скончалась к этому времени?

Возможны три мнения о судьбе царицы: Нефр-эт умерла, Нефр-эт была изгнана, Нефр-эт примирилась с возвышением соперницы и осталась вместе с супругом.

Имеются ли сведения о времени кончины царицы? Прямых известий, на которые можно было бы положиться, у нас нет.

Существует, правда, любопытный рассказ, записанный А. М. Блэкмэном со слов известного писателя Райдера Хаггарда.⁵ Сам Р. Хаггард слышал этот рассказ от В. Дж. Лофти. В начале 80-х годов прошлого века местные жители нашли-де [119] в гробнице, по-видимому той, что была высечена в ущелье позади солнцепоклоннической столицы для фараона и его семьи, известное количество золотых украшений. На некоторых из них имелись будто бы имена Тэйе и Нефр-эт. Согласно В. Дж. Лофти, тут были также перевязи листового золота, помеченные именами тех же двух царственных особ. У В. Дж. Лофти не было с собою столько денег, чтобы купить вещи. В следующую зиму, в 1883 или 1884 г., он приобрел два кольца для двух других лиц, в том числе для Р. Хаггарда, однако золотые перевязи, по словам В. Дж. Лофти, были тем временем переплавлены.

Украшения, которые В. Дж. Лофти купил для себя, были затем приобретены у него королевским Шотландским музеем в Эдинбурге, однако там они были ради большей сохранности так хорошо убраны, что добраться до них А. М. Блэкмэну не удалось. Тем не менее директор музея передал ученому оттиски увесистого золотого перстня-печатки, на котором действительно было вырезано имя Нефр-эт (JEA IV: 45 = APHE: colour pl. XII = EA VII: L 274). Именные золотые перевязи приводили на память показания ряда лиц, имевших дело с останками из так называемой «гробницы Тэйе». По показаниям этих очевидцев, на останках лежали полосы листового золота, надписанные именем Амен-хотпа IV. Правда, впоследствии Ж. Даресси очень просто объяснил эти золотые перевязи на трупе как отвалившиеся с внутренней поверхности гроба куски надписей, однако недавние розыски С. Олдредда привели его к выводу, что на трупе в самом деле были золотые перевязи,

⁵ A. M. Blackman. The Nugent and Haggard collections of Egyptian antiquities // JEA. Vol. 4, 1917. P. 45.

впоследствии пропавшие. Чем бы ни были золотые перевязи, виденные В. Дж. Лофти, но если они происходили из царской гробницы и если они были надписаны именами Тэе и Нефр-эт, то они могли бы служить доводом в пользу того, что обе царицы были погребены в Ах-йот. Однако досадные «если» в сильнейшей степени мешают воспользоваться рассказом для каких бы то ни было заключений. Настораживает и то обстоятельство, что два перстня, попавшие в конечном итоге в собрание Р. Хаггарда, снабжены изображениями совсем не в духе исключительного солнцепочитания последних лет Амен-хотпа IV. На великолепном ложе из гробницы Тут-анх-амуна, выдержанном строго в том духе, чисто растительный узор заменяет привычные изображения старого хранительного божка Бэса (ТТ III: XXXII C = ГТ: CXXX B). На перстнях же Р. Хаггарда изображены: на одном — два Бэса (JEA IV: XIII 8 = EA VII: L 277), на другом — пляшущий и бьющий в бубен лев (JEA IV: XIII 7 = EA VII: L 278), все из того же круга упраздненных хранителей. На одном перстне из той же находки названа даже «Мут, владычица неба», отверженная жена Амуна (EA VII: L 275)!

Но если бы любопытный рассказ был даже во всем точен, [120] то мы все-таки могли бы вывести из него только то, что Нефр-эт скончалась и была погребена в солнцепоклоннической столице, видимо, в царской гробнице, в бытность еще двора в городе, но когда в точности, до или после смерти Амен-хотпа IV, мы из рассказа так и не узнали б.

Широко распространено мнение, что царица Нефр-эт под конец царствования супруга поссорилась с семьей и, уединившись на севере солнцепоклоннической столицы с маленьким Тут-анх-йотом, прожила там до его воцарения. К вопросу о семейной ссоре нам возвращаться незачем. Спросим себя только, на чем основано представление о проживании царицы на севере города с мальчиком Тут-анх-йотом?

При раскопках в северной части столицы были обнаружены косяки какого-то сооружения и притолока из частного дома, на которых имена Амен-хотпа IV были уничтожены, а имя Нефр-эт пощажено; то же можно было наблюдать на набалдашнике из одного из тамошних домов. Затем там были откопаны изложница для отливки двойных поливных щитков с именем царицы и не менее пятнадцати таких отливок. Тут же на севере столицы были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпа IV, в большом количестве Семнех-ке-рэ, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анхес-эм-п-йот. Однако вместе со щитками Нефр-эт встречались только вещицы с именами последней четы (см. JEA XVII: 242-243). Тем не менее обращение с именами на севере столицы вряд ли может иметь какое-нибудь отношение к проживанию там Нефр-эт после смерти Амен-хотпа IV, потому что трудно говорить об огульном истреблении уже тогда памяти царя-солнцепоклонника. Мы уже приводили наблюдения С. Олдреда, что на предметах дворцового обихода, найденных в гробнице Тут-анх-амуна, этот царь не трогал имен Амен-хотпа IV (исключение — сосуды АОг XXXVI: 13). Да и все, что известно по этому вопросу, заставляет думать, что последовательно преследовать память «супостата из Ах-йот» начали после запустения и разорения его столицы. Изложницы для двойных щитков с именем Нефр-эт были найдены в большом числе еще до раскопок севера города (TEA: XV 82, AeISMB II: 529 и т. д.), и не только в этой его части были найдены готовые щитки с именем супруги Амен-хотпа IV (TEA: XV 82, SEAPH: 41 и т. д.) и многочисленные вещицы с именами Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна и Анхес-эм-п-йот / Анхес-н-амун (TSBA IX: 351 = SEAPH: 41, TEA: XV, SCN: XXXVII, AeISMB II: 522, CA II: XLIX и т. д.). А то, что на севере столицы украшения с именами Нефр-эт и молодой четы находили иногда в одном месте, не слишком ли это узкое основание для широких построений?

Важнее кое-что другое. Еще от 17-го года, последнего года царствования Амен-хотпа IV, имеются скорописные пометки, [121] сделанные на сосудах с вином «дома (т. е. хозяйства) жены царевой — жива она!» (CA I: LXII G — многолетие не сохранилось, K = TTA: 181 CCXIX B). Поскольку от 10–11-го годов, дошли винные пометки «дома Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она!» (CA I: LXIV 1-2, LXII 1 без многолетия), склонны были в пометках 17-го года усматривать намеренное замалчивание имени царицы из-за гонения на нее, которое вычитывалось из остатков южной усадьбы. Впоследствии нашлись более ранние пометки 16-го

(СА III: ХСIII 218), 15-го (СА III: ХСIV 245), 14-го (СА III: ХСII 208) годов и, видимо, даже древнее 13-го года (СА III: LXXXVI 33, ввиду слова «сад», см. § 113), ограничивавшиеся тоже глухим упоминанием «жены царевой» без имени. Более того, оказалось, что «домом жены царевой — жива она!» хозяйство царицы в производственных пометках именовалось еще при Амен-хотпе III (JNES X: 44 7, 18; 48, 94, 147, 172; 54, 207; при Амен-хотпе IV хозяйство Тэ́йе прозывалось «домом Тэ́йе — жива она!» — ТЕА: XXII 14; ср. (вино) — «матери царевой - - -» — СА III: ХС 144). Предположить, что под «женою царевой» сперва подразумевали Нефр-эт, а под конец царствования стали подразумевать Кэ́йе потому-де, что хозяйство царицы под прежним обозначением перешло к сопернице, значило бы предаться ничем не оправданным домыслам. Таким образом, очень похоже на то, что Нефр-эт оставалась царицей вплоть до кончины супруга.

Если Нефр-эт до конца сохраняла свое положение, то понятно и объяснимо странное превращение царской возлюбленной в полуфараона. Раз синий венец царицы сохранялся за Нефр-эт, то Амен-хотпу IV, чтобы венчать и Кэ́йе, оставалось только уступить ей свой фараоновский синий венец. Если место «жены царевой великой» было закреплено за Нефр-эт, то поднять до уровня ее Кэ́йе иначе, как сделав ее вторым фараоном, не было способов. Воцарение Кэ́йе в таком случае было б одновременно плодом великой любви к ней фараона и проявлением внимания к исключительным правам Нефр-эт. Тогда, быть может, не так уж не правы памятники, до последних лет царствования прославлявшие дружбу царя и царицы.

Возникает естественный вопрос: когда именно памятники Кэ́йе были переделаны для других лиц — до смерти или после смерти Амен-хотпа IV? Сами переделки подсказывают первый ответ.

Действительно, и в царской усадьбе на юге Ах-йот, и на камнях из Шмуна титул Кэ́йе заменили титулами дочерей Амен-хотпа IV от Нефр-эт — Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, которые величаются в обоих случаях только «дочерьми царевыми», не «женами царевыми» и соответственно не имеют колец вокруг своих имен. Если для Анхес-эм-п-йот звание «дочь царева» вполне подходило бы и после смерти родителя, так как царицею [122] стала не она, а старшая сестра Ми-йот, то в приложении к этой последней звание «дочь царева» после смерти ее отца и воцарения Семнех-ке-рэ, «женою царевой великой» которого она стала, было бы вовсе не уместным. Не менее странно было б отсутствие кольца вокруг имени Ми-йот и опущение царской змеи на лбу на присвоенных Ми-йот изображениях Кэ́йе, если б к тому времени Ми-йот была уже царицею.

Последнее обстоятельство, отсутствие налобной змеи, приводит на ум одно любопытное изображение царевны, вероятно самой Ми-йот,⁶ вырезанное на обломке камня из большого дворца в Ах-йот (JEA XXI: XII 2 + 134 = СА III: LXVI 4 + 61) и ввиду резко искажительного способа выполнения относящееся к первым годам существования новой столицы (см. § 103). Ко лбу царевны приставлен царский аспид, и это сделано, несомненно, после ее воцарения, потому что ни на одном другом изображении какой-либо из дочерей Амен-хотпа IV, дошедших до нас от его царствования, налобной царской змеи нет. Вспомним также известные изображения военачальника Хар-м-ха из его гробницы в Мэнфе времени Тут-анх-амуна, снабженные по воцарении ее хозяина налобными змеями (например, JEA VII: V). Напомним, что на изображениях в южной усадьбе, переделанных из изображений Кэ́йе, Ми-йот представала уже не в виде девочки, как на изображениях времени царствования ее отца, а в виде взрослой женщины, т. е. такою, какою была в дни своего царствования, когда налобная змея была для нее привычным знаком ее царского достоинства (изображение Ми-йот, царицы, — ЕА II: XLI, однако налобная змея на нем целиком разрушена).

Надписанных изображений дочерей фараона и царицы Нефр-эт сохранилось множество, и ни на одном из них, не представляющем переделку из изображения Кэ́йе, за именем царевны не следует многолетие. В случае таких, особенно частых, надписанных изображений это должно казаться естественным, потому что вслед за именем царевны

⁶ J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 61.

следует ссылка на родительницу: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его такая-то, рожденная женою царевою великою, возлюбленною его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» Но и во всех прочих, более редких случаях, когда титул царевны находится в надписи, не служащей пояснением к изображению, и кончается подобною же ссылкой на родительницу (а это в надписях бывает почти всегда), отсутствие многолетия после имени царевны представляется также естественным. Имеется, однако, несколько надписей, позволяющих предположить, что многолетие после имени было вообще несвойственно титулам дочерей Амен-хотпа IV до их воцарения. Имею в виду те очень немногочисленные надписи, в которых титул царевны, не переделанное из [123] титула Кэйе, лишено ссылки на родительницу. Таковы две надписи на колотушках в виде двух рук из слоновой кости из гробницы Тут-анх-амуна. Обе надписи одинакового содержания и гласят: «Жена царева великая Тэйе — жива она! Дочь царева Ми-йот» (IM: XII B a + b = 26). Хотя каждая из надписей заключена в царское кольцо, внутри его в меньшее кольцо вписано оба раза только имя «Тэйе», имя же «Ми-йот» в такое кольцо не вписано ни разу. Это, как и звание «дочь царева», не «жена царева великая», указывает на время до воцарения Ми-йот. Отсутствие после ее имени многолетия в обеих надписях, тем разительнее, что после имени Тэйе оно оба раза выписано «жива она!».

Обращает на себя внимание и словоупотребление вторичных и третичных (см. § 41) пограничных надписей Ах-йот, из которых все сохранившие нужное нам место содержат многолетие после имени царицы, но не после имен царевен. Царь клянется: «(Как) услаждается сердце мое женою царевою да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот и дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно» (EA V: XXVII-XXVIII). Заслуживает внимания и словоупотребление первичных пограничных надписей Ах-йот К и Х. Ни в той, ни в другой надписи имя царевны Ми-йот не сопровождается многолетием (К строка 18 — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115; Х, строка 20 — EA V: XXXII). Напротив, имя царицы обычно снабжено им (К, строка IX «жива она вечно! - - -» — EA V: XXIX = TTA: 104-105; строка 18 «жива она!» — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115; Х, строка XII «жива она!» — EA V: XXXI). Однако значение показаний первичных надписей умалено тем, что имя царицы снабжено в них многолетием все-таки не повсеместно (оно отсутствует в надписи К в строке 17 — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115, в надписи Х в строке 7 — EA V: XXXI). Можно было бы сослаться еще на обломок из Она ZAeSA XIX: 116 = TTA: 157 CLXVII и на золотой листок LRE II: 360, из которых на первом многолетия нет после титула царевны Ми-йот, а на втором — после титула царевны Мек-йот, но более разумнее оставить эти примеры в стороне, потому что из изданий (печатный набор) нельзя усмотреть, кончались ли надписи на имени царевны или были просто отломаны после него. Не может никак служить примером опущения многолетия после имени царевны титул «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот, правой голосом», начертанное на каменном ларчике PSBA XXXVI: 168, так как здесь место многолетия занято обозначением царевны как «правой голосом», т. е. покойной. [124]

Весьма существенно словоупотребление скорописных производственных пометок (на сосудах с припасами), найденных в солнцепоклоннической столице, но сделанных часто далеко от нее, при этом, в случае пометок, упоминающих женских представителей царского дома, во владениях, этим лицам принадлежащих или так или иначе с ними связанных. Поэтому как ни беглы и незначительны по объему такие пометки, они все же делались лицами, очевидно знавшими, как величать своих царственных хозяек. После имени царицы в названии «дом Нефр-нефре-йот Нефр-эт» многолетие то имеется, то отсутствует. Оно есть в CA I: LXIV 1, 2 = TTA: 180 CCXVIII A, его нет в CA I: LXIII 1; CA III: LXXXV 29, 30. Зато после звания «жена царева», заключенного в кольцо и употребленного самостоятельно без последующего имени, многолетие «жива она!» всегда присутствует, в любых словосочетаниях: «дом жены

царевой — жива она!» — ТЕА: XXIV 90, СА I: LXIII К; «мясозаготовочное заведение жены царевой — жива она!» — СА III: XCIV 245; «сень Рэ жены царевой — жива она!» — СА III: 201; «- - - жены царевой — жива она!» — ТЕА: XXII 11, СА III: LXXXVI 33, ХСП 208, ХСIV 246, 247. Находим мы многолетие и после имени вдовствующей царицы: «дом Тэе — жива она!» (ТЕА: XXII 14). В случае же имен царевен, когда конец имен не поврежден и тем самым возможно судить о присутствии или отсутствии многолетия, его не оказывается: «дочь царева Мек-йот» — СА III: LXXXVI 38, «дочь [царева] Анхес-эм-п-йот» — СА III: LXXXVI 41. Отсутствие его наблюдается, видимо, и в случае побочной жены царя: «дом честной» — СА II: LVIII 16. Впечатление о неупотребительности многолетия после имен царевен в скорописи, которые мы выносим из ознакомления с производственными пометками, получает уже вполне определенное подтверждение от скорописных писем, отправленных из новой столицы в старую (где их нашли) не кем иным, как мазеваром «дома дочери царевой Ми-йот», следовательно, лицом, состоявшим на службе у царевны. И вот в этих двух письмах имя царевны в названии ее хозяйства — «дом дочери царевой Ми-йот», или, просто, «дом Ми-йот», — ни разу не сопровождается многолетием: ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 1, строка 5 (уцелели одни определители имени), XIX = XXIV = XXV, строка 20, ААА XVII: XXI = XXVIII = XXIX, надписание свитка. Упорное опущение многолетия после имени царственной «госпожи» отправителя писем тем примечательнее, что писец не скупился на многолетие «жив, цел, здоров!» после слова «Йот», заключенного по обыкновению в кольцо: ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 3, два раза, XX = XXVI = XXVII, строки 3, 4, XXI = XXVIII = XXIX, строка 24 (многолетие отсутствует: внутри сочетания «Йот живой», ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 2; в жреческом звании «раб Йота», ААА XVII: XIX = XXIV = XXV, строка 18; раз после слова [125] «Йот», употребленного самостоятельно, ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 17; затем, разумеется, внутри имени «Ми-йот», ААА XVI I: XIX = XXIV = XXV, строка 20, XX = XXVI = XXIX, строки 1, 7, XXI = XXVIII = XXIX, надписание свитка, ср. § 16-17).

Таким образом, опущение многолетия после имен царевен в дни царствования их отца не случайное явление, а общепринятое обыкновение: царевнам не полагалось многолетие. Лишним подтверждением этого правила может служить пускай непостоянное, но все же частое употребление многолетия после имени вдовствующей царицы Тэе и полное отсутствие многолетия после имени ее дочери, царевны Бок-йот, наблюдающиеся в гробнице домоправителя царицы-матери Хойе — гробнице, находящейся в солнцепоклоннической столице и относящейся к поре поздних солнечных колец.

Многолетие здесь не сопровождает кольцо Тэе, когда ее имя входит в состав титула ее служащего: «...распорядитель дома (в доме) (матери царевой), жены царевой великой Тэе Хойе» (ЕА III: 2, IV, VIII = IX, XV, XVI, XVII два раза, XIX, XX два раза, XXVII), «распорядитель ваятелей жены царевой великой Йвти» (ЕА III: XVII = XVIII); единственное исключение ЕА II 1: 6, где кольцу Тэе в составе титула ее домоправителя придано многолетие «жива она!». Затем кольцо Тэе стоит без многолетия в обращенной к ней молитве, где за именем царицы следуют сразу же определения «владычица питания, многая пищей» (ЕА III: XIX), в повествовательном пояснении к изображенному действию («введение жены царевой великой, матери царевой Тэе, чтобы дать увидеть ей ее сень Рэ», ЕА III: VIII = IX) и там, где по соображениям соразмерности с другими частями надписи за недостатком места многолетие должно было быть опущено (ЕА III: VIII = X — в титуле солнца, XVIII — в полном (втором) титуле Тэе позади ее изображения). Судить о присутствии или отсутствии многолетия после имени Тэе в мелких приписках к ее изваяниям на изображении ЕА III: VIII = X (+XXV) затруднительно, так как приписки были нанесены краской и большинство их со временем отчасти или даже вовсе утратилось (в одном случае видно многолетие «жива она!», в другом — остаток многолетия, в прочих случаях не видать ничего). Многолетие следует за кольцом Тэе в приписках к ее изображениям: «жива она вечно вековечно!» — ЕА III: IV, VI, VIII = IX, «жива она!» — ЕА III: XVIII, затем в конце самостоятельной надписи, повторявшей четырежды имена солнца, Амен-хотпа IV, Амен-хотпа III и Тэе: «жива она вечно вековечно!» — ЕА III: XXI четыре раза, и, наконец, в наименовании солнечного

святилища имени Тэ́йе в конце титла солнца: «жива она!» — ЕА III: VIII = XI. Судя по пустому ныне месту под стоячими кольцами, написанными краской и потому сильно пострадавшими, многолетие должно было [126] иметься после имени Тэ́йе также ЕА III: XIX. Следовательно, как и надо было ожидать, многолетие за кольцом царицы-матери вполне обычно в гробнице ее домоправителя как в титлах Тэ́йе, употребленных самостоятельно, так и в написанных подле ее изображений.

Совсем иначе обстоит дело в гробнице с титлом дочери Тэ́йе — царевны Бок-йот. Все упоминания ее представляют собою приписки к изображениям или ее самой (ЕА III: IV, VI, VIII = IX, XVIII), или ее изваяния (ЕА III: XVII = XVIII). Недостатком места могло б быть объяснено при желании отсутствие многолетия ЕА III: XVII = XVIII, также ЕА III: VI, где конец титла ныне разрушен, но места для многолетия явно не хватило б. Однако в остальных трех случаях пустого места под именем царевны более чем достаточно для того, чтоб вместить многолетие. Совершенно очевидно, что пятикратное повсеместное отсутствие многолетия за именем Бок-йот не случайность: царевне не полагалось многолетие.

Заметим, что многолетие не было положено и такой особе, как сестра царицы Нефр-эт — Бенре-мут: ни в одной из приписок к ее изображениям после ее имени нет многолетия (ЕА II: VII, ЕА V: V, ЕА VI: IV, XXVI, ср. ЕА V: III, где в пробеле после имени стоял, конечно, определитель женщины, а не многолетие, ср. еще ЕА V: XV справа и слева). По виду своему Бенре-мут напоминала царевну, так как, подобно царевнам, ходила с прядью волос, свешивавшеюся с темени на ухо и шею (ЕА II: V, VII, VIII, ЕА V: XV два раза, XVI, ЕА VI: IV, XVI, возможно также ЕА II: XXXIII = XXXIV и EAVI: XVII, где прически повреждены; точность воспроизведения от руки ЕА VI: XXVIII, где сестра царицы показана с голой головой, сомнительна ввиду снимка ЕА VI: XLII).

Итак, мы снова и снова убеждаемся в том, что в царствование Амен-хотпа IV царевнам не полагалось иметь многолетия после имени. Как же понять тогда присутствие многолетия «жива она!» после имени дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт в титлах, переделанных из титла Кэ́йе? Мы встречаем это многолетие после имен царевен на следующих памятниках, которые надо или можно считать принадлежавшими некогда Кэ́йе и впоследствии переделанными для царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. После имени Ми-йот: на косяке северного дворца Ах-йот (JEА X: XXIII 3), на обломке надписи из усадьбы на юге Ах-йот (CA I: LIX 43). После имени Анхес-эм-п-йот: на камнях, найденных в Шмуне, ZAEsa LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A, ARN: CXI 438–VII A, вероятно также LIII 149–VIII C. «Жива она - - -» ARN: CXXXIV 983–VIII A, «жива она вечно - - -» ARN: CXXXIV 983–VIII C, «жива она вечно вековечно!» ARN: CLIX 448–VIII — после пропавших имен царевен. Как и в других титлах царевен, переделанных из титла Кэ́йе, во всех только что перечисленных титлах нет [127] привычной ссылки на родительницу («рожденная женою царевой великою, возлюбленною его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!»), так что титло царевны завершалось ее собственным именем и для добавления многолетия представлялась большая возможность. Однако мы видим, что в дни Амен-хотпа IV такой возможности было недостаточно для того, чтобы к имени его дочери добавилось многолетие: имена царевен и тогда, когда не сопровождаются ссылкой на царицу-родительницу, лишены многолетия. Не остается ли предположить, что присвоение царевнам на переделанных памятниках многолетия после имени обусловлено тем, что царевны ко времени переделки приобрели право на многолетие, иными словами, успели уже воцариться, стать из царевен царицами? В таком случае скромное звание «дочери царевой» и отсутствие кольца вокруг имени были бы данью присутствию на памятнике изображения или имени Амен-хотпа IV непосредственно перед переделываемым для Ми-йот или Анхес-эм-п-йот изображением или титлом Кэ́йе и следствием невозможности вставить изображение или имя царей — супругов Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. Не будучи в состоянии представить себя царицами вместе с Семнех-ке-рэ или Тут-анх-йотом, дочери Амен-хотпа IV были вынуждены представить себя с ним царевнами. Однако при этом из нового их титла, уже как цариц, в эти устарелые титла все-таки проскользнуло многолетие, на которое Ми-йот и Анхес-эм-п-йот теперь имели бесспорное право. Конечно, такое надуманное и искусственное объяснение

внутренне противоречиво: сознательно ограничиваются званием «дочери царевой» и не заключают соответственно своего имени в кольцо и тут же добавляют к имени многолетие, не положенное царевнам! Но есть ли у нас вообще нужда прибегать к столь надуманному и искусственному толкованию явлений? Не надо ли искать другого объяснения, тем более что это на поверку оказывается далеко не все объясняющим? В самом деле, как понять появление многолетия «жива она!» на переделанных памятниках также после имени несомненной царевны, а отнюдь не царицы, лишь рядящейся царевной? На камне из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII с = ARN: XXIX 632–VIII А над изображением девочки, сопровождавшей царя и взрослую женщину, было написано: «[(царевна такая-то)] Малая — жива она!» Что это — ошибка писца или резчика, сбитого с толку странным — ныне пропавшим — титулом матери этой девочки, якобы «дочери царевой» и в то же время обладательницы многолетия? В таком случае надписывавший изображение мастер ошибочно перенес многолетие из титула царевны мнимой в титул царевны настоящей. В титулах царевны Анхес-эм-п-йот Малой на другом камне из того же Шмуна ARN: CC PC 192 и «[(царевны такой-то)] Малой» на камне оттуда же MDAIAK XIV: XII 1 = ARN: XV 610–VII [128] многолетия после имени нет. Однако что же получается при подобном толковании: натянутое объяснение многолетия в титулах царевен старшего поколения и для спасения такого объяснения допущение ошибки в титуле маленькой царевны?! Не начинаем ли мы запутываться в хитросплетениях?

Имеется совсем простое объяснение, которое разъясняет все странности разом: многолетие как в титулах Ми-йот и Анхес-эм-п-йот старших, так и в титуле царевны младшей — остаток или отголосок изглаженного титула Кэ́йе. В титулах царевен старшего поколения многолетие стояло бы тогда после имен самой носительницы титула, как и в первоначальном титуле. В титуле девочки многолетие сопровождает теперь имя обладательницы титула, до переделки же следовало бы за именем матери девочки (такая-то, рожденная такой-то — жива она!). Но имела ли Кэ́йе право на многолетие в то время, когда надписывались впервые занимающие нас памятники? Что Кэ́йе имела право на многолетие после превращения в фараона, в этом не приходится сомневаться. На плите, где она изображена в мужском синем венце и мужской одежде, принимающей ласки от Амен-хотпа IV (памятник А), под тремя незаполненными стоячими кольцами, двумя царя и одним ее, оставлено место для многолетий, отчерченное снизу длинной чертой. Но имела ли Кэ́йе право на многолетие до превращения в фараона? Памятники, которыми мы сейчас занимаемся, камни из Шмуна и надпись из усадьбы на юге Ах-йот, равно как, возможно, косяк из северного дворца в Ах-йот, относятся ко времени до превращения Кэ́йе в царя. На камнях спутница фараона имела еще вполне женский вид, в усадьбе нет никаких следов изображений или упоминаний Кэ́йе как фараона: она еще только побочная жена царя. Следовательно, если многолетие «жива она!» перешло в переделанные титулы из первоначального, то Кэ́йе должна была располагать таким многолетием, будучи еще побочной женою фараона.

Итак, откуда возможно почерпнуть надежные указания на присутствие или отсутствие многолетия в титуле Кэ́йе до ее превращения в фараона? Не из остатков ли надписей в царской усадьбе на юге Ах-йот, дававших нам уже не раз ответы на вопросы, касающиеся Кэ́йе? Обратимся прежде всего к известковым прописям с кусками непеределанного титула Кэ́йе, прописям, использованным при первом надписании памятника и затем выброшенным (СА I: XXXII 3). К сожалению, на обоих обломках, сохранивших имя Кэ́йе (см. гл. II), поверхность за именем отбита, в одном случае почти полностью, в другом — отчасти. Тем не менее вряд ли возможно сомневаться в отсутствии многолетия в обоих случаях. На том обломке, где поверхность за именем пропала почти полностью, знаки в имени «Кэ́йе» настолько сжаты и первый знак корзины *к* так глубоко водвинут в предшествующее слово «вечность», что нехватка [129] места у резчика, когда он дописывал надпись, кажется очевидной. Где уж тут было добавлять многолетие! На другом обломке верхняя строка продлена ровно настолько, сколько нужно было б для многолетия «жива она!». Выбоина за именем заходит далеко в строку, но все же кусок ее, остающийся

над выбоиной, настолько широк, что, следуя за именем многолетие, верхушки его знаков должны были бы уцелеть, а этого как раз нельзя обнаружить на снимке. Выходит, что на втором обломке многолетие тоже отсутствовало, и отсутствие его здесь тем показательнее, что не только имелось место для него, но что оно прямо требовалось для заполнения пустующего конца нижней строки для ее соразмерности с верхней. Опускание при таких условиях многолетия можно было бы считать доказательством неуместности его в титуле побочной жены царя, не имевшей еще права на кольцо вокруг имени. Впечатление, вынесенное из изучения прописей, находит полное себе подтверждение в прочих надписях из южной усадьбы. На каждом из двух обломков СА I: LIX 40 и СА I: XXXIII 2 = LVII 55 + 59 уцелело частично по две смежных стоячих строки, ограниченных отвесными чертами. На каждом обломке виден нижний конец одной из этих ограничительных черт, так что известен уровень, на котором должны были кончаться внизу строки. На первом обломке вдобавок отчетливо различимо пустое место под обеими строками. Во второй строке на каждом обломке на расстоянии двух высоких знаков от ее нижнего конца читается сквозь позднейшую надпись слово «вековечность» из первоначальной надписи. Это слово — из обозначения Амен-хотпа IV в составе титула Кэе: «отрок добрый Йота живого, который будет жив вековечно вечно» (см. гл. II). Значит, за словом «вековечность» в первоначальных надписях на обоих обломках должно было следовать слово «вечность», а за ним, как доказывают упомянутые прописи для надписей усадьбы, имя «Кэе». Слово «вечность» и это имя как раз заполнили бы конец второй строки на том и на другом обломке, так что для многолетия не оставалось бы места. Предположить, что могла быть еще третья строка для одного только многолетия, у нас нет никаких оснований, в случае же обломка СА I: LIX 40 — прямо-таки трудно, потому что сбоку позади второй строки, притом более высокой ее части, видно узкое белое поле. С полной наглядностью отсутствие многолетия после имени Кэе выявляется на куске надписанного изображения СА I: XXXV 9 + 151. Здесь в конце титула Кэе (низ средней строки) довольно отчетливо читается ее имя, и за ним не видно никакого многолетия. Получается, следовательно, что многолетие после имени Кэе до ее превращения в царя в усадьбе на юге Ах-йот нигде не засвидетельствовано.

Но вот перед нами надпись на косяке из северного дворца в Ах-йот (JEA X: XXIII 5). От нее осталось одно лишь титуло [130] царевны: «дочь царева Ми-йот — жива она!», представляющее переделку (JEA XII: 4). Многолетие «жива она!» проставлено здесь явно не потому, что надо было чем-нибудь заполнить место. Титуло представляет самую краткую разновидность титула царевны. Если было слишком много места, то что же мешало писцу или резчику употребить вместо сравнительно редкой сокращенной разновидности обычную полную: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот»? Ведь такое привычное полное титуло заняло бы ровно столько же места, сколько нынешнее сокращенное с необычным многолетием. Очевидно, излишком места многолетия не объяснить. Но надпись на косяке из северного дворца не только опровергает такое объяснение, она дает основание пересмотреть только что сделанное нами заключение о невероятности заимствования многолетия из титула Кэе. Верх столба отбит, и потому можно лишь догадываться, что непосредственно над титулом царевны в переделанной надписи помещалось титуло ее отца. Однако ниже конца стоячей строки, содержащей ныне титуло царевны и ограниченной по бокам отвесными чертами, имеется на столбе еще много пустого места, так что надпись можно было продолжить вниз еще на значительное расстояние. Ничто, таким образом, не препятствовало, если уж за чем-то хотелось заключить титуло многолетием, дать титуло в принятом полном виде и затем поместить почему-то полюбившееся «жива она!». Не следует ли поэтому предположить, что резчик был ограничен по направлению книзу сохраненным от изглаженной надписи многолетием, так что вставлять титуло Ми-йот приходилось в небольшое пространство, зажатое между титулом царя вверху и словом «жива она!» внизу? Такое предположение кажется близким к истине. Более того, достаточно беглого взгляда, чтобы заметить несоответствие между крупно написанным званием и именем царевны и более мелким многолетием «жива она!».

Но как же быть тогда с тем обстоятельством, что ни в одном другом титуле Кэ́йе, будь то нетронутым или переделанным, нам не удалось установить присутствие многолетия до переделки? Ответим на этот вопрос другим вопросом: разве в титулах царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, переделанных из титула Кэ́йе, многолетие является неотъемлемой составной частью? Возьмем только те титулы, где имя царевны стояло или должно было стоять в самом конце надписи, так что после имени не следовало ничего, что могло бы помешать добавлению многолетия. Имеется многолетие «жива она!» в двух случаях после имени Ми-йот (CA I: LIX 43, JEA X: XXIII 3) и в одном случае после имени Анхес-эм-п-йот (ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A), многолетия нет определенно в двух случаях (CA I: XXXII 2 = LVI 271 1, LX 73) и, по всей вероятности, в других двух случаях (CA I: LVII 55 + 59 = XXXIII 2, LIX 40) после имени Ми-йот. Итак, среди изданных [131] примеров переделанного титула с именем дочери Амен-хот-па IV на конце случаи с многолетием более редки, чем без многолетия. Такое же соотношение наблюдается в случае изданных переделанных примеров титула царевны «[(такой-то)] Малой»: многолетие «жива она!» имеется после имени царевны в одном случае (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARN: XXIX 632–VIII A) и отсутствует в одном случае (MDIAeAK XIV: XII 1 = ARN: XV 610–VII). В случае ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A неясно, было ли многолетие после имени Анхес-эм-п-йот Малой или не было. При этом мы взяли только те примеры, где имена дочерей царевен стояли на самом конце надписи, оставив в стороне памятники, где за именем царевны следует длинная ссылка на родительницу. Теперь что же наблюдаем мы в случае титула Кэ́йе? Мы насчитали до семи примеров, где многолетие в конце надписи (титула) определенно или вероятно отсутствовало (CA I: XXXV 9 + 151, XXXII 3 два раза, XXXIII 2 = LVII 55 + 59, LVI 271 J = XXXII 2, LIX 40, LX 73), однако могли показать, что в двух случаях оно определенно имелось (JEA X: XXIII 3, ARN: CXI 438–VII A). Примеры, где многолетие отсутствовала или, по-видимому, отсутствовало после имени Кэ́йе, происходят все из усадьбы на юге солнцепоклоннической столицы, примеры, где многолетие после имени Кэ́йе, по всей видимости, имелось, происходят из дворца на севере Ах-йот и из божницы в средней части города. По поводу дворцового косяка, на котором это титуло было написано, говорится следующее: «Обломок *in situ* одного из дверных косяков... содержит имя Меритатен в виде палимпсеста, что наблюдается повсюду в здании» («A fragment *in situ* of one of the doorjambs... bears the name of Merytaten in palimpsest, which is met throughout the edifice», JEA XII: 4). Поэтому возможно, что подобные переделанные титулы Ми-йот, царевны, имеются и на других остатках северного дворца. Не исключено поэтому, что на проверку может оказаться, что на юге столицы предпочитали титулы для Кэ́йе без многолетия, а на севере, тоже в бытность ее всего лишь побочной женою царя, предпочитали титулы с многолетием. Как бы то ни было, колебание в отношении переделанных примеров с титулами Ми-йот и Анхес-эм-п-йот старших и младших между опущением и присовокуплением многолетия с видимым перевесом в пользу опущения не позволяет требовать от переделанного в эти титулы титула Кэ́йе обязательного присутствия многолетия, если оно было теми титулами унаследовано от изглаженного. Вероятное же существование титула Кэ́йе с многолетием, притом еще до превращения ее в фараона, и вдобавок, быть может, во многих надписях, делает объяснение многолетия в титулах царевен, переделанных из титула Кэ́йе, заимствованием из этого последнего, еще более привлекательным. Мне представляется, что присутствие в одном случае многолетия [132] «жива она!» даже после имени Ми-йот или Анхес-эм-п-йот Малой (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARN: XXIX 632–VIII A), царевны, так сказать, не первостепенной, второразрядной, тогда как многолетие не содержалось в непеределанных титулах даже после имен дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, вряд ли возможно объяснить иначе, как перенятием из упраздненного титула.

Ввиду всего сказанного мне кажется, что предположение о заимствовании многолетия «жива она!» в переделанные титулы царевен из изглаженного титула побочной жены царя не далеко от истины. Проверка по подлинникам, с самого ли начала имелось на них многолетие или было принесено при переделке, помогла бы, разумеется, в сильнейшей мере

решению вопроса. Из имеющихся изданий в большинстве случаев нельзя усмотреть, к первоначальному ли или позднему составу надписей принадлежит многолетие. В надписи СА I: LIX 43 оно стоит, правда, в части, подвергшейся изглаживанию и переделке, так как зачерчено издателем особым способом, но, поскольку издатель зачерчивает так не только вновь вставленные письма, но обыкновенно и оставшиеся в переделанных местах первоначальные знаки, данный пример нуждается также в обследовании по подлиннику. До проверки по подлинникам позволительно держаться предложенного объяснения как наиболее удовлетворительного.

Итак, подведем итог. Изображения Кэие превращали в изображения царевны Ми-йот, не царицы Ми-йот. Соответственно и ко лбу не приставляли царской змеи — царевне она ведь не полагалась. Титло Кэие заменяли титлом (привожу краткую разновидность) «дочь царева... царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, кому дано жить вечно вековечно, Ми-йот», не титлом «жена царева великая Ми-йот — жива она вечно!». Имя царевны не заключали в кольцо, подобавшее царицам, после ее имени не ставили многолетия, приличествовавшего им. Естественный вывод: изображения и надписи Кэие переделали для Ми-йот, когда она еще не воцарилась с Семнех-ке-рэ, когда она была еще царевной, иными словами, при жизни Амен-хотпа IV.

Памятники с изображениями двух фараонов не многочисленны. От падения Кэие до воцарения Ми-йот должно было протечь какое-то время, если изображения и надписи успели переделать, пока Ми-йот еще оставалась царевной. Под 16-м годом, предпоследним годом царствования Амен-хотпа IV, упомянут «дом честной», но таковым хозяйство воцаренной Кэие вряд ли могло именоваться. Все это, вместе взятое, наводит на мысль, что фараоном Кэие была очень недолго.

Почему она пала — догадаться невозможно. За краткий миг величия она заплатила дорогой ценой. Падение с высоты, на которую вознесла ее своевольная любовь фараона, было ужасным. [133] Недавняя возлюбленная была обречена на вечное забвение. Ее изображения и надписи были переделаны для дочерей фараона, его дочерей от Нефр-эт. Северный дворец и южная усадьба отошли к царевне Ми-йот, солнечный храм в средоточии столицы — к Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. Кэие не оставили даже ее гроба, даже ее погребальных сосудов...

Царица Нефр-эт не присутствует ни на одном памятнике, на котором появляется Кэие. Словно пропастью разделены обе семьи. Но каковы бы ни были чувства царицы к всецельной сопернице, последняя, конечно, менее всего походила на бездушную «честную» из народной сказки о двух братьях. Нам многое неясно в судьбе этой маленькой женщины, сумевшей, несмотря на все обаяние Нефр-эт, покорить надолго самовластнейшего из фараонов, чтоб под конец низринуться с головокружительной высоты, куда он только что ее возвел. Но душа Кэие, страстная и нежная, звучит донныне сквозь бездну веков в той задушевной молитве к возлюбленному, которая была начертана на золотом гробе. [134]

ДОЧЬ АМЕН-ХОТПА IV И КЭЙЕ

В 1938 г. Х. Брукнером были впервые изданы надписи из Шмуна, упоминавшие царевну Анхес-эм-п-йот и ее одноименную дочь Анхес-эм-п-йот.¹ С тех пор существование дочери царевны Анхес-эм-п-йот еще в дни царствования Амен-хотпа IV стало общепризнанным положением в науке и никем, в сущности, не оспаривалось. Со времени обнаружения в 1969 г. сводного (хотя и не совсем полного) издания солнцепоклоннических памятников из Шмуна число известий об Анхес-эм-п-йот Малой сильно возросло.² Но еще в 1966 г. С. Олдред сообщил о неизданной надписи, свидетельствующей о существовании дочери, Ми-йот Малой, и у старшей дочери Амен-хотпа IV Ми-йот.³ С выходом в свет сводного издания солнцепоклоннических памятников из Шмуна наука получила множество таких надписей, упоминавших младшую Ми-йот.

Ми-йот Малая была упомянута на следующих камнях из Шмуна: ARH: XVII 500–VIII C, XXIV 311–VIII, XXXIV 293–VI B, CXXVII 783–VIII A, CLIX 364–VIII, CXCIX PC 210, наверно, также CIX 478–VII A («[Ми-]йот», но «йот» выписано сперва, см. ниже), ср. еще CLIX 721–VIII и CLX 193–VIII A, SO XLIII, 5: 6 = 8.

Анхес-эм-п-йот Малая была упомянута на следующих камнях оттуда же: ZAeSA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI, ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A + 311–VI A, CVI 451–VII A, CC PC 192, PC 209, наверно, также ARH: XXIII 224–VIII («[Анхес-эм-п-]йот Мал[ая]», но написание «йот» в конце имени обычно для «Анхес-эм-п-йот»), ср. еще ARH: X 435–VIII A, LIII 149–VIII C, LXX 157– VIII.

Та или другая маленькая царевна имелась в виду в надписях из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = [135] ARH: XXIX 632–VIII A (уцелело только: «Малая – жива она!»), ARH: CCVII PC 264, ср. также ARH: CLIX 910–VIII.

Полнее всего сохранилось титуло младшей Анхес-эм-п-йот, хотя и без наименования «Малая», на камне из Шмуна ZAeSA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Анхес-эм-п-йот, рожденная дочерью царевою от утробы его Анхес-эм-п-йот - - - Нефр-шепр-рэ [Ва-н-рэ], (кому) дано жить – —» (наименование «Малая» приложено к младшей Анхес-эм-п-йот на камнях ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307– VI A + 311–VI A, ARH: CVI = 451–VII A, CC PC 192, наверно также ARH: XXIII 224–VIII).

Титуло младшей Ми-йот ни на одном камне из Шмуна целиком не сохранилось, но, сопоставляя уцелевшие остатки на разных камнях, легко догадаться, что оно было такого же рода, как у младшей Анхес-эм-п-йот («Малой» эта Ми-йот названа на всех камнях, на которых она достоверно или наверно была поименована).

«Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, [Ми-]йот Малая, рожденная дочерью царевою от утробы - - -» (ARH: CIX 478–VII A; восстановление «[Ми-]йот», наверно, точно, (поскольку в этом имени в отличие от «Анхес-эм-п-йот» слово «йот» писалось обычно в начале, а не в конце имени, см. § 97).

«- - - от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот[Малая] - - -» (ARH: XXXIV 293–VI B; восстановление «[Малая]» достоверно, так как уцелел предпосланный этому слову определенный член женского рода *m*).

«- - - [возлюбленная его, Ми-йот Малая - - - доч[ерью царевою] от утробы его Ми-йот» (ARH: CLIX 364–VIII).

«- - - Ми-йо[т] Малая - - - [Нефр-шепр-]рэ [Ва-н-рэ], (кому?) дано (?) - - -» (ARH: XVII 500–VIII C).

Того же рода было титуло на камне PC 264 (ARH: CCVII), к сожалению настолько потертое, что нельзя по снимку решить, которой из двух маленьких царевен оно принадлежало:

¹ H. Brunner. Erne neue Amarna-Prinzessin // ZAeSA. Bd 74, 1938. S. 104-108.

² G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. Hildesheim, 1969, passim.

³ C. Aldred. [Рец. на:] Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. By J. D. Cooney. The Brooklyn Museum, 1965 // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

«Дочь - - - от [ут]ро[бы] - - - рожденная дочерью [ца]ре[вой] от утробы - - -».

Мы знаем, что титула царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, заменили в надписях из Шмуна титуло Кэе. В нем фараон был поименован как ее муж: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и т. д. Следовательно, в титулах младших Ми-йот и Анхес-эм-п-йот словечко *н* перед упоминанием Амен-хотпа IV, известное нам из титул Кэе (см. гл. II и III; в титулах маленьких царевен из Шмуна оно надежно не сохранилось), надо понимать не как предлог «дательного падежа» (рожденная царевною такою-то царю такому-то), а как прилагательное «родительного падежа» (рожденная царевною такою-то царя такого-то). Что именно [136] так, а не иначе, надо понимать титула старших царевен в составе титул младших, доказывают и надписи из южной усадьбы. Вот, например, несколько переделанных титул оттуда (подчеркнуты вставленные при переделке слова): «Дочь царева царя (и) государя, живущего правдою Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно, дочь царева от утробы его Ми-йот» (СА I: XXXII 2 = LVI 271 J), «Дочь царева царя (и) государя, живущего - - -» (СА I: LIX 42), «Дочь царева царя (и) государя» (СА I: LXI 44* два раза), «Дочь ца[ре]ва великая (в смысле „старшая“?) царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ [Ва-н-]Рэ - - -» (СА I: XXXII 2 = LVI 271 M + 152(3)).

Таким образом, ни на камне из Шмуна ZAeSA LXXIV: 105 = T3Г: 105 = ARH: XIX 234-VI, ни в других надписях не сказано, что младшая Анхес-эм-п-йот или младшая Ми-йот были дочерьми Амен-хотпа IV от старших Анхес-эм-п-йот и Ми-йот. Однако звание «дочь царева от утробы его, возлюбленная его» свидетельствует, что каждая из маленьких царевен была дочерью какого-то царя. Таковым мог быть или сам Амен-хотп IV, или один из его преемников — Семнех-ке-рэ или Тут-анх-йот. Семнех-ке-рэ был женат на Ми-йот и мог иметь от нее дочь, Тут-анх-йот был женат на Анхес-эм-п-йот и к концу своего царствования мог иметь от нее дочь. Тем не менее оба преемника немедленно отпадают. Как их супруги Ми-йот и Анхес-эм-п-йот величались бы царицами, «женами царевыми великими», а никак не просто царевнами, «дочерьми царевыми», и имена их заключались бы в царские кольца, как подобало царицам (Ми-йот — EA II: XLI, JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXCIv = U18D: 2024 = AOt XXXVI: 17 2a, Анхес-эм-п-йот еще в бытность ее супруга «Тут-анх-йотом» — TT I: II = T I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LII = AANE: 187 = BNeф: VI и TT I: LXIV = Tou: против 65). Ни того, ни другого мы не находим ни в южной усадьбе, ни на камнях из Шмуна, равно как не видим мы и на изображениях, превращенных в изображения Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, налобных царских змей, свойственных царицам.

Но тогда в возможных отцах младших Ми-йот и Анхес-эм-п-йот не остается ли сам Амен-хотп IV? Да и при переделке разве не его именно имели в виду? Обе Ми-йот и обе Анхес-эм-п-йот, старшие и младшие, из которых каждая величалась «дочерью царевой», должны были быть, несомненно, с Амен-хотпом IV, так как их изображения были переделаны и переименованы из изображений Кэе и ее дочери, сопровождавших не кого иного, как Амен-хотпа IV. Но именно это постоянное величание старших царевен не «женами царевыми», а только «дочерьми царевыми», равно как и отсутствие царских налобных змей и колец вокруг имен, доказывают с очевидностью, [137] что ни Ми-йот старшая, ни Анхес-эм-п-йот старшая все-таки не царские супруги. Получается несуразица: старшие царевны не жены Амен-хотпа IV, но матери его дочерей! Далее. В § 93 было показано, что раньше 8-го года царствования своего отца Анхес-эм-п-йот старшая родиться никак не могла. С другой стороны, имеется множество производственных пометок на сосудах с припасами от времени между 6-м и 17-м годами царствования включительно, и совсем нет пометок с более высоким числом года, которые хотя бы с малейшей долей вероятности можно было бы приурочить к царствованию Амен-хотпа IV (СА III: 61). Потому нельзя продлить его царствование сколько-нибудь значительно далее 17-го года. Но Анхес-эм-п-йот не могла стать матерью в восьмилетнем возрасте, и тем самым мы снова наталкиваемся на несуразицу.

Единственный способ разделаться с нелепицами — это признать, что лица, ответственные за переделки, мало думали о верности действительности. Кэе надлежало

заменить царевнами. Но ее на изображениях сопровождала дочь. Значит, эту последнюю надо было превратить в дочь одной из двух царевен, Ми-йот или Анхес-эм-п-йот, хотя бы у тех еще никаких дочерей не было. Но вымышленных дочерей нужно было как-то назвать. Лучше и проще всего было назвать их по матерям — Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой, в «надежде», что таковые появятся на свет в будущем. Иного объяснения древней путанице как будто бы не придумать. В конце главы мы вернемся к этому вопросу.

Поскольку Кэ́е сопровождала одна дочь, а из нее при переделке изображений делали то Ми-йот Малую, то Анхес-эм-п-йот Малую, то заранее можно предугадать, что дочь Кэ́е вряд ли звали так же, как одну из дочерей Нефр-эт — «Ми-йот» или «Анхес-эм-п-йот». И что ее так действительно не звали, можно доказать.

Не все, впрочем, что на первый взгляд кажется доказательным, является таковым на самом деле. Такие памятники, как камень из Шмуна 610–VII (MDAIAK XIV: XII 1 = T3Г: 101 = ARH: XV), строго говоря, лишены доказательной силы. Над головою девочки уцелел низ отвесной строки со словом «[Ма]лая», но остатки стертых знаков и ограничивавших строки отвесных черт показывают, что первоначально надпись состояла не из одной, а из нескольких строк. Титло царевны «[Ми-йот Ма]лой» или «[Анхес-эм-п-йот Ма]лой» было вписано взамен иного титла. Однако, может статься, дело было не в имени девочки, а в ссылке на родительницу — на отверженную Кэ́е. Длинное титло уничтожили и вместо него поставили заново звание и имя ребенка уже без ссылки на родившую его мать.

Доказательны те случаи, где видно, что самое имя девочки было первоначально иным.

Звания, предварявшие имя, были у дочери Кэ́е те же, что [138] и у дочерей Нефр-эт: «дочь царева от утробы его, возлюбленная его». Это доказывают с полной очевидностью некоторые камни из Шмуна. На камне 153–VIII (ARH: XXXII = LVII = SAK II: 88) прежнее титло ничем не было заменено, а было просто стерто, но стерто плохо, так что оставшаяся на камне часть надписи может быть прочтена:

«Дочь царева от [ут]робы [его, возлюбленная его] - - - [рожденная женою-любимцем большою царя (и) государя] ([Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ]),⁴ [отр]ок[а до]бр[ого Йота живого, который будет жив] вековечно вечно, Кэ́е».

На камне 1030–VIII (ARH: CLIII) за стертым титлом Кэ́е (от него уцелело полустертое слово «йот» и куски черт, ограничивавших строки) следовало тоже отвесно написанное титло ее дочери. Его стерли, а затем выписали на том же месте более крупными знаками новое титло. Сохранилось только начало заново вписанного титла — «Дочь царева от», но сквозь новые начертания отчетливо проступают более мелкие полустертые прежние: «Дочь царева от утробы - - -».

На камне 982–VIII (A) (ARH: XXIV + 174–175) от стертой надписи можно распознать слова: «[Дочь царева] от утробы [его], возлюбленная [его] - - -».

На камне 442–VIII A (ARH: XI + 54) титло дочери Кэ́е было стерто, начиная с имени: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его - - - рожденная - - -».

На этом камне пространство между словами «возлюбленная его» и «рожденная» не выше полутора высоких знаков (строки отвесные), так что уместиться в пробеле имя «Анхес-эм-п-йот» не могло б никак (имя «Ми-йот» уместилось бы там, правда, в самом сжатом написании).⁵

На камне 149–VIII C (ARH: LIII) ныне значитесь следующее: «- - - живуш[его] правдою - - - [Анхес-эм-п-]йо[т] — жива она - - -» и «- - - [возлюблен]ная его, Анхес-эм-[п-йот] - - - [п]ра[вдою], влады[ки] обеих земель - - -». Первое титло было первоначально титлом Кэ́е (см. гл. II, III, IV), второе, отделенное от первого промежутком, принадлежало прежде ее дочери:

«[Дочь царева от утробы его, возлюблен]ная его - - - [рожденная женою-любимцем большою царя (и) государя, живущего п]ра[вдою], влады[ки] обеих земель [Нефр-шепр-рэ

⁴ Круглыми скобками обозначено сохранившееся кольцо вокруг изглаженного имени.

⁵ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. S. 54.

Ва-н-рэ,⁶ отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэйе]».

Титло царя в составе титл Кэйе и ее дочери было сохранено [139] при переделке, так же как, надо думать, многолетие «жива она», царевнам не положенное (см. гл. V). Нет тоже причин предполагать, что начало дочернего титла не исконное. Но вот имена царевен стоят на месте чего-то стертого (ARH: 57, 289). Значит, дочь Кэйе не звалась «Анхес-эм-п-йот».

На камне 982–VIII (A) после приведенного выше начала полустертого титла девочки «[Дочь царева] от утробы [его], возлюбленная [его]» издатели в одном случае не вычитывают никакого имени (ARH: XXIV), в другом случае говорят, что было срезано и изглажено имя царевны Ми-йот, которое-де «еще смутно читается (noch schwach lesbar)» (ARH: 288), в третьем случае, хотя и пишут, что надпись была уничтожена и заглажена, тем не менее читают ее так: «[Дочь царя] от его плоти, им любимая, Мерит-Атон» (ARH: 174-175). И действительно, на снимке (ARH: XXIV) можно при желании прочесть в начале имени знак пруда *мр*. Однако восстанавливать это имя как «Ми-йот» нельзя.

В подавляющем большинстве случаев первая часть имени «Ми-йот» пишется после второй его части «йот» — разумеется, из почтения к ней как обозначению солнца. Так имя написано множество раз в надписях иного происхождения, нежели из Шмуна (см. § 97). Из их числа только в двух имя написано необычно, в соответствии с произношением: сперва выписана первая часть, затем — вторая (EA IV: XV, ср. XII C, PKN: I). Даже в скорописи вторая часть писалась раньше первой (CA I: LXIII R, CA III: LXXXV1 39, 40, AAA XVII: XIX = XXIV = XXV, строка 20, XX = XXVI = XXVII, строки 1, 7, 17, XXI = XXVIII = XXIX). То же мы находим и в надписях переделанных, будь то из южной усадьбы в Ах-йот (CA I: XXXII 2 = LVT 271 J, M. XXXII 2 = LVII 59, XXXIV 1 = LVI 273 (= T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129), LVII 55, LIX 40, 41, ср. LX 73), будь то из Шмуна (ARHAC: 34, ARH: XVII 500–VIII C, XVIII 652–VIII A, XXXIV 293– VI B, XXXV 677–VIII A, XLIII 203–VIII, XLIX 261–VI A, LIV480–VIII A, CXXVII 783–VIII A, CLII463–VIII, CLIX 364–VIII два раза, CLX 193–VIII A, 260–VIII B, CXCVC PC 161, CXCVC PC 179, CXCIX PC 210, ср. XXXVII 108–VIII, XLVII 350–VIII C, LIV 384–VIII, CIX 478–VII A). При этом такое написание употребительно в переделанных надписях одинаково для имени как Ми-йот старшей, так и Ми-йот Малой.

Однако странным образом в отличие от общепринятого солнцеклоннического правописания, с «йот» на первом и «Ми» на втором месте, среди переделанных надписей из Шмуна имеется не менее четырех таких, в которых соответственно действительному произношению «Ми» (знак пруда *мр*) было написано сперва, а «йот» потом. Это явление тем примечательнее, что, по-видимому, во всех случаях подобные титла переделаны из титла дочери Кэйе. В случае камней 528–VIII C [140] (ARH: XLVII) и 721–VIII (ARH: CLIX) довольно одного взгляда на них, чтоб опознать в этих отвесных единичных, строках приписки к изображениям девочки, следовавшей за матерью. Много сложнее обстоит дело с камнями 478–VII A (ARH: CIX) и 783–VIII A + 794–VIII A (ARH: CXXVII). По своему положению в самом конце (несохранившихся) изображений, по составу из всего одной отвесной строки занимающие нас приписки с «Ми» на первом месте должны были б тоже относиться к дочери, сопровождавшей мать. Однако в обоих случаях на некотором (небольшом) расстоянии перед этими надписями стоят отвесные же надписи, относившиеся каждая, бесспорно, к изображению девочки, так как в них поименована в одной несомненно, в другой вероятно Ми-йот Малая. Вот эти надписи: Камни 783–VIII A + 794–VIII A:

---	---
Ми-йот	[возлюб]ленная
Малая	Его,
	возлюбленная
	отца
	ее,
	Ми-йот

⁶ В книге G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. Von R. Hanbe, на листе 53 правильно восстановлено титло царя, на странице же 56 неправильно титло Нефр-эт.

Камень 478–VII А:

Дочь царева	Ма[л]ая(?),	Дочь царева
от	рожденная	от
утробы	дочерью царевой	утробы
его,	от	его.
возлюбленная	утробы	возлюбленная
его,	[его]	его,
[Ми-]йот	- - -	Ми-[йот]

Что внизу первой строки на камне 478–VII А было поименована Ми-йот, а не Анхес-эм-п-йот, почти достоверно, потому что в составе имени Анхес-эм-п-йот слово «йот» писалось обыкновенно на самом конце, а в составе имени Ми-йот столь же обыкновенно — в начале. Квадратные скобки внутри слова «Малая» поставлены мною затем, что в издательском воспроизведении от руки вместо *ирт* стоит *ит*, а снимок недостаточно четок (на нем нельзя уверенно распознать и предшествующий определенный член женского рода *т'*; самое большее, что можно здесь вычитать, — это низ ног от знака коршуна для алефа).

Однако о камнях 783–VIII А + 794–VIII А, составляющих вместе одно целое, издатели пишут: «На обоих последних камнях титул и имя ребенка были впоследствии бегло процарапаны на поверхности, которая до того имела другое надписание» [141] (ARH: 288). На камне 478–VII А нынешняя надпись стоит на поверхности, которая, судя по ее виду на снимке, вполне могла быть стесана и надписана заново. На месте чего было при переделке вписано титул Ми-йот Малой, указывают полустертые первоначальные надписания на камне 652–VIII А и С (ARH: XVIII). На стороне А в первой строке значится отчетливо «Ми-йо[т] Малая», а в следующих строках плохо стерты остатки титула Кэе: следы кольца с именем фараона и вслед, за тем определенный член мужского рода *л'* от царского обозначения «отрок добрый» и куски слов «вековечно вечно» — из словосочетания «который будет жив вековечно вечно». Что в стертой надписи титул Кэе не заполнял все строки, а входило в состав титула дочери («такая-то, рожденная такою-то»), можно заключить по величине пространства, оставшегося в двух первых строках до кольца фараона, мужа Кэе. То же можно сказать о надписи на стороне С того же камня, где титул Кэе было тоже переделано в титул [Ми-йот] старшей, объявленной тем самым матерью девочки. На камне 500–VIII С (ARH: XVII) титул дочери Кэе со ссылкой на родительницу также переделано в титул Ми-йот Малой.

Однако и после всего сказанного остается неясным, к кому же относились первоначальные надписи, замененные титулом Ми-йот Малой, на камнях 478–VII А и 783–VIII А + 794–VIII А — к самой ли Кэе или ее дочери, иными словами, была ли каждая из надписей целиком занята одним титулом Кэе, или оно только входило в состав титула ее дочери, именно в ссылку на родительницу? Поскольку за той и за другой надписью следует по единичной отвесной строке тоже с титулом царевны, естественно было бы ожидать, что первоначально передняя надпись в обоих случаях относилась к изображению матери, а задняя единичная строка — к изображению дочери. Разве не так бывало постоянно на изображениях солнцепоклоннического времени? Но как же тогда надпись к изображению взрослой Кэе могла быть заменена надписью к изображению девочки, которая должна была быть гораздо меньшего роста и вдобавок была изображена уже под единичной строкою? К несчастью, ни изображение матери, ни изображение дочери не сохранились. Поэтому безнадежно гадать, как с ними было поступлено при переделке, но нельзя не обратить внимание на разное написание имени «Ми-йот» в передних и задних надписях как на камне 478–VII А, так и на камне 794–VIII А. И на том и на другом в проставленном позже имени Ми-йот Малой слово «йот» было выписано раньше слова «Ми», напротив, в имени царевны в задней единичной строке «Ми» стояло на первом месте. Не значит ли это, что в данной строке «Ми» обязано своим необычным положением впереди «йот» первоначальной

надписи, иначе говоря, не начиналось ли имя дочери Кэе с «Ми»? В пользу такого предположения могло бы [142] говорить то, что издатели в стертой и заглаженной приписке к изображению дочери Кэе на камне 982–VIII (A) (ARH: XXIV) вычитывали имя «Ми-йот» («weggemeisselt und getilgt», но все-таки «noch schwach lesbar», ARH: 288), хотя в передаче надписи от руки они имени не поместили (ARH: XXIV). На снимке ARH: XXIV можно, впрочем, при желании действительно уловить следы знака пруда, т. е. «Ми».

Но не заключает ли какие-нибудь намеки на то, как могло звучать это имя, одна из трех надписей, найденных в царской усадьбе на юге Ах-йот и помещавшихся над изображениями дочери Кэе, CA I: LVI 271 J = XXXII 2 + 154? К несчастью, камень не сохранился полностью на том месте, где стояло титуло девочки. Над изображением маленькой царевны помещалась после переделки надпись из трех отвесных строк, которые, по-видимому, надо понять так: «(1) - - - *йт* Ва-н-рэ, (2) *дочь ца-рева* [о]т жены [цар]я (и) [государ]я (или: [владык]и [обеих земель]?) [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], (3) (кому) *дано жить вечно, [Ми-йот]*» (подчеркнуты переделанные места). При таком понимании первоначальный облик титула, до его переделки в титуло царевны Ми-йот, старшей дочери Амен-хотпа IV от царицы Нефр-эт, должен был бы быть таким: «(1) - - - *йт* - - -, (2) [рожденн[ая] женою [цар]я (и) [государ]я (или: [владык]и (обеих земель]?) [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], (3) [отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэе]» (см. гл. II–III; какая часть титула приходилась на четвертую строку, существование которой до переделки необходимо предположить при данном понимании надписи, по изданию решить невозможно). В главных чертах подобное восстановление первоначального титула может казаться надежным. В надписании изображения маленькой дочери слово «жена» с последующим кольцом царственного супруга (кольцо не сохранилось, но последующее многолетие «(кому) дано жить вечно» делает несомненным, что оно некогда имелось⁷) могло относиться только к матери царевны, должно было вводить ссылку на родительницу. Слову «жена» должно было, естественно, предшествовать выражение «рожденная» — «рожденная женою», и знак волнистой воды, буква *н*, который издатель усматривает непосредственно над словом «жена» (CA I: 154), мог бы быть знаком *н* именно от этого выражения: [*мс*]*н* «[рожд]енн[ая]». Знаки, обозначавшие корень *мс*, знак связки трех шкурок (*мс*) со своим звуковым дополнением, знаком сложенного плата (*с*), должны были стоять на месте нынешнего звания «дочь царева». То же, что непосредственно предшествовало словам «рожденная женою», могло быть только именем дочери, как то хорошо известно по бесчисленным титулам царевен, дочерей [143] Амен-хотпа IV и Нефр-эт. На том месте, где надлежало быть имени, видны две исконные буквы, знак метелки тростника *й* и знак хлеба *т*, и — ниже — вставленное позже наименование царя «Ва-н-рэ». Надпись, как было оказано, начертана отвесными строками и читается справа налево. Знак хлеба *т* стоит посередине строки, а знак метелки тростника — налево от него, притом первый знак находится на уровне нижнего конца второго. Можно полагать, что направо от знака хлеба помещался другой знак тростника и все три знака вместе составляли окончание *йт* причастия страдательного залога совершенного вида женского рода некоего глагола со слабым третьим согласным. В нынешнем, переделанном, титуле это причастие должно было обозначать носительницу титула как испытывающую на себе что-то со стороны «Ва-н-рэ», т. е. фараона. Выбор может быть, пожалуй, лишь между двумя причастиями: «жалованная» (хасйэ) и «возлюбленная». Первое отпадает, потому что после него мы вправе были бы ожидать прилагательное «родительного падежа» *нт*: «жалованная от Ва-н-рэ». Остается второе причастие — «возлюбленная», после которого нам не следует ожидать словечка *нт*. В таком случае на месте первоначального имени в переделанном титуле стояло: «возлюбленная Ва-н-рэ». Так как в первоначальном титуле исконное *йт* должно было быть окончанием имени царевны, это имя тоже должно было содержать причастие страдательного залога совершенного вида женского рода от глагола со слабой третьей согласной. Если исходить

⁷ T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. L., 1923. Pl. 56.

из состава употребительных тогда имен, выбор придется ограничить очень немногими глаголами. Причастие «жалованная» отпадает, на этот раз по той причине, что вовсе не свойственно тогдашним именам. Причастие «защищенная» (*мкйт*) вряд ли может быть принято в расчет. Правда, оно содержится в имени второй дочери Амен-хотпа IV от Нефр-эт — Мек-йот, однако, хотя она поименована на памятниках множество раз, только в одном-единственном случае, насколько мне известно, выписано *й* (MSECAE I: 12 = 14 = RGOMC: № 287 = DAeS II: LXXXII = KAeMC: XXVII = ЕРИИИ 1: 107 = ОИДИ; 156 = KAO: 361 = ТТА: 155 CLXIV = SA III: 314 = EA VII: LIV 395). Иными словами, написание с буквою *й* для этого имени не более как редчайшее исключение. Вероятным остается опять-таки причастие *мрйт* «возлюбленная». С выписанным *й* оно неоднократно встречается в имени старшей дочери фараона от царицы Нефр-эт — царевны Ми-йот (см. § 97), а также в именах двух египтянок солнцепоклоннического времени, прозывавшихся одинаково — Ми-рэ (HTESBM VII: XV, RFDEM 1933-1934 I: XII + 104). Подтверждением такой догадки могло б служить само переделанное титуло: ведь в нем на этом месте, как было только что сказано, должно было, по всей вероятности, иметься причастие «возлюбленная» («[возлюб]ленная Ва-н-рэ»), которое могло быть сохранено от изглаженного титула, [144] поскольку то, что от этого слова дошло до нас, т. е. окончание *йт*, исконное, а не привнесенное впоследствии.

Следовательно, как будто вполне вероятно, что имя дочери Кэе содержало причастие «возлюбленная». Но чьею «возлюбленною» в таком случае объявлялась царевна? То, что имя могло быть просто *Мрйт* «возлюбленная» без указания, чья возлюбленная, думается, исключено. И не потому только, что имя *Мрйт* редкостно среди солнцепоклоннических имен, (*Мрй(т)* — AN: 205), но и потому конечно, что все шесть известных нам по имени дочерей Амен-хотпа IV носили имена, неизменно сложенные из двух, трех, даже четырех слов, да и в самой нынешней надписи место второй (удаленной) части имени заполнено обозначением отца, «Ва-н-рэ», не исконным, а вставленным при переделке: [возлюб]ленная Ван-рэ.

Обозначением отца... А что, если имя дочери Кэе как раз и называло ее «возлюбленною ее отцом»? Но как тогда мог быть назван отец? «Ва-н-рэ» отпадает — оно было вставлено впоследствии. «Эх-не-йот» было бы слишком длинным. Как мы видели, в пробеле, где должно было стоять имя девочки в полустертой надписи из Шмуна (ARH: XI 442–VIII A + 54), «Ми-йот» — «Возлюбленная Йота» — могло бы уместиться только в самом кратком написании. Но в таком написании «Ми-йот» заняло б место в отвесной строке всего-навсего в полтора высоких знака, а «Эх-не-йот» имело бы высоту в два с половиною. «Нефр-шепр-рэ»? Оно бы уместилось, но тогда зачем было стирать знак солнца (*p^c*), с которого одинаково начинались написания и «Нефр-шепр-рэ» и «Ва-н-рэ»? Можно, конечно, продолжать гадать и предположить, что фараон был обозначен одним из своих царских званий: «царь» (*нй-свт*), «властитель» (*хъкъ'*), «владыка обеих земель» (*нб т'вй*). Все они уместились бы. Однако именоваться любимцем царя, властителя или владыки обеих земель было б под стать какому-нибудь должностному лицу, но не дочери же такого нежного отца, как Амен-хотп IV. Государственные звания вряд ли могли быть употреблены в данном случае.

И вот на ум приходит все та же надпись из Шмуна 783–VIII A + 794–VIII A (ARH: CXXVII) с ее более чем странной последней единичной строкой: «[Дочь царева от утробы его, возлюб]ленная его, возлюбленная отца ее, Ми-йот».

«Возлюбленная отца ее»... Разве так величались солнцепоклоннические царевны? Никогда, нигде. А их титул сохранилось множество! Но что еще хуже: «возлюбленная отца ее» — бессмысленное повторение только что до того сказанного. Необычному обозначению непосредственно предшествует обычное звание царевен: «возлюбленная его», т. е. возлюбленная того же отца! Так не есть ли это словосочетание «Возлюбленная отца ее» на самом деле имя дочери Кэе? Ведь именно на этом месте после «возлюбленная его» и должно было по всем правилам [145] стоять имя. «Возлюбленная отца ее», по-египетски «Ми-йотес», — вполне законное египетское имя, как легко убедиться, справившись

в словаре египетских имен Х. Ранке.⁸ Тогда в нашей строке первоначально стояло: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йотес», к чему при переделке добавили имя «Ми-йот». И от этого «Ми-йотес» превратилось из имени в бессмысленное — потому что повторное и лишнее — определение: «возлюбленная отца ее». Теперь становится понятным, почему в перечисленных четырех случаях «Ми» в имени «Ми-йот» вопреки обыкновению выписано раньше «йот». Слово «йот» — «отец» не было ни именем собственным, ни даже званием царя, и писать его раньше «Ми» не было никакой причины. Иное дело «Йот» — «солнце». Его из почтения к боготворимому светилу писали впереди «Ми». В трех надписях с «Ми» перед «йот» «Ми-йотес» было, возможно, превращено в «Ми-йот» (для двух надписей доказать это нельзя за полной пропажей второй половины имени, т. е. слова «йот», для третьей — ARH: CLIX 721–VIII — это вполне вероятно; см. ниже). Но в надписи, где читается «Ми-йотес» и за ним «Ми-йот», там в добавленном при переделке имени слово «Ми» написано раньше «йот», надо думать, под воздействием предшествующего «Ми-йотес». К тому же при перестановке слова «йот» вперед можно было читать: «Возлюбленная отца ее Йота, *Мрт*», что было бы явным оскорблением фараона, которому одному в прямом, неиносказательном смысле Йот приходился «отцом». В пользу изложенных догадок говорит и причудливое написание имени «Ми-йот» на камне ARH: CLIX 721–VIII. При переделке получилось: *мртйт* — [й]т[н] (знак пруда *мр*, под ним знак хлеба *т*, еще ниже два знака тростника *й* и между ними внизу знак хлеба *т*, еще ниже, у края камня, еще один знак хлеба *т* — очевидно, от второй части имени «Ми-йот» — «[йот]т»). Вздорное написание первой половины имени с двумя *т* — *Мртйт* вместо *Мрт* объясняется очень просто, если для вставляемого имени «Ми-йот» частично использовали отверженное «Ми-йотес», предположительное имя дочери Кэе. Знак пруда *мр* и знак хлеба *т*, передававшие начало имени «Ми-йотес», именно *Мр(й)т* — «Возлюбленная», в позднем египетском произношении «Ми», были оставлены там, где они были написаны, т. е. на первом месте. Но в имени «Ми-йотес» за *Мр(й)т*, точнее, под ним значилось *йт.с* — «отца ее», начинавшееся со знака тростника *й*. Этот знак, добавив к нему другой такой же, можно было использовать для передачи *й* — при полном написании слова «Возлюбленная», *Мрт*, первой части имени «Ми-йот». Но такое полное написание нуждалось еще в знаке хлеба для окончания женского рода *т*. Этот знак и вписали, как подобало, [146] между обоими знаками тростника, на месте уничтоженного конца имени «Ми-йотес». Но при этом позабыли стереть *т*, оставшееся от имени «Ми-йотес» — от кратко написанного начала его «Ми» (*Мрт*), и получилась чепуха (конец имени «Ми-йот», слово «йот», подписали, естественно, под *Мрт*).

Если изложенные выкладки верны, то они позволяют сделать два любопытных вывода. Во-первых, получается, что дочь Кэе была названа созвучно со старшей дочерью царя от Нефр-эт. «Ми-йотес» и «Ми-йот» (в тогдашнем произношении «Май-йатис» и «Май-йати») звучали почти одинаково. Во-вторых, несмотря на всю созвучность, имена были по смыслу глубоко различными. Дочь Нефр-эт была «Возлюбленной Йота», подобно тому как и все пять сестер ее от Нефр-эт носили имена, сложенные с именем солнца, «Йот» или «Рэ». В имени же дочери Кэе — «Возлюбленная отца ее» — не было ничего от солнечной торжественности имен ее сводных сестер. Это напоминает различие, существовавшее между титулами Кэе и царицы Нефр-эт. Царица — «жена царева великая», «госпожа Верхнего (и) Нижнего Египтов», «владычица обеих земель», которая «жива вечно вековечно». Кэе — только «жена-любимец большая» Амен-хотпа IV. И титул Нефр-эт сложен на торжественном, уже мертвом, среднеегипетском языке, тогда как титул Кэе — на обиходном новоегипетском.

Есть ли у нас какие-нибудь надежные изображения дочери Кэе? От одних сохранились только куски, многие вовсе пропали, иные ни в чем не отличны от изображений дочерей Нефр-эт. К числу изображений, уподобляющих дочь Кэе дочерям Нефр-эт, принадлежит, вероятно, и тщательно выполненное изображение маленькой царевны на камне из Шмуна ARHAC: 11 = ARH: CLXXIII PC 24. С гремушкой (систром) в руке она

⁸ H. Ränke. Die ägyptischen Personennamen. Bd 1. Glückstadt, 1935. S. 155.

стоит непосредственно за своим отцом, Амен-хотпом IV, правящим службу многорукому солнцу. Это, насколько я знаю, единственное изображение царевны с отцом без матери, непеределанное из изображения Кэе. Кто же эта девочка? Титло, начертанное некогда над нею, полностью выбито, так что ничего не вычитать. Дочери Нефр-эт нигде не изображены без нее с одним Амен-хотпом IV (имею в виду исконные, непеределанные изображения). Но ведь и дочь Кэе изображали вместе с матерью? Дело, по-видимому, вот в чем.

Камень из стены здания (подле двери), найденный в Шмуне, сохранил остатки изображений спереди и сзади (MDIAeAK IX: VII–VIII = ARH: XIII 292–VI C + XIV 292–VI A). На одной стороне видны ноги большой особы женского пола в длинном складчатом одеянии (без мужского передника) и за нею маленькая особа в длинном же складчатом платье; голова девочки и пальцы ее поднятой правой руки, державшие, надо полагать, гремушку, пропали (MDIAeAK IX: VIII = ARH: XIII 292–VI C). Нам уже знакомы изображения из Шмуна, на которых [147] представлена царственная женщина в сопровождении одной дочери, и мы могли убедиться в том, что эта особа, переименованная впоследствии в царевну Анхес-эм-п-йот, первоначально изображала любимицу Амен-хотпа IV — Кэе. Поскольку с одной дочерью Нефр-эт бывает изображена в Ах-йот редко (обыкновенно лишь из-за недостатка места), а изображения побочной жены фараона с одной девочкой обычны и в усадьбе на юге Ах-йот, и на камнях из Шмуна, весьма вероятно, что и данное изображение относится к кругу памятников Кэе. Необычным для Нефр-эт было б и изображение на другой стороне камня (MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 292–VI A): женщина в длинном платье, стоящая на коленях с молитвенно приподнятыми руками. Изображение царицы, молящейся на коленях, имеется на плите из Она (SNE I: LXV). Однако это — единственное, насколько мне известно, достоверное изображение царицы в таком положении, и относится оно к середине царствования — ко времени III солнечного титла (см. § 36), тогда как изображения на камне из Шмуна выполнены уже не искажительным способом (см. § 103). Но главное — перед молящейся женщиной пустое пространство (возможно, с надписью синей краской, ARH: 62), а не изображение молящегося же царя, как надо было б ожидать, если б изображена была Нефр-эт, и как мы видим, в частности, на плите из Она. Быть же простою смертною особа явно не может, так как она была изображена особняком и крупно молящеюся солнцу не в доме или в гробнице, а на храмовой стене. Особа носит ступенчатые накладные волосы и большие круглые серьги.

Сопоставим с только что описанным камнем другой камень из Шмуна — часть косяка двери (AeKZKE: XXVII + 17). Вверху над разделительной чертой различимы большие ступни, очевидно, царя. Внизу представлена женщина (ниже пояса изображение пропало), приподнимающая обеими руками связку цветов. По сообщению хозяина этого камня, «вверху у темени был наложен гипс». «Углубленная форма надо лбом» позволяла владельцу памятника умозаключить, что на нем изображение царевны переделали в изображение царицы. На снимке, однако, ясно видно, что череп сзади слишком широк для царевны, и на нем различимы за боковую прядью волос еще прядки от первоначальной («ступенчатой») прически. Иными словами, переделали не изображение царевны в изображение царицы, а изображение взрослой женщины в изображение девочки. Некогда вверху был, очевидно, изображен фараон, служивший своему лучистому солнцу, а внизу особа женского пола подносила ему в виде приношения связку цветов.⁹ Отметим, что у особы большие круглые серьги. [148]

Ничто не мешает нам предположить, что и молящаяся на коленях женщина была представлена под изображением царя, служащего своему солнцу. Предположить это мы тем более вправе, что в солнцепоклоннической столице во входах в вельможеские гробницы (а иногда и внутри их) часты изображения такого рода. Вверху царь с семейством служат солнцу, а внизу коленопреклоненный сановник тоже молится, но обособленно (EA II: VII, VIII, EA IV: XV, XVI, XXIII, XXXI + 20, EA V: II+III, XV + 14, EA VI: XVI, XXV–XXVI). Что молящаяся женщина на обоих камнях — Кэе, представляется несомненным. Но тогда и

⁹ L. L. Möller, G. Roeder. Ägyptische Kunst aus der Zeit des Königs Echnaton. Hamburg, [1965]. P. 17.

под изображением царя с маленькой девочкой могла быть изображена та же Кэйе, и царь не был бы представлен, вопреки обыкновению, один с дочерью, без матери. Разумеется, изображений Нефр-эт в подобном положении отдельно молящегося подданного неизвестно.

Однако, как ни хорошо выполнено изображение девочки с родителем и как ни правдоподобно то, что она — дочь Кэйе, подлинные черты ребенка вряд ли переданы на этом камне. Очень уж похожа девочка на дочерей Нефр-эт.

Совсем непохожа на них дочь Кэйе на камне из Шмуна MDAIAK XIV: XII 1 = ТЗГ: 101 = ARH: XV 610–VIII, но, во всяком случае на снимках, она вообще ни на что не похожа: ее лицо просто обезображено кем-то. Но есть еще один камень оттуда же, который стоит пристально рассмотреть. Это — камень AeKZKE: XXI = ARHAC: 19 = ARH: CLXX PC 12. На нем уцелел кусок изображения царской службы солнцу. Царь (сохранились только бедро и опущенная кисть левой руки) правой рукою, видимо, держал жезл, которым ударял по жертвам в знак посвящения их солнцу. За царем видна подставка с приношениями, перед которой спиной к царю и лицом к пропавшей его спутнице изображена небольшая особа женского пола. Слегка склонившись, она подносит жертвенные припасы, очевидно, этой спутнице царя. По ступенчатым накладным волосам со свешивающейся с темени боковой прядью особу можно принять за царевну, однако позади ее имеется надпись: «Кормилица дочери царевой Анхес-эм-п-йот Тэйе». К кому относилась эта надпись: к особе, похожей на царевну, или к стоявшей некогда за нею, но нынче пропавшей кормилице? Мнения издателей разошлись.¹⁰ Соображения, высказанные Дж. Д. Куни, несомненно, убедительны. Вклинение обыкновенной, не царственной особы, будь то даже кормилица царевны, между царем и его царственной спутницей было бы действительно чем-то невиданным и потому вовсе не правдоподобно. [149] Возражение С. Олдред,¹¹ его указание на то, что пропавшая кормилица, стой она под надписью между царем и царевной, была бы непомерно маленькой, тоже основательно, хотя, вообще говоря, маленькие нянюшки встречаются позади царевен на солнцепоклоннических изображениях (например, EA II: V, EA V: III, EA VI: II), а на данном изображении кормилица могла бы выйти и не слишком крошечной. Однако недоумения разрешаются очень просто.

Надпись на камне неперделанная; как ее когда-то нанесли на него, так она и стоит на нем по сию пору. Весь вопрос в том, когда ее нанесли? Если бы ее выполнили одновременно с изображениями и она с самого начала относилась к царевне, то можно было бы считать доказанным, что дочь Кэйе звали «Анхес-эм-п-йот». Ведь сомневаться в том, что изображена была с царем и одною дочерью Кэйе, а не Нефр-эт, вряд ли приходится. На изображениях службы солнцу дочери следуют за Нефр-эт, а не стоят между отцом и матерью, и так обстоит дело на великом множестве изображений. Единственное исключение — камень из Шмуна ARH: CСХVII PC 71. Главное же то, что на прочих камнях из Шмуна изображения с Анхес-эм-п-йот обычно переделаны из изображений Кэйе (см. гл. III). Беда только в том, что надпись на камне не современна его изображениям, а привнесена впоследствии при их переделке и переименовании. Это можно было бы подозревать уже по одному тому, что имени «Анхес-эм-п-йот» здесь в отличие от прочих камней из Шмуна не сопутствуют никакие переделки, однако такое подозрение можно было бы и отклонить ссылкой на то, что титул Анхес-эм-п-йот в составе звания ее кормилицы было настолько кратким, что и переделывать было нечего. Но есть одна особенность у этого титула, которая определенно указывает, что надпись с ним вставлена при переделке: имя «Анхес-эм-п-йот» сопровождается определителем не просто женщины, а женщины с так называемым «бичом» в руке.

Насколько мне известно, нет ни одной неперделанной надписи, в которой имена дочерей Амен-хотпа IV до их воцарения сопровождал бы достоверно определитель женщины с «бичом» в руке. На неперделанных памятниках переворота знак встречался мне только после имен цариц (ср. § 77, 80); после имен царевен мне известен лишь определитель женщины без «бича» в руке. Подобное поразительное единодушие в правописании тем

¹⁰ Л. Л. Мёллер — в кн.: L. L. Möller, G. Roeder. Ägyptische Kunst aus der Zeit des Königs Echnaton. S. 23; J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. Brooklyn, 1965. P. 19.

¹¹ C. Aldred. [Рец. на.] J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis... // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

замечательнее, что титла царевен дошли до нас в огромном количестве. Мне не известно ни одно достоверное исключение. Определитель с «бичом», значащийся после имени царевны в передачах печатным набором MSEC AE I: 21 и от руки MSEC AE I: X, менее всего надежен. И не только потому, [150] что издание не отличается слишком строгой точностью, но и потому, что на снимках MSEC AE I: IX и XII никакого «бича» в руке женщины ни в том, ни в другом месте распознать невозможно. Чему соответствует неуместный позднеегипетский определитель сидящей женщины с коленами на земле и изогнутым вверх цветком лотоса в руке, употребленный после имени царевны Нефр-нефре-йот Малой в передачах печатным набором MSEC AE I: 19 и MDIAeAK V: 28 = TTA: 159 CLXXII, мне неизвестно, так как в моем распоряжении нет ни снимков, ни даже воспроизведений от руки для этих надписей. «Палка», которую «держит» концом вверх определитель женщины на камне из Ах-йот СА I: XLIII 3 = HTES VIII: XXV = 28, возможно, не более как царапинка или трещинка; «бича», во всяком случае, здесь никакого не было. Нет определителя царственной женщины с «бичом» и после имени царевны Бок-йот, дочери Амен-хотпа III и Тэе (EA III: VIII = IX, XVIII два раза, ср. IV); во всех случаях имя «определено» простым знаком женщины.

А вот на занимающем нас сейчас камне за именем «дочери царевой Анхес-эм-п-йот» следует определитель женщины с «бичом» в руке. Откуда взялся этот царственный определитель? Не была ли надпись нанесена на камень, когда царевна или по меньшей мере ее старшая сестра Ми-йот уже стали царицами? Определитель царицы с «бичом» и в венчике сопровождает имя «жены царевой великой Ми-йот» внутри кольца, судя по воспроизведению печатным набором и по воспроизведениям от руки, на ларцах из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXIV = U18D: 2024 = AOГ XXXVI: 13 1a, AOГ XXXVI: 17 2a). Такой же определитель придан имени Ми-йот на перстне SCN: XXXVI 54; знак женщины с «бичом» следует за ее именем на перстнях TEA XV: 106 = HE II: 234 и SCN: XXXVI 35, причем несомненно, что Ми-йот уже царица, поскольку в совершенно сходной надписи на перстне SCN: XXXVII 12 определителем к ее имени служит знак царицы в головном уборе из двух высоких перьев и с «бичом» в руке. Определителем с «бичом» снабжено и имя «жены царевой великой Анхес-эм-п-йот» внутри кольца на задней стороне золотого кресла из гробницы Тут-анх-амуна (Тоu: против 65). Однако вовсе не правдоподобно, что памятники Кэе переделывались на имя царевен после смерти Амен-хотпа IV, раз дочери Нефр-эт оказываются на переделанных для них памятниках неизменно «дочерьми царевыми», не «женами царевыми», и притом даже без царских колец вокруг имен (см. гл. VI). Но тогда не простая ли, быть может, случайность определитель с «бичом» на нашем камне из Шмуна?

Нет, так просто дело все-таки не решается. Тот же самый определитель женщины с «бичом» в руке значится в переделанной надписи из царской усадьбы на юге Ах-йот даже не [151] после имени ее новой хозяйки — «дочери царевой великой» Ми-йот, но, вопреки всякому обыкновению, после слова «великая», которому самому не место в ее титле (СА I: XXXII 2 = LVT 271 M = 152)! Здесь знак явно привнесен при переделке, и потому весьма правдоподобно, что и на камень из Шмуна он попал в то же время, т. е. при переименовании изображения Кэе в изображение царевны, в данном случае — царевны Анхес-эм-п-йот (старшей). Правда, этим еще не дано ответа на вопрос, откуда взялся знак в титлах царевен? Мы знаем, что пожелание «жива она!» в титлах, переделанных для дочерей Нефр-эт из титла Кэе, позаимствовано из этого последнего (JEA X: XXIII 3, ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII, см. гл. III и VI). Несомненно, оттуда же оно попало даже в титло «[Анхес-эм-п-йот] Малой» на камне из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c (см. гл. VI). Если в титла царевен, не имевших права на такое пожелание, оно попало из титла Кэе, то почему бы и определителям женщины с «бичом» не взяться из того же источника? Я, правда, не могу указать ни одного титла Кэе, где подобный знак действительно имелся б. Однако на одном из ее сосудов после ее имени стоит определитель женщины, пускай не с «бичом», а с каким-то жезлом (??) в руке, но зато с венчиком на голове, свойственным, как и «бич», царице (JEA XLVII: 29). В венчике здесь и определитель к слову «жена». В переделанной надписи из северного дворца в Ах-йот из-под знака пруда *mr* в имени Ми-йот на том самом месте, где

мог быть прежде определитель к имени Кэ́йе, выглядывает яйцевидный отросток, очень похожий на кончик «бича» (JEA X: XXIII 3, о надписи см. гл. II).

Вывод, что надпись «кормилица дочери царевой Анхес-эм-п-йот Тэ́йе» привнесена впоследствии, не имеет существенного значения для занимающего нас сейчас вопроса об имени дочери Кэ́йе. Разумеется, зовись эта девочка «Анхес-эм-п-йот», никакого смысла не было б при переделке вводить в изображение кормилицу на самом непоказанном для того месте — между царем и его царственной спутницей. Незачем было б переименовывать маленькую царевну в кормилицу царской спутницы, превращенной в Анхес-эм-п-йот старшую, если девочка могла оставаться на изображении под своим именем Анхес-эм-п-йот в качестве «Анхес-эм-п-йот Малой». Все произошло, конечно, потому, что дочь Кэ́йе не звалась «Анхес-эм-п-йот». Однако это мы и без того давно уже знаем.

Но если побочная дочь фараона не была «Анхес-эм-п-йот», то так звали девочку, «рожденную» Анхес-эм-п-йот старшей? Почему же тогда не переименовали маленькую царевну в Анхес-эм-п-йот Малую, как на других изображениях, а превратили девочку, по виду своему царевну, самым неуместным образом в кормилицу своей сводной сестры? Не потому ли, что никакой Анхес-эм-п-йот Малой на деле и не существовало и [152] что в другие изображения она была введена только по необходимости, чтобы как-то переименовать дочь Кэ́йе?

На изучаемом нами камне из Шмуна у девочки полное лицо и нет никаких признаков выпяченного назад черепа; на дочерей Нефр-эт она не похожа. Но и прическа у девочки несвойственная им: шарообразные накладные волосы, подстриженные по сторонам лица ступеньками, с прямою прядью, ниспадающей сбоку немного ниже плеч. Из всего несметного множества изображений дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт я могу указать всего лишь три, на которых у царевен могли быть сходные прически, но из-за повреждений или неполной отделки даже эти три исключения не вполне надежны (EA II: XXXIII = XXXIV = XLVII, JEA XXI: XII = CA III: LXVI 4, CA III: CVII 1). Но есть обломок изваяния отличной работы, голова и грудь неизвестной царевны, точь-в-точь с такою же прическою, как у девочки из Шмуна (STEA: 47, 48 = ВНеф: 37 = ZZR: между 96-97). У изваяния необыкновенно широкое лицо, какого не бывает у изваяний дочерей Нефр-эт. Особо отмечается также, что череп не вытянут назад, как у тех царевен.¹² Что, если это изваяние действительно изображает дочь Кэ́йе? Изваяна девочка довольно возрастная,¹³ и это вполне подходило бы к дочери Кэ́йе, поскольку Кэ́йе была «женою-любимцем большою» фараона еще при ранних солнечных кольцах (см. гл. VI).

Подведем итог тому, что дали наши разыскания для понимания обстоятельств, складывавшихся при солнцепоклонническом дворе в последние годы его существования. Женитьба Амен-хотпа IV на малолетней дочери и рождение от восьмилетней матери царской внучки могут быть отнесены к числу условных вымыслов, вызванных к жизни переделкою памятников Кэ́йе на имя дочерей Нефр-эт. Существование Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой вне мира подобных условностей становится в высшей мере сомнительным, и вместе с тем отпадает возможность того, что Тут-анх-йоту дали в жены сверстницу — Анхес-эм-п-йот Малую, а не одноименную дочь Аменхотпа IV от Нефр-эт. Эта последняя Анхес-эм-п-йот тогда не скончалась царевною, а воцарилась несколько лет спустя после кончины своего родителя, так что каменный ларчик, надписанный на имя «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот правой голосом», т. е. покойной (PSBA XXXVI: 168), как ни мало похож он на погребальную принадлежность, заготовленную впрок, должен быть все-таки таковою (ср. обломок каменного гроба с именем «[Анхе]с-[м]-п-йо[т]» из Ах-йот, EA VII: XIII 315). Можно считать, что дочь Кэ́йе в той или иной мере разделила участь своей матери, не уцелела при дворе своего родителя, не звалась «Анхес-эм-п-йот», не [153] стала женою Тут-анх-йота. В переводе на язык более общего порядка это означает, что отвергшие впоследствии свои солнцепоклоннические имена Тут-анх-йот и Анхес-эм-п-йот ни в каком родстве с павшим полуфараоном не состояли и что, вступая в брак с Анхес-эм-п-йот, Тут-анх-йот женился не на вдове царя, Амен-хотпа IV, а на царевне, его дочери.

¹² C. de Wit. La statuaire de Tell el Amarna. Bruxelles-Anvers, 1950. P. 46.

¹³ Ibid.

Если дочь Кэ́йе разделила участь своей матери, приобретает известное, хотя и более чем сомнительное, значение странная находка, сделанная в свое время в усадьбе Кэ́йе на юге Ах-йот. В маленьком дворце на северном берегу большого пруда в замурованной кладовой были найдены останки ребенка и с ними некоторое количество бус и игрушечная алавастровая посуда (СА I: 117). Было б, конечно, непростительной смелостью утверждать, что то были останки дочери Кэ́йе, хотя странное захоронение в увеселительной усадьбе, а не в могиле или гробнице, невольно приходит на ум в связи с печальной судьбою владелицы этих мест. Наиболее вероятным представляется следующее объяснение находки. Когда двор покидал или уже покинул солнцепоклонническую столицу, кто-то из отъезжавших или остававшихся ее жителей похоронил своего ребенка в опустелом здании. Ведь непосредственно после падения Кэ́йе усадьба не была заброшена, а перешла к царице Ми-йот.

Примечание

Не принадлежит ли к кругу памятников Кэ́йе и ее дочери также часть каменного сооружения AN: 58 (титло спутницы фараона везде изглажено, титло солнца с поздними кольцами и с ссылкой на место его почитания имени царицы Ми-йот, однако с «Ми-», написанным перед «йот» и без упоминания царицы-матери)? [\[154\]](#)